ВЛАДИМИР РУДНЫЙ

ДОЛГОЕ, ДОЛГОЕ ПЛАВАНИЕ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это книга о Герое Советского Союза Адмирале Флота Советского Союза И. С. Исакове. Выдающийся командир, флотоводец, штабист, военный теоретик, он более полувека жизни отдал становлению и развитию Советского Военно-Морского Флота.

На основе материалов архива И. С. Исакова, его рассказов о флоте, воспоминаний друзей и личных впечатлений писатель Владимир Рудный рассказывает об этом замечательном человеке, «моряке до последней капельки».

- В. А. Рудный
  - Посредине пути
  - «Швейцарский адмирал»
  - Черный гардемарин
  - Главный выбор
  - «Товарищ мичман»
  - Флагман
  - Четвертая война
  - И еще одна война
  - Иллюстрации

В. А. Рудный
Долгое, долгое плавание

Посредине пути

С момента, когда главный хирург Черноморского флота, вбежав в операционную госпиталя, отбросил с доставленного из Туапсе в Сочи раненого простынку, снял повязку и увидел вокруг раны в размозженном бедре бронзовые пятна, а из глубины раны вслед извлеченным марлевым тампонам вырвался зловещий газ, с этого момента он не колебался в решении. Он наклонился к раненому, лежащему в полузабытьи, и почтительно, но твердо произнес:

— Иван Степанович вынужден вам сказать: вам надо отрезать ногу…

— Спасите мне голову, — тихо ответил раненый.

Не первая ампутация, но и сотая она не может стать привычной даже для хирурга.

И только теперь, когда все свершилось, теперь только хирург почувствовал тяжесть взятой на сердце ноши и смысл горького юмора адмирала: спасите мне голову… Человек хочет не просто выжить, но продолжать жить активно, умом своим и долгим опытом служить народу. А жизнь в нем угасает.

После ампутации, столь необычной, до предела высокой, все, кажется, складывалось, как и должно: бешеный пульс унялся, жар спадал, все — до определенного рубежа — шло к лучшему; но вот рубеж пройден, и бюллетени — в Москву в Кремль и в Тбилиси в штаб фронта — пошли один хуже другого. Молоденький адъютант каждые два часа бегал с бюллетенями к аппарату прямой правительственной связи и оттуда возвращался с вестями тоже неутешительными: самолет из Москвы с редкостными, но именно сейчас же потребными лекарствами, с медиками-чудодеями, с Ольгой Васильевной, наконец, которую раненый в редкие мгновения просвета звал ласково-коротко и с надеждой: «Ок, где же Ок?», — самолет этот не летел, а полз, огибая обугленный Сталинград и врезанные по самую Волгу клинья фашистских армий, обходя над Каспием извилистые кавказские фронты, он пробирался через Заволжье, Баку, Тбилиси, и ждать его следовало не с севера, а с юга, с тыла, висящего на волоске. А жизнь адмирала — тоже на волоске, нечем, нет сил ей помочь. Уже дважды переливали кровь, но пульс, прежде утихавший к выздоровлению, теперь едва угадывался в еще теплой руке. Выздоровление обернулось умиранием.

Настали минуты, когда пульс угас. Хирург сидел возле умирающего, не отпускал запястья его руки, пальцами нащупывая последние признаки жизни. Никто без его дозволения не решался

пройти в палату дальше двери, приблизиться и даже шепотом что-либо спросить. Только адъютанту это было разрешено — он неслышно и молча подходил, протягивал очередное известие о самолете и тотчас исчезал — взглянув на бланк, хирург отворачивался.

Телеграмму с метой «правительственная» он схватил, будто предчувствуя ее значение. Кивком дал знак всем столпившимся у дверей подойти ближе, снова взял холодеющее запястье раненого, охватил, почти сжал в ладони.

— Иван Степанович, очнитесь, — настойчиво сказал хирург. — Вам депеша. Из Ставки:

МУЖАЙТЕСЬ МНЕНИЮ СПЕЦИАЛИСТОВ МОЖЕТЕ ВЫЗДОРОВЕТЬ ЛУЧШИЙ МИНОНОСЕЦ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА БУДЕТ НАЗВАН ВАШИМ ИМЕНЕМ…

Раненый открыл глаза. И пульс ожил — едва слышимый, но он ожил…

Это — не домысел автора ради эффектного начала рассказа об удивительном современнике, его смерти и воскрешении. Это — свидетельство врача, знаменитого хирурга, знающего, что такое послеоперационный шок и какую неожиданную силу таит воля человека, жаждущего выжить. Десятилетия спустя Борис Александрович Петров вспоминал случившееся, как чудо. Два часа не прослушивался пульс. А смерть отступила.

Что же дало воле умирающего такой мощный толчок к жизни — реальность надежды или, быть может, внезапное утоление честолюбия? Неужели желание увидеть свое имя на борту корабля обладает такой гипнотической силой?! Чтобы правильно рассудить, надо знать, какую жизнь прожил до этой трагической минуты человек. А ведь он умирал посредине пути — именно так: в дни ранения, смерти и воскрешения его службе революции исполнилось ровно двадцать пять лет.

«Швейцарский адмирал»

Говорят, будто в октябре шестьдесят седьмого года в тяжкую минуту Иван Степанович Исаков внезапно воскликнул: «А ведь моряком я стал!..» Да еще каким моряком! — вправе добавить каждый из его современников. «Моряк до последней капельки», — сказал однажды его близкий друг, Герой Советского Союза Владимир Константинович Коккинаки. «Я — капитан, Олька!» — ликуя, повторял в письмах жене с Черного моря командир эсминца Исаков каждый раз, когда поднимался на мостик.

Флотскую форму он надел в двадцать лет — возраст, когда в матросы уходит почти все мужское население всякого приморья.

Но Исаков — уроженец гор. Он сам однажды пошутил, что ему на роду было написано стать если не пастухом, то бродягой или странником. С детства он запомнил рисунок французского художника в журнале «Иллюстрасьон», эффектно, хотя и с искажением перспективы, изобразивший подрыв на японских минах в Желтом море весной 1904 года броненосца «Петропавловск»: вздернутая дыбом корма корабля и русские матросы на его обнаженных гребных винтах, как на лопастях работающей мясорубки, — это зрелище врезалось в душу мальчика навсегда, но не отвратило его от моря и флота.

Среди личных фотографий многих мужчин найдется пожелтевшая карточка мальчишки в матроске и бескозырке с лихой надписью на черной ленточке — что-нибудь вроде «Альбатрос» или «Гром». Такая карточка есть и в архиве Исакова. К сожалению, расплывчатая — несовершенное творение фотографа начала века. На крылечке террасы южного домика у решетчатой балюстрады стоит улыбающийся длиннорукий мальчик лет семи в черных суконных брючках, в белой с напуском форменке и в белой — прямо-таки по форме «раз» — бескозырке над оттопыренными ушами. Надпись на муаровой ленточке не разобрать, но на ее концах, закинутых вперед, на синий полосатый воротник, угадываешь золоченые накладные якорьки. Черты лица, конечно, смыты. Достоверны только глаза — пристальные и с лукавинкой, исаковские. Это осталось на всю жизнь — юмора ему не занимать.

Не будем, конечно, придавать мистического значения матросскому костюмчику будущего адмирала — фотографирование в начале века было событием праздничным и даже волшебным. Но кому из нас доступны тайны впечатлений, оседающих в детской душе? Во всяком случае, карточка эта оказалась не случайной в жизни Ивана Исакова, крещенного в

августе 1894 года в селе Хаджикент Ованесом, сыном Степана Егорова Исаакяна — отсюда и фамилия, русифицированная еще отцом и твердо произносимая с ударением на последнем слоге: Исако́в.

Вспоминая как-то своих предков и детство, Исаков рассказывал, что его прадед был иеромонах в Восточной Армении, а дед — мельник в одном из сел под Гянджой. «Но ради бога не пишите, что дед был мельником, хоть и сто лет тому назад, — с лукавым испугом предупредил рассказчик. — Дед-мельник, даже бедный мельник, — кадровики этого не вынесут…» Шутка — в манере Ивана Степановича, всегда склонного к самоиронии.

Но шутки шутками, только от предков своих — и по отцу, и по матери — Исаков не унаследовал ни титулов, ни мельниц. Его родичи были бедны и невезучи, как и весь истощаемый большими и малыми войнами, вспышками религиозных распрей и межнациональной розни народ, зажатый между Османской Турцией, подбританской Персией и империей Романовых. Зато он унаследовал от родичей исключительное трудолюбие, упорство и острый, восприимчивый к наблюдениям и знаниям ум.

Дед сумел определить отца Ивана Степановича в тифлисскую гимназию, но средств для ее окончания не было, и отец стал дорожным техником — добротная профессия для Кавказа, где строили немало дорог. Когда началась русско-турецкая война, он пошел охотником в русскую армию, служил, зная турецкий, переводчиком в штабе, потом строил дороги в горах, важные для вывоза раненых. Воинский начальник в Карсе вручил ему гражданский орден — Станислава 4-й степени. От отца впервые услышал Иван Степанович про невероятные морские предприятия капитан-лейтенанта Макарова в русско-турецкую кампанию на знаменитом катероносце-пароходе «Великий князь Константин»; поднятые на палубу этого парохода четыре маленьких беспалубных катера были вооружены минами — на шестах и на буксирных тросах, а потом и самодвижущимися минами-торпедами Уайтхеда; «Константин» появлялся то у Батума, то возле Сухума или на Гагринском рейде, то даже на другой стороне Черного моря, в устье Дуная, тихо спускал на воду четыре минных катера в дерзкую атаку на сосредоточенные в гавани броненосцы турецкого флота. Для XIX века это было новостью и повергало неприятеля в панику.

Степан Исаков гордился тем, что знаменитый Макаров — его тезка и оба они — одного ордена кавалеры, — правда, у Степана Макарова Станислав на две степени выше, чем у него… Очевидно, нежданный орден вскружил голову бедному технику; человек

увлекающийся и незаурядных способностей, он рассчитывал теперь вырваться из нищеты. В Карсе он встретил северянку Иду Антоновну Лауэр, красивую и образованную женщину из знаменитого своим университетом города Эстляндской губернии Дерпта. Ида Лауэр выросла на хуторе, арендуемом ее многодетным отцом у богатого барона. После окончания гимназии она пошла гувернанткой в военно-чиновничью семью. С этой семьей Ида Антоновна и приехала из Петербурга на Кавказ, где вышла замуж за остроумца и веселого человека, мало приспособленного и к военной службе, и к предпринимательству. А ему, когда жена народила троих детей, не терпелось по-новому построить свою жизнь и разбогатеть. В поисках удачи он скитался из города в город, устроил жену и детей в Тифлисе на попечение ее брата-холостяка, а сам осел в развивающейся нефтяной столице Баку техником на строительстве осушительного канала на нефтеносных землях Апшеронского полуострова.

Охотников за счастьем там собралось вдоволь, хищников — крупных и мелких, иноземных и домашних — хоть отбавляй. Колониальные нравы — жестокие и беспощадные. Охранка чуяла накипающее озлобление рабочих на промыслах, близость грозы девятьсот пятого года и в канун революционных выступлений спровоцировала очередное кровопускание — армяно-татарскую резню. Степан Егорович Исаков попал в гущу трагических событий, чудом их пережил, но ненадолго: тяжко заболев, он год спустя умер от разрыва сердца, оставив семье одни долги.

Петр Антонович Лауэр, брат вдовы, давно стал покровителем семьи и воспитателем детей. Он потому, возможно, и остался холостяком, что посвятил себя целиком сестре и ее детям. В Тифлисе Иван Исаков жил и учился с семи лет. Дядя был для него в ту пору и духовным отцом, и наставником.

Инженер-технолог Лауэр вырос на берегу Балтийского моря и, как многие уроженцы Эстонии, стремился во флот. Может быть, поэтому он всю свою жизнь собирал книги о море, журналы о море, рисунки с морскими сюжетами. Всевозможные справочники, записки знаменитых мореплавателей, географов, биографии прославленных адмиралов, описания кругосветных походов русского парусного флота, сражений Ушакова, Нельсона, Нахимова стали спутниками юности реалиста Исакова.

Дядя получал для своей библиотеки не только журнал «Иллюстрасьон», где десятилетний Ваня обнаружил картину гибели «Петропавловска» на минной банке, а позднее — иллюстрированные отчеты о трагедии эскадры Рожественского у Цусимы. Дядя собирал и «Морской сборник», он накопил фолианты этого журнала почти за шестьдесят лет.

На первых же книжках журнала значилось имя Федора Петровича Литке, исследователя загадочной Арктики, Новой Земли, Чукотки, Камчатки, Каролинских островов. Этот адмирал, капитан в двух кругосветных плаваниях, географ, президент Российской Академии наук, был среди главных учредителей «Морского сборника»; детское воображение невольно связало с тех пор морское дело с наукой и открытиями. «Фрегат «Паллада»» Гончарова пришел к Исакову со страниц «Морского сборника». В «Морском сборнике» он находил документальные дополнения к «Севастопольским рассказам» Толстого. Здесь писали и о подвигах матроса Кошки, и о мужестве Нахимова, и о гибели Корнилова на Малаховом кургане, и о бесстрашии хирурга Пирогова — Пирогов сам стал потом автором журнала, к его заметкам о воспитании юношества, для детского ума еще непонятным, Исаков вернется в зрелом возрасте. Ему не был доступен смысл многого; он тогда не знал, что и драматург Островский, и Писемский, и Ушинский, и Даль, и Станюкович, многие писатели, ученые, просвещенные люди века сотрудничали в морском журнале не случайно; дух близкого к «Современнику» издания вызвал гнев жандармов, гнев царского двора, но одобрение революционных демократов. О статьях Чернышевского и Добролюбова в защиту «Морского сборника», о протесте Герцена в «Колоколе» против доноса охранки на «Морской сборник» Исаков услышит потом — надо еще пройти огонь Октября и гражданской войны, чтобы по-новому воспринимать отечественную историю. В детские же годы ищешь сведений, сюжетов, романтических историй.

Но и поверхностные впечатления детства, если их источник чист, оставляют благой след. Все, что позже легло в фундамент его глубоких исторических познаний, все начиналось отсюда, из этой библиотеки Петра Антоновича Лауэра, так и не ставшего моряком, но сумевшего пробудить не праздный, добрый интерес к флоту у своего воспитанника.

А остальное формировала среда — разнородная, но демократическая по своим устремлениям.

Иван Степанович в заметках к автобиографии не раз подчеркивал демократичность жизни в Тифлисе. Были рядом и эдакие наследные принцы — будущие прожигатели родительского состояния. Были и друзья по проказам детства, по скитаниям на горных дорогах и тропах, на бурных реках Кавказа, по любви к театру, к книгам, к примитивной, но глубоко народной, грустной и чистой живописи тифлисских духанов. С одними жизнь развела, с другими дружба продолжалась до глубокой старости.

Однажды, уже после смерти Ивана Степановича, я разговаривал в Ленинграде с подругой его детства Еленой Эн, в прошлом княжной.

— Вспоминаю Вано тех дней и вижу перед собой худенькую фигурку шустрого мальчика, — рассказывала мне Елена Эн. — Он вытянулся потом. На вьющихся, коротко стриженных черных волосах фуражка реалиста надета а ля Нахимов. Весь устремлен, всегда спешит. «Вано, куда?» — «Эличка! — так он меня звал. — Бегу бить Коваленского!» — и быстро скатывается по нашей лестнице…

Писатель Хаджи-Мурат Мугуев, его товарищ по реальному училищу, рассказал мне однажды, что Исаков увлекся рисованием — он посещал уроки рисования в Художественной школе, продолжая учиться в реальном. Никто его к этому не понуждал. Возможно, это совпало с открытием для себя живописи Пиросмани; быть может, имя художника Верещагина, погибшего вместе с Макаровым, сыграло свою роль — тут можно только гадать; но скорее всего, напечатанные военным журналом заметки о зарисовках русских штурманов в дальнем плавании вдоль Кореи и стран Тихого океана подсказали ему, что моряк должен свободно и легко рисовать: в странствиях по морям и океанам нужны не только иностранные языки, но и острый карандаш к острому глазу… И конечно — знание техники века.

Век только начинался. Молодые люди чувствовали, что это век переворота в науках и в технике. Исакову едва исполнилось пятнадцать, когда он, брат и их ближайший друг затеяли выпуск двухнедельного машинописного журнала. Название ему придумали многозначительное: «Заря».

В кратеньком вступлении к первому номеру трое издателей, братья И. С. и П. С. Исаковы и Н. Н. Джунковский — кстати, будущий специалист по гидросооружениям, — заявляли:

«Прежде чем приступить к изданию нашего журнала, мы считаем долгом посвятить наших читателей в наши планы и стремления, которые мы будем стараться выполнить. Мы, юноши, интересуемся всем, что ново для нашего времени, — как литературой (хотя не новейшей), так и искусством, и техникой со своими аэростатами и дирижаблями (которые с каждым днем усовершенствуются), — и что увлекает нас. Тем более, что нам предстоит пережить начало той эпохи в развитии человечества, на ЗАРЕ которой мы проводим лучшие годы нашей жизни».

Не знаю, как дальше развивалась эта затея и сколько номеров «Зари» выпустили пятнадцатилетние издатели, но и по первому номеру, помеченному 15 ноября 1909 года, можно судить о характере их общественных интересов. В этом номере помимо

путевых впечатлений о поездке тифлисских учащихся в Кутаис, статьи на острую тему «Армяне в России», юмора, хроники под заглавием «Смесь» помещены материалы о полетах Блерио, о развитии авиации и летательных аппаратов, словом, издатели, они же и авторы, старались идти в ногу с веком.

Елена Эн, рассказав про манеру Вано Исакова носить фуражку а ля Нахимов, вспомнила и шуточное прозвище, приставшее к нему в ее доме: «швейцарский адмирал». Мальчик так мило и увлекательно рассказывал о морских сражениях, что это прозвище родилось само собой. Почему «швейцарский адмирал»? Ну, это же понятно: в Швейцарии, хотя там и есть сказочное Женевское озеро, флота никогда не было и нет. В Армении Севан тоже прекрасен. Но где там быть флоту и адмиралам?..

Прозвище звучало как безобидная шутка сверстников. Но и безобидная насмешка все же насмешка.

В тридцать девятом году в письмах из США к жене Иван Степанович саркастически назвал себя мулатом. По ассоциации с «белыми», «черными» и «полубелыми» за океаном. Казалось, он вернулся в стародавний мир. Расовое неравенство — что может быть гаже.

Но в подобном стародавнем мире прошла вся его юность. Его окружали милые товарищи. Его не гнали из-за стола. С ним дружили, принимали его ухаживания. Но то, о чем мог, без боязни показаться смешным, рассуждать иной чистопородный барчук, не смел высказывать безродный сын дорожного техника. Впрочем, говорить смел. Никто из окружавших не осуждал его фантазий. Но ясно же, его мечты о военном флоте беспочвенны, так почему не посмеяться над тем, что смешно…

Те же друзья юности охотно помогли ему выправить необходимые для воинского начальника документы о дате и месте рождения, о вероисповедании и происхождении, утраченные его отцом в дни страшной резни в Баку, — без этих документов нельзя было стать на учет, когда пришел срок воинской приписки; влиятельные люди сумели выхлопотать в канцелярии полицмейстера метрику на Ивана Исакова как на уроженца Тифлиса, а не горного села, и позже Ивану Степановичу не раз и не два приходилось в служебных автобиографиях объяснять причину такой путаницы. Помогая Ване, его сверстники искренне считали, что оказывают ему двойную услугу. И верно же: в дореволюционной России юноше, желающему беспрепятственно получить высшее образование, да еще в Петербурге, было выгоднее подать начальству документы уроженца Тифлиса, нежели бумаги из армянского захолустья.

А Исаков твердо решил после окончания училища ехать в Петербург. Мать настаивала, чтобы ее младший сын избрал занятие более надежное, чем заманчивая, но недоступная ему карьера морского офицера. Склонность к технике, к точным наукам надо использовать. Сам же рассуждал про зарю новой эры — надо быть последовательным. Того, чего отцу не удалось добиться, сын при его способностях несомненно достигнет. Семье живется трудно. Павла взяли в армию. Дядя Петр выбивается из сил, чтобы всех обуть, одеть прилично, помочь чем возможно. Хорошо, что старшая — Мария — пошла служить, нашли ей место счетовода на железной дороге, жалованье небольшое, но себя прокормит. Пора и младшему не фантазировать, а позаботиться о куске хлеба. Не обязательно ехать в Петербург. Можно учиться в Баку, в Ростове-на-Дону, в Дерпте наконец, на родине матери, — там прекрасный университет и жизнь дешева… Но Исаков упорствовал — только в Петербург. Туда, где стали мичманами Ушаков, Нахимов, Истомин, Бутаков.

«Швейцарский адмирал»? Ну что ж из того, что он уроженец гор. Историей доказано, что лучшие адмиралы России родились и росли далеко от моря. Ушаков из-под Ярославля, Нахимов родился в Смоленской губернии, рос под Харьковом, а море впервые в жизни увидел только тогда, когда его привезли в Петербург и определили в кадеты Морского корпуса. И не море увидел — устье Невы в версте от корпуса. Но сумел же Нахимов прославить Россию и ее флот на века!..

Взвесив все возможности, Исаков решил во что бы то ни стало пробиться в Морской корпус, сдать туда экзамены лучше всех поступающих. Несколько лет учения, морской практики в дальних плаваниях и, если он преуспеет в труде и науках, на белые с золотой окантовкой и накладными якорями погоны гардемарина он заслужит лычки флотского унтер-офицера да еще дудку на витой цепи на грудь. А там и мичманский кортик не за горами. С мичманов начинали долгое плавание все адмиралы парусного и парового флота, мичман — первый офицерский чин на флоте, первая ступень. К ней стремился девятнадцатилетний Исаков, приехав летом тринадцатого года в Петербург.

Черный гардемарин

В Петербурге, как и в Тифлисе, его тоже отговаривали: Морской корпус только для дворян. За двести лет его существования устав менялся не раз, но сословные преграды не ослабевали. Даже Коля Джунковский считал, что надо подавать бумаги в Политехнический — опять вместе учиться.

А дядя, — не Лауэр, а ротмистр расквартированного в Тифлисе Нижегородского драгунского полка Гацунаев, родственник и Хаджи-Мурата Мугуева, — дядя стал поучать племянника, что кавказцу резон служить в кавалерии, хотя сам дядя полк оставил, переехав в Петербург. Гацунаев твердил старое: флот — не для кавказца. Люди Кавказа любят коня, шашку и кинжал. Вот Мугуев правильно поступил, уйдя еще в прошлом году в кавалерийское училище, скоро получит чин хорунжего. А Вано? Теряет только время Вано: кончится тем, что возьмут в солдаты.

Наверно, дяде успела написать мать. Он то и дело ссылается на пример Макарова, знает, *кто* для упрямого Вано авторитет. Смотри, говорит, сам Макаров не посмел когда-то проситься в корпус, знал, что боцманского сына туда не возьмут. Отцу Исакова как кавалеру ордена Станислава пожаловано личное дворянство?.. Оно в могиле, его дворянство. Здесь ты никто. Вот в казачьем войске будешь человеком, — там и осетины, и чечены, возьмут и армянина.

Но Макаров начинал службу полвека назад. Иная эпоха, пореформенная Россия. Высшая знать опасалась, что простолюдины захлестнут офицерскую касту. Да и неужели пример с Макаровым никого ничему не научил?.. Только и твердят сейчас в обществе: России необходим флот, надо обновлять морское офицерство. В Думе дебатируют об ассигнованиях на строительство большого флота. Дядя должен же знать, что в войне с Японией ядро флота погибло. В Николаеве, в Ревеле, да и в самом Петербурге, заложены новые корабли. Кто будет ими командовать, если не допускать к учению тех, кто любит флот?!

Тысячи доводов выискивал юный Исаков не только в споре с благожелателями, но и самим собой. Потрясения русско-японской войны и революции пятого года он пережил еще мальчиком, многого не понял и не мог понять, но многое прояснилось ему вскоре. На устах у всех были Порт-Артур и Цусима.

О детских впечатлениях Исаков разговорился в шестьдесят седьмом году с Хаджи-Муратом Мугуевым, сидя с ним в скверике

во дворе писательского дома на улице Черняховского в Москве. По-стариковски ворошили прошлое. Придирчиво сличали свои воспоминания, сверяя память. Сошлись на том, что одному больше запомнились известия о революционных событиях в Баку, хотя сам он тогда жил в Тифлисе, и это естественно: в Баку перед всеобщей забастовкой пострадал отец, для семьи все сплелось в один узел — смерть отца, резня, охранка, волнения на промыслах; а другому — Мугуев был на год старше Исакова — памятна всеобщая забастовка в Тифлисе, — к ней присоединились и ученики старших классов, начальство в кавалерийском училище вечно выпытывало у будущего хорунжего, не причастен ли и он к этой крамоле. Многое в памяти сместилось, такого смещения остерегался Исаков, когда начал писать рассказы. Но при всей незрелости взглядов обоих юношей, детские впечатления нашли в их душах свой закуток, и все, наверно, всплыло потом…

А тогда — тогда Исаков не умел и не старался докапываться до социального смысла того, что происходит в стране. Тогда он не знал, что еще до падения Порт-Артура Ленин предсказывал судьбу 2-й Тихоокеанской эскадры, посланной царем на верную гибель, не знал столь ясной исчерпывающей ленинской оценки русско-японской войны, которую потом, полвека спустя, сам приводил в полемике с заокеанскими фальсификаторами морской истории: «Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению». Где мог в десятые годы прочесть такое юноша, далекий от политики, если царская цензура подсовывала ему лживые казенные версии.

Собственный небольшой жизненный опыт подсказывал юному Исакову критическое отношение к официальным версиям. Но только в рамках допустимого в обществе вольнодумства. Всякое неравенство, несправедливость его возмущали, он тоже ждал реформ — ну хотя бы в устройстве флота, — радовался, когда прочел, что на Балтийском море появился адмирал Эссен, обучающий экипажи в плаваниях, а не на рейде. Но дальше его критическое мышление не шло, состояние своего ума он сам потом оценивал как предрасположение к грядущему — не больше.

Наивный в политике, он надеялся, что все же сможет доказать адмиралам в Петербурге свое право служить флоту и стать его офицером. И подал, никому из близких ничего не говоря, прошение о допуске к сдаче экзаменов в Морской корпус.

Подолгу Исаков маячил у бронзового памятника капитану Ивану Федоровичу Крузенштерну против главного входа в alma

mater, как всегда, всю жизнь, называл он прославленное флотское учебное заведение, из которого вышли многие не только отважные, но и ученые моряки России; останавливался, в сотый раз читая на памятнике: «Первому русскому мореплавателю вокруг света».

Но получил отказ. В резолюции было прежде всего сказано: «В просьбе — отказать». Начертав сие, царский адмирал, очевидно потрясенный дерзостью просителя, желчно добавил: «Зачем это молодому человеку из Армении идти на морскую службу? Ну, еще в сухопутные войска — дело другое. Но флот?.. Не было адмиралов из Армении!»

Уж адмиралу полагалось бы знать, что были в России военные моряки из армян. Даже в больших чинах. В это же время седьмой год служил во флоте армянин офицер Александр Гарсоев, образованный подводник — потом, после Октября, он стал профессором морской академии Красного флота. Но еще во время Крымской войны кавказско-черноморской укрепленной линией командовал армянин-католик Лазарь Маркович Серебряков, вице-адмирал, прекрасный организатор, знаток восточных языков, дипломат и боевой моряк, основатель Новороссийска. Автор статьи в ученической «Заре» «Армяне в России», разумеется, помнил Серебрякова, только у него не было возможности опровергнуть чиновника адмиралтейства — отказ он получил письменный.

О своей реакции на отказ Иван Степанович как-то рассказывал после Великой Отечественной войны Всеволоду Вишневскому, писателю, с которым сблизился в годы съемок фильма «Мы из Кронштадта», не раз встречался в море и на берегу, не раз резко спорил, как спорят с друзьями. Исаков сказал ему, что, прочтя резолюцию, он твердо решил добиться своего и стать моряком. Тогда, в тринадцатом году в Петербурге, сказались, к счастью, черты характера, унаследованные не только от отца, но и от матери, тоже выросшей на каменистой, требующей упорного труда земле, только на северной, где каждую пядь пашни приходилось отбивать у природы, очищать, освобождать от валунов — из них и поныне на островах и на материке Эстонии крестьяне складывают изгороди вокруг своих жилищ. Упорство, настойчивость, самообладание, воля — все, что он получил от натуры родителей и развивал в себе исподволь, было пущено в ход.

Исаков подал бумаги в Петербургский технологический институт и был принят. Чтоб не стать в тягость родственникам и матери, он устроился в гараж при институте ремонтировать автомобили.

Великое дело — самостоятельность. Исаков считал, что никогда так хорошо и легко не учился, как в год, когда, переехав в Петербург, освободился от опеки маменьки и родичей. Он нисколько не обижал этим близких людей. И матери, и дяде Петру Исаков остался навсегда благодарен за все, что они сделали для него. Но для каждого юноши настает пора, когда опека даже любимых людей становится обузой.

В одной из записей на блокнотном листочке с метой синим карандашом «Автобиография», — таких листочков, заполненных фразами-тезисами, помеченными по-исаковски цифрами, как пункты плана возможной рукописи, появилось за годы его скитаний по госпиталям немало, — я встретил неожиданное слово: нахлебничество. Точнее, два слова — горечь нахлебничества. Так и намечено к разделу «О предрасположении к большевизму» первым пунктом: «Никакого достатка. Горечь нахлебничества».

Нахлебник?! Никто не попрекал его куском хлеба. Он сам видел, как тяжко живется семье. Пора становиться мужчиной. Хочешь поступать по-своему — отвечай за поступки и неудачи сам, своим горбом. Он и добивался своего по-своему: уехал в Петербург, стал студентом, стал рабочим, отказался от помощи родных, но не отказался от цели жизни.

Вот когда Степан Осипович Макаров, герой давних побасенок отца, заслонил на время всех книжных кумиров. Макаров ему близок, почти современник. Макарову тоже, наверно, хотелось поступить туда, где учились Ушаков, Лазарев, Нахимов, а пришлось пойти в скромное штурманское училище на Амуре. Но стал же он крупнейшим флотоводцем и ученым. Да еще в годы наимрачнейшей реакции. Подумать только — боцманский сын, выходец из низшего сословия, командовал тихоокеанским флотом, сокрушал на страницах «Морского сборника» авторитет самых чванливых и косных сановников от адмиралтейства, дал России не только первый в мире катероносец, но и «Ермака», оставил после себя блестящую книгу «Рассуждения по вопросам морской тактики» — откровение в морском искусстве и в науке — и достойно принял смерть на мостике броненосца на виду у всего мира. Это ли не пример для юноши, желающего стать военным моряком!

Читатель, пожалуй, вправе спросить: а почему бы этому юноше не пойти в матросы? Море отплатит добром за упорство и труд. Умом мы можем понять, что в старой России был иной социальный строй. Но нелегко в семидесятые годы представить себе уклад жизни десятых годов нашего века. В те времена не мог матрос стать капитаном. А Исаков хотел стать капитаном —

помните: «Я — капитан, Олька!..»

Технологический давно слыл очагом крамолы; его студенты прекратили в тысяча девятьсот пятом году занятия, протестуя против расстрела рабочих у Зимнего дворца 9 января; в его стенах тогда же впервые заседал Петербургский совет рабочих депутатов, а после разгрома первой русской революции были тайные явки большевиков. И теперь здесь царил дух вольнодумства. Старшекурсники бывали на заводах и верфях Питера. Новая техника, перспективы развития радио, авиации, кораблестроения занимали их серьезнее, чем издателей тифлисской «Зари».

Останься Исаков в Технологическом, он стал бы при его разносторонних способностях выдающимся инженером-технологом или ученым в точных науках, вероятно, и политически прозрел бы много раньше. Только у каждого свой путь. Его дорога к самоопределению лежала через ту самую офицерскую касту, которая его отвергала. Но нигде прежде да и потом, до самой революции, он не слыхал таких ясных и прямодушных суждений об окружающем мире, как в Технологическом в канун первой мировой войны.

А потом началась война с ее шовинистическим захлебом, подавлением всяких вольных ростков и трудным отрезвлением.

Хотя и поздно развернутое, строительство большого флота заставило морское министерство спешно позаботиться о пополнении офицерского корпуса. Морской министр не отважился сломать вековую традицию и отменить сословный ценз для alma mater, куда не попал Исаков. На Васильевском острове в красных трехэтажных казармах второго Балтийского экипажа в конце Большого проспекта, поближе к гавани и подальше от глаз чистой публики, открыли гардемаринские классы — отдельно от «святая святых». Их так и назвали: Отдельные гардемаринские классы. Свидетельство полиции о благонадежности все равно было обязательным, но имущественный и сословный ценз отпал.

Летом четырнадцатого года Иван Исаков сдал конкурсные экзамены в юнкера флота. Через три месяца он стал черным гардемарином. Черным потому, что в ОГК — так принято было называть классы — полагались погоны не белого сукна, как у настоящих гардемаринов, а черные и не с золотой окантовкой, а с двумя белыми полосками по краям. На бескозырке, на широкой ленте с названием классов, — кокарда с золотым якорьком.

Конечно же, черные погоны придуманы не случайно. Старший лейтенант Шлиппе, персонаж рассказа Исакова «Кок Воронин», едва взглянув на черные погоны, бросил небрежно:

«Вижу, что из студентов!.. Ну-ну!.. Посмотрим, что выйдет из этого эксперимента морского министра и Государственной думы!..» Старлейт даже прочел нотацию гардемаринчику из студентов: «Неужели не нашлось в роду захудалого дворянчика, за которого можно зацепиться, чтобы поступить в корпус?.. Наконец, можно же было подать прошение на высочайшее имя?!.»

Для подобных типов черные погоны — клеймо. Но Исаков не чувствовал в этом никакого ущемления. Обмундирование, пожалуй, пожиже — военное время. Муштра пожестче — слушатели «из студентов» не прошли кадетской подготовки. Дортуары в казармах неуютны, пол асфальтовый, в морозную зиму, особенно южанину, худо. Зато — скоро в море, может быть и в бой, на Балтику, где флот с первых дней преуспел в обороне устья залива и в минной войне, повезет — попадешь в минную дивизию, на знаменитый «Новик», удивляющий неприятеля дерзостью и быстротой маневра.

А что до Шлиппе с его глупейшим высокомерием, так бог с ним, цену ему гардемарин узнал, прочтя отчет о гибели «Петропавловска». В который раз возникала перед юношей картина — взрыв японской мины под броненосцем и боезапаса на нем, уходящий носом в пучину корабль; выскочившие на поверхность винты, как сообщал протоколист, «продолжали рассекать воздух, калеча и разламывая тех немногих из команды броненосца, коим удалось выскочить наверх и собраться на корме». А потом юноша прочел и цифры потерь — шесть сотен нижних чинов ушли на дно вместе с Макаровым, офицерами и другом адмирала, художником В. В. Верещагиным; но вот Шлиппе, да-да, тот самый Шлиппе, тогда еще молодой мичманок, уцелел, всплыл вместе с Кириллом, великим князем и бездельником, в соответствии с народной мудростью — дерьмо не тонет…

Впечатлительный юноша учился пренебрегать уколами ничтожных людей, сосредоточивая себя на самом главном. Точные науки — математика, астрономия, механика, электротехника — давались ему легко, не зря прошел год в Технологическом. А уж специальные корабельные предметы, то, что относится к устройству корабля, к его оружию, к тем самым минам, которые в будущем сыграют большую роль в его боевой жизни, или мине Уайтхеда — так тогда называли торпеду, — все эти предметы вместе со специально «навигацкими», обещающими практику в море, поглотили его настолько, что всякие насмешки над «швейцарским адмиралом» забылись. Преподаватели оценили Ивана Исакова, незаурядного слушателя классов, сообразительного и с оригинальным мышлением. Его

удивительная память и объем накопленных знаний, хотя и книжных, но озаренных воображением, привлекли к нему наиболее способных однокашников, товарищей на всю жизнь.

«Нас сдружили книги, — рассказывал уже после смерти Ивана Степановича его спутник по многим плаваниям и походам, когда-то сосед по дортуару в Дерябинских казармах Альфред Андреевич Бекман, по тем временам — «Алька, друг Жано». — Читали запоем, умудрялись даже ночью, при свечных огарках». Если в руках у Жано книга, — значит, стоящая, за плохую не возьмется, а за редкую, да еще историческую и морскую, отдаст последний грош. С Бекманом они сидели рядом на лекциях, вместе «оморячивались» на практике, вместе высаживались на Русский остров, готовясь к зачету по описи морских берегов, грустили на выпускном вечере перед первым назначением. А потом прошло полвека, бурных полвека, — то рядом, то врозь, и вот однажды в Петрозаводск пришел Бекману подарок, напоминающий веселую юность: «Прими, о дорогой Алька, на память сей портрет от старого друга-адмирала…»

После первой учебной зимы в Петрограде, поездок в Кронштадт, на корабли, на верфи Адмиралтейства и на ледоколы, разбивающие лед в устье Невы — дальше пока не пускали, — предстояла долгожданная практика. Но не на Западе, а в Тихом океане.

Недели изнурительного пути — через всю Россию, с долгими стоянками на зауральских и сибирских станциях и полустанках, забитых санитарными поездами с фронта и встречными эшелонами мобилизуемых на фронт пожилых солдат, у перронов, переполненных калеками, скитальцами из голодных губерний, вдовами и сиротами; станционный жандарм на каждой стоянке охранял неизвестно от кого классные вагоны с гардемаринами — хоть и черные гардемарины, но все же будущие «ваши благородия»…

Жано и его друг Алька запаслись самым подходящим чтением: конечно же, «Фрегат «Паллада»» Гончарова, популярного в ту пору писателя, автора «Обломова» и «Обрыва». Все в этой книге о плавании из Кронштадта в Японию волновало их сейчас. Те же места впереди, те же моря и та же скрываемая самоиронией робость перед неведомой корабельной жизнью. Разумеется, гардемарины, в отличие от глубоко штатского писателя, чувствовали себя профессионалами, но если уж по правде, — кто из них знал, как перенесет он качку и океанский шторм.

Не впервой, но теперь иными глазами они читали рассуждения Гончарова о сомнениях, сопутствующих человеку, впервые идущему в море, — одни ожидания опасностей чего

стоят!.. «Да, тут есть правда, — писал Гончаров, словно напутствуя юных гардемаринов. — Но человеку врожденна и мужественность: надо будить ее в себе и вызывать на помощь, чтобы побеждать робкие движения души и закалять нервы привычкою. Самые робкие характеры кончают тем, что свыкаются… Зато какие награды! Дальнее плавание населит память, воображение прекрасными картинами, занимательными эпизодами, обогатит ум наглядным знанием всего того, что знаешь по слуху, и, кроме того, введет плавателя в тесное, почти семейное сближение с целым кругом моряков, отличных, своеобразных людей и товарищей…»

Тысячи миль прошел Исаков на миноносцах, канонерских лодках Амурской и Сибирской флотилий, на учебном корабле «Орел». Он повидал и Николаевск-на-Амуре, где учился на штурмана Макаров, и Желтое море, где он погиб, и проливы Цусимы, и гавань Чемульпо — место подвига экипажей «Варяга» и «Корейца»; он знал, что «Варяг», поднятый японцами тогда же, в пятом году, был отремонтирован и превращен ими в учебный корабль «Сойя», но теперь японцы стали союзниками против кайзеровской Германии и Россия уже договаривалась с ними о выкупе трофейных кораблей — через год, прибыв снова во Владивосток на практику, гардемарин Исаков увидит в бухте легендарный четырехтрубный «Варяг» — опять под андреевским флагом и георгиевским вымпелом — перед отправкой в Мурманск на ремонт…

На каждой миле тихоокеанских походов, при посещении каждого порта история, знаемая по книгам, «по слуху», становилась осязаемой, обогащалась наглядностью, плавание, как и предсказывал Гончаров, населяло память, воображение редкостными картинами, обостряло ум и закаляло характер. Гардемарины побывали и на петропавловских батареях, выстоявших перед соединенными силами иноземцев во время Крымской войны; поднялись и на борт двухмоторной паровинтовой яхты, построенной на Охтинской верфи в Петербурге по заказу камчатского губернатора в одиннадцатом году, — она дошла в Авачинскую губу своим ходом через океаны и моря, и ее назвали «Адмирал Завойко» в честь соплавателя Нахимова и начальника петропавловской обороны Василия Степановича Завойко.

Славное это дело — называть корабли именами воинской доблестью отмеченных сынов отчизны, а не в честь знатных особ царствующего дома или ничем не примечательных сановников. К этой мысли Исаков вернется не раз. Он еще напишет полный глубокого сарказма рассказ «Крестины кораблей» — о том, как на

Дальнем Востоке у острова Русский матрос срубал зубилом с борта новенького ледокола медные литеры названия — «Генерал-адъютант Сухомлинов»; пока ледокол строили в Шанхае, а потом вели с верфи до Владивостока, военный министр Сухомлинов «под зад коленкой получил»… Но осмысление виденного — впереди. А пока — смотреть, запоминать, учиться.

«И этого всего потом из памяти и сердца нельзя выжить во всю жизнь: и не надо — как редких и дорогих гостей», — так закончил книгу «Фрегат «Паллада»» Гончаров. Так думал и гардемарин Исаков.

В палящий полдень под южными широтами он безропотно лез в корабельную преисподнюю — к машинам, к котлам, благо никогда не был белоручкой. А на крутой волне с замирающим сердцем взбирался на марс, «побеждая робкие движения души». Он охотно исполнял любую работу на корабле, помня пристрастие к матросскому труду Нахимова, презрительно окрещенного вельможами «боцманом». А уж самостоятельная прокладка хотя бы малого отрезка курса, священнодействие у компасов или у штурманского столика — это ли не награда за тяжелый труд!

Но гардемарин — не путешественник в одном единственном походе. Его практика — только начало морской жизни. Тут и радости, и огорчения, тут и познание разных натур. Ничто так не раскрывает натуру человека, как длительная совместная жизнь на корабле в море. В море — как на войне: хороший человек быстро проявит и разовьет лучшие черты своей натуры, а дурной наверняка раскроет себя соплавателям. Сразу видно, кто и в бою храбрец и во вседневной жизни не робок, кто равнодушен ко всему, кроме себя самого, а кто молодец над беззащитными, куражится, хоть и сам не шибко знатного роду, над нижними чинами, зато перед старшими стелется угодником.

Исакову каждый офицер на корабле поначалу казался идеалом. Но когда праздник первого выхода в море прошел, настали трезвые будни.

«Орел» возвращался Охотским морем к Владивостоку. Команда, измученная штормом, вздохнула вольнее. Проглянуло солнце, волна унялась, свободные от вахты матросы отдыхали в кубриках. На мостике кроме вахтенного начальника и рулевых были те гардемарины, коим предстоял зачет по навигации.

Внезапно появился командир Винокуров, царь и бог на корабле, — грубый, не в меру строгий, но бог. Про таких говорят: он идет по правому борту — все шарахаются на левый. Винокуров цепко и быстро окинул взглядом мостик и остановился у компаса: медяшка тускла, плохо надраена. Кивок — и старшина рулевых, в

чьем заведывании был компас, унтер-офицер из старослужащих, взлетел на мостик и предстал перед командиром, едва успев привести себя в порядок после короткого сна в кубрике. Командир, не сказав ни слова, сильным ударом в лицо сшиб его с мостика навзничь на палубу.

Даже в парусном флоте, когда крепостных крестьян забривали в матросы до гроба, самые просвещенные из офицеров восставали против экзекуций и мордобоя. Декабристы, а среди них были и моряки, тоже требовали отмены телесных наказаний. На том же настаивали, к неудовольствию цензуры, не только заговорщики против престола, но и умеренные либералы прошлого столетия — ученые, педагоги, литераторы. Сразу после гибели Нахимова вся Россия узнала его наказ офицерам флота: «Пора нам перестать считать себя помещиками, а матросов — крепостными людьми. Матрос есть главный двигатель на корабле, а мы только пружины, которые на него действуют». Гардемарин Исаков запомнил из биографии Нахимова, как тот, еще плавая лейтенантом на «Азове» под командой Лазарева, не сдержался и, защищая матросов от издевательств, сам ударил ненавистного команде квартирмейстера, шкуру и доносчика; разгневанный свидетель этого проступка адмирал Сенявин сделал лейтенанту Нахимову строжайший выговор за попрание достоинства флотского офицера и отправил его под арест. Нахимов всю жизнь стыдился этого своего проступка. И вот в XX веке командир учебного корабля бьет, как исправник, нижнего чина. Уж не «урок ли чести» преподал он гардемаринам?!

Одни брезгливо скривили губы и отвернулись. Другие — бледные, потупили взор. Третьи, возможно, намотают на ус — еще хватает в царском флоте держиморд, тех, кто расправился с потемкинцами, с мятежниками Свеаборга, «Памяти Азова», с бунтовщиками балтийских линкоров — не зря бурлит, грозит самодержавию непокорный флот. Но среди гардемаринов еще нет готовых к протесту.

В шестьдесят седьмом году, отвечая в комсомольской газете одному флотскому старшине статьей «Доброта и мужество рядом живут», Иван Степанович рассказывал, как за маленькую слабость приходилось и ему краснеть, как важно для каждого нравственное самовоспитание, преодоление ложного стыда, превращающего иногда человека в слабодушное существо, цитировал английского писателя Оскара Уайльда — слова, написанные в тюрьме: «… каждый ничтожный поступок повседневности создает или разрушает личность». Но главную свою мысль Исаков выразил так: «Возвышает или обесценивает человека он сам».

Право на такие слова он заработал всей своей жизнью. Тогда,

в Охотском море, прозрение уже началось. Но дорога предстояла еще трудная — Исаков только-только на нее вступал.

Главный выбор

Укоренился издавна эдакий штамп в оценке перелома в биографии выходца из старого офицерства: «Безоговорочно перешел на сторону революции». В пору, когда революция была рядом и в памяти поколений ее участников остались офицерские заговоры и мятежи, жестокость белогвардейщины и козни белой эмиграции, подобная фраза из канцелярской характеристики казалась лаконично исчерпывающей, она примитивно, но определенно отвечала на вопрос, допустим, ребенка в кинематографе: «Это наш или не наш?» Но чем дальше мы отходим от того огненного времени, тем острее нужда в расшифровке: как случилось, что человек, далекий от политики, воспитанный в верности монархии и ее присяге «За веру, царя и отечество», сумел найти свой путь не только признания Октября, как свершившегося факта, но и сознательной защиты революции. Не простой и не однозначный это был шаг, тем более на пороге вступления в офицерский корпус.

Исаков всегда с ревнивой пунктуальностью относился к своему дореволюционному прошлому и к объяснению своей позиции в семнадцатом году, отвергая, по его же выражению, и «выгодные преувеличения» и «неприятные преуменьшения». Вскоре после Великой Отечественной войны, когда «Правда» поместила среди фотографий маршалов и адмиралов — полководцев Победы — и его портрет, ему показали рукопись очерка Вс. Вишневского о нем. Его замечания отличались дотошностью, но и желанием не преувеличивать свои юношеские поступки. Допустим, такого рода: «Звание отца — «почетный гражданин», как и «крестьянство» матери, — не этим силен…» Или: «Бои в Рижском заливе начались 10 октября, закончились 16. Хорошо помню Октябрь в Гельсингфорсе. Поэтому 3 декабря на Кассарском плесе быть не мог», — это чтобы не приписывали лишнего.

Семнадцатый год в одной из заметок «К биографии» оценен им «школой I и II ступеней». «Много позже товарищи, не знавшие моего прошлого, — писал он, — спрашивали, что побудило меня еще в феврале стать на сторону народа, а после Октябрьской революции пойти на первый же призыв Советской власти. Отвечаю: что помогло мне — отсутствие какого бы то ни было имущества; жил на жалованье мичмана и содержал свою старую мать. Не только у меня, но и в роду ни у кого не было ни капиталов, ни недвижимости. Сестра служила счетоводом на железной дороге, брат — в армии. Второе — недворянское

происхождение»…

В канун Февральской революции старший унтер-офицер первой роты ОГК Иван Исаков не помышлял о свержении самодержавия. Неудовлетворенность бездарным руководством войной, возмущение казнокрадством и предательством в высших сферах, ощущение развала, краха пронизало все слои общества, но старший унтер-офицер ОГК, жаждущий поскорее получить погоны мичмана, отправиться в действующий флот, навести там порядок и отдать жизнь за Россию, был в это время больше всего озабочен экзаменами.

Выпускники ОГК знали, что командиры новостроящихся на верфях кораблей загодя интересуются их успехами, склонностями и приглядывают мичманов, пригодных на вакантные должности. Еще в шестнадцатом году на имя начальника классов пришло письмо из Ревеля от командира заложенного на верфи Беккера и К° эсминца «Изяслав» с просьбой прислать лучшего из выпускников. Всегда молодому моряку хочется заранее знать, с кем и на каком корабле предстоит начать службу. Исаков до зачисления в ОГК долго и внимательно следил по «Морскому сборнику» за разрешенной было морским начальством дискуссией между представителями Главного штаба и молодыми офицерами флота: «Какой нужен России флот?» В Главном штабе исходили из теории «владения морем» Мэхена и Коломба и считали, что надо строить эскадры линейных кораблей и тяжелых крейсеров. Молодежь доказывала, что подводные лодки, прорывающие любую блокаду и поражающие корабли любого класса, оставили позади век дорогостоящих линкоров, — надо строить побольше дешевых, но сильных эсминцев и развивать подводный флот. Когда голос молодежи, ее аргументы оказались сильнее мнения Главного штаба, дискуссии был положен конец весьма распространенным способом: наиболее рьяных противников во главе с лейтенантом Ризничем Главный штаб уволил с флота и таким образом победил своих оппонентов.

Исакова, конечно, тянуло на эсминец. «Не люблю линкоров», — сказал он пятью годами позже на Каспии в остром диалоге начальнику местной ВЧК матросу-балтийцу Панкратову. Он предпочитал после окончания ОГК попасть на один из тридцати шести строящихся эсминцев типа «Новик», тем более, что знал: на «Изяславе» впервые за счет уменьшения числа торпедных аппаратов установлено больше пушек на борту — пятипушечный бортовой залп при высочайшей быстроходности превратит корабль поистине в громоносец. Но чтобы попасть на «Изяслав», надо стать лучшим из выпускников не только по репутации, но и по итогам в аттестате. Исаков, сдав все

выпускные экзамены на «12» — это был тогда наивысший балл, — вошел в первую десятку.

И вот идет неделя за неделей, а выпуска все нет. Внезапные потрясения, не предусмотренные никакими учебными программами, смешали все на свете, самых аполитичных втянули в водоворот общественной жизни. На Якорной площади в Кронштадте, запруженной тысячами матросов, гремели такие слова, каких еще не слыхивала эта крепость: «Долой самодержавие!..» В тот же день в Дерябинских казармах знали подробности всего, что произошло в Кронштадте. И не только в Кронштадте. Через два дня в Гельсингфорсе — главной базе флота, куда будущим мичманам, надев золотые погоны и кортики, предстояло явиться за назначением, — случилось такое, о чем не прочтешь ни в одном из флотских уставов. Шестидесятитысячный митинг матросов сверг вице-адмирала Непенина, известного организатора балтийской службы связи, но и свирепого монархиста, с должности командующего Балтийским флотом за то, что тот скрыл от флота весть о свержении самодержавия. На его место тут же, на Железнодорожной площади Гельсингфорса, был голосованием *выбран* вице-адмирал Андрей Семенович Максимов, когда-то начальник бригады новостроящихся линкоров, снятый с этой должности после конфликта с охранкой, — он защищал обвиненных в мятеже матросов. Тут же на митинге Максимов написал свой первый приказ по флоту: освободить из тюрем политических заключенных, за что новое Временное правительство окрестило его «большевиком», а «Правда» назвала «Адмиралом революции».

Где уж тут начальству заниматься выпуском молодых офицеров флота, когда флот сам выбирает командующих, одних казнит, других, «государственных преступников», выпускает на волю, да еще поднимает над кораблями, как над баррикадами, красное знамя восстания… Девятого марта гардемарины построились на плацу перед казармами, чтобы выслушать приказ — но не о выпуске, нет, — «Приказ по армии и флоту» с призывами, обещаниями и угрозами: «…Верьте друг другу, офицеры, солдаты, матросы… Не слушайте смутьянов, сеющих между вами раздор и ложные слухи… Воля народа будет свято исполнена…» На другой день — опять приказ, но не перед строем, а на стене, как листовка: «…Враг угрожает столице… Темные силы Вильгельма среди нас…» И то и другое подписано: «А. Гучков». Кто такой Гучков? Московский фабрикант, заводчик? Почему он военный и морской министр, где воевал, где плавал?

В самих классах — слухи и смута, неужели и здесь «темные силы Вильгельма»? Атмосфера — как в Технологическом. Идут

жаркие споры, возникают и распадаются политические течения, выпускники рвутся на улицу, смешиваются с солдатами и рабочими, приносят в дортуары крамольные листовки и произносят такие речи, словно все давно рухнуло и никто не дорожит своей карьерой. Исаков носился по городу с митинга на митинг, еще плохо разбираясь в происходящем и соглашаясь с каждым, кто горячо и смело говорил о демократии и свободе. Красивее всех ораторствовали те, кому и при монархии жилось недурно. Матросы говорили по-разному: все требовали справедливости, но эсеры твердили о войне до победного конца, анархисты кричали, что прежде всего надо перебить всех до единого офицеров, и не признавали никакой власти над собой, даже революционной, большевики, особенно солдаты с фронта, требовали мира, братания с немцами и раздела земли — этого никак не мог понять будущий мичман, — как можно достичь мира, братаясь с врагами? При всей своей, как он писал, «склонности к большевизму» Исаков еще не понимал классовой солидарности людей в шинелях, он по-прежнему стремился в бой, на фронт.

Только в канун апреля состоялся, наконец, выпускной вечер и был зачитан приказ о выпуске и присвоении первого офицерского чина — мичман. Чин, кортик, нарукавные шевроны, все как положено. Но все до странности зыбко. Приказ о производстве в офицеры, изданный Временным правительством, сам по себе казался временным — уже существовал приказ № 1 Совета рабочих и солдатских депутатов, отменяющий уставы, на которых держалась старая военная машина.

После выпуска всем полагался месячный отпуск. Только трое решили от него отказаться — в их числе и мичман Исаков. «Жаждали отдать свои молодые жизни во славу флота», — с иронией объяснял он много лет спустя этот поступок молодому инженеру флота Михаилу Корсунскому, исследователю судьбы последнего экипажа «Изяслава». Доля истины в этом была. Но только доля. Исакову надо было поехать в Тифлис — пять лет не видел матери. Да и неплохо показаться в морской форме среди друзей школьных лет и перед насмешниками — в его возрасте простительна и такая слабость. Но где раздобыть на долгое путешествие по разоренным дорогам России деньги, даже учитывая положенные проездные от казны? Не было у него таких денег. И не было желания рисковать будущим, надеяться на волю случая. Он не хотел устраняться от происшедшего, наоборот, его тянуло в гущу событий, и было бы дичайшей нелепостью именно в такой час застрять где-то в пути или в Тифлисе, за бортом флота.

В Адмиралтействе чиновники выдали мичманам проездные документы до Гельсингфорса и вручили какие-то пакеты «особой важности» для передачи на штабной корабль «Кречет».

В поездах уже появились матросские патрули, они придирчиво и с насмешкой смотрели на свеженьких мичманов. А мичманы беззаботно подсчитывали, кому какой нужен срок до лейтенанта и через сколько десятилетий можно рассчитывать на самостоятельное командование хоть небольшим шипом…

В финляндской столице мичманы, ищущие «Кречет», не вызывали симпатий: «Кречет» заработал дурную славу гнезда монархистов. В учебно-распределительной части штаба Исакова прощупали оловянным взглядом до печенок, вскрыли особо важный пакет, изучили вдоль и поперек не столь уж тайные для него аттестации и сразу решили: черный гардемарин из инородцев — этот скоро примкнет к большевикам. Флаг-офицер, полистав его дело, приказал в Гельсингфорсе не задерживаться. В Ревель отправляется ежедневно «Ермак» — на нем немедленно отбыть на южный берег, найти в Копли на заводе Беккера «Изяслав» и доложить о прибытии командиру эсминца.

В порту он встретил своих друзей — Бекмана и Гаврилова. Бекман пришел проводить Исакова и Гаврилова, сам он назначен на «Цесаревич» — кажется, этот линкор переименуют в «Гражданина».

— Опять крестины, — сказал Гаврилов. Он отправлялся в Ревель без назначения. — Будет Алька срубать старый режим…

Они вспомнили прошлое лето на острове Русском и матроса в беседке у борта ледокола «Генерал-адъютант Сухомлинов», срубающего имя опального министра, — под ругань боцмана и капитана матрос ронял в воду тяжелые бронзовые литеры длинного названия; гардемарины смеялись, а несчастный капитан ледокола твердил, что одна только мысль о крещении ледокола заново ему нутро выворачивает, каждая посудина с каким именем родится, с тем и помирает — в славе или в безвестности… Борис Гаврилов, прозванный в классах Гаврюшкой, заикаясь, смущенно спросил тогда рассерженного капитана, как избежать таких казусов. Капитан ответил: «Не гоже крестить корабли именами живых, лучше — именами покойников. Да и то с выбором, понадежнее». Но теперь мичманам не до смеха. Они понимали: идет коренная ломка жизни, имена всяких венценосцев, монархов, великих князей, получающих адмиральские чины не нюхая мостика, — стереть и забыть.

Бекману надо было на рейд в Лапвик, к Гангуту. А Исаков с Гавриловым взошли пассажирами на борт славного «Ермака».

«Ермак» на каботажной линии!.. Очевидно, дух этой весны

был такой мятежный, что не трепет вызвал у мичмана приход на борт детища Макарова, построенного ради величайшего дела — ради опытного плавания по будущему Северному морскому пути, но оставленного по произволу царя в Финском заливе «зимним извозчиком»; не трепет, не высокие мысли о деяниях боцманского сына, а чувство горечи. Как далеко шагнуло бы отечественное мореплавание, если б не зависело от тупых властителей…

«Ермак» ошвартовался в Купеческой гавани Ревеля. На извозчике добрались на полуостров Копли, в район заводских зданий — к дому командиров новостроящихся кораблей.

Исаков уверенно вошел в кабинет командира «Изяслава» Леонтьева, лихо отрапортовал ему о своем прибытии и растерялся, когда командир молча указал ему на дверь в соседнюю комнату. Он еще не знал, что за Леонтьевым укрепилась в Ревеле кличка «Анюта», а за обитателем соседней комнаты капитаном I ранга Клавдием Валентиновичем Шевелевым, начальником XIII дивизиона эсминцев, — прозвище «Клаша». Злословили, что бесхарактерный «Анюта» и полслова не вымолвит без волевого «Клаши», и потому дверь из его кабинета в кабинет комдива всегда раскрыта настежь.

В следующую минуту мичман стоял перед невысоким, но крепким офицером с холодными, умными глазами, способными привести в трепет подчиненного, остудить не в меру горячего и скрыть за внешней благожелательностью неистовую ярость и глубокое презрение.

Высокого, с отличной выправкой и хорошо воспитанного мичмана «Клаша» раскусил, казалось, сразу, отметив про себя и не резко выраженные кавказские черты его внешности. Он подробно расспросил о программе Отдельных гардемаринских классов, давая тем самым понять, что для офицерской среды сия затея — темный лес и выйдет ли из этой затеи путное, — покажет время, умело проверил заодно и уровень знаний новичка, узнал, откуда он родом, кто мать, кто отец, есть ли среди предков дворяне и офицеры, с неудовольствием отметил год, проведенный в Технологическом, и неожиданно повторил фразу непотопляемого старлейта Шлиппе: «Ну-ну, посмотрим, что выйдет из этого эксперимента…»

Словно все, что происходило в эти дни в России, в Петрограде, в Кронштадте, да и в Ревеле, где матросы то и дело митинговали, «ваше благородие» произносилось только с оттенком издевки, копошились какие-то самочинные комитеты, кого-то смещали, кого-то выбирали, кого-то делегировали куда-то, — словно все это его, начальника XIII дивизиона, не касалось и мичмана Исакова тоже не касается.

Так и запомнилось — Шевелев при первом же знакомстве игнорировал революцию. Он встал, помолчал, вглядываясь в мичмана-полукровку, и спокойно выговорил:

— Флот превращен в публичный дом. Матросня распустилась. Нас с вами этот митинг не касается. Достроим корабль, выйдем на позиции, и все станет на свои места. Вы назначаетесь на должность ревизора. Знакомы вам обязанности ревизора перед сдачей корабля казне?

— Так точно, господин капитан первого ранга.

— Приступайте к службе. Указания получите от старшего офицера. С чего полагаете начать? — спросил он внезапно.

— С изучения корабля, если разрешите, — быстро ответил Исаков, не подозревая, что выдержал испытание. Начальнику дивизиона ответ явно понравился. Знает мичман традицию русского флота — начинать службу в любом чине с изучения корабля. Настоящий моряк не погнушается полазить на брюхе и под котлами, а ревизору сам бог велел с этого начать, чтобы не хлопать ушами перед подшкипером, кладовщиками служб и прочими содержателями, когда они будут докладывать о вытребованных со складов верфи материалах и запасных частях, — редкий из содержателей не шельма, попадись ему лопоухий ревизор — вмиг вотрет очки и обведет вокруг пальца.

Беседуя с тем же таллинским военным инженером Корсунским, Исаков вспомнил свое «боевое крещение на ревизорском поприще». Баталер принес ему счет на лук, закупленный у частных поставщиков: «Извольте утвердить, господин мичман!..» Мичман прочел, прикинул, вздохнул — про нормы потребления лука слушать лекций в ОГК не довелось — и утвердил. «Счет на лук» повторялся ежедневно. А в конце недели жулик-баталер предложил мичману долю. «Устроил ему мальчишеский, совершенно идиотский скандал, — рассказывал Исаков. — Действие неожиданное: баталер, игнорируя меня, утверждал счета прямо у старшего офицера Валдайского. Хищения, разумеется, продолжались».

А команда, как водится, уже знала: новенький мичман неподкупен.

Валдайский — главное действующее лицо рассказа Исакова «Старшой с бульдогом», он выведен под именем Алдайского, крайнего монархиста, ненавидимого и матросами за издевательства над слабыми, не умеющими постоять за себя, и офицерами — из страха, что этот Старшой, с повадками городового и жандарма, навлечет гнев команды на всех офицеров. Мичман тоже проникся отвращением к его хамству и садистской манере натравливать на робких своего свирепого бульдога. Он

чувствовал, что и Валдайский презирает плебея из черных гардемаринов. Но не сразу он понял политическую суть этого типа. Пока Валдайский был для мичмана просто злобным человеком, который по своему образу и подобию выдрессировал омерзительного пса. В таком, как Валдайский, конечно, разобраться легче: за столом береговой кают-компании, слушая споры офицеров о политике Временного правительства, Совдепа и матросского Центробалта, Валдайский непременно бросит реплику: «Всероссийский кабак» или скажет: «Перевешать десяток-другой ваших социалистов — и все придет в норму». И уйдет, не глядя на притихших подчиненных. Труднее раскусить кондуктора Земскова: вроде бы социалист-революционер, облечен полномочиями председателя судового комитета, но скользкий, не лежит к нему душа. А вот понять начальника XIII дивизиона Шевелева мичману совсем не по силам. Да, высокомерен. Зато храбр и хороший моряк — это действует гипнотически. Надо еще пуд соли съесть с матросами революции и самому стать ее сознательным участником, чтобы различать: кто и *ради чего* воюет.

Полугодие между приходом Исакова на «Изяслав» и Октябрем стало решающим для его *главного* выбора, потому оно достойно внимания. Да и сам он, когда начал писать, посвятил тому времени лучшие из своих рассказов.

Мичман оказался среди офицеров «Изяслава» почти единственным новичком. В команды новых эсминцев собрали лучших специалистов из полудивизиона особого назначения больших угольных миноносцев старого типа «Пограничник», прославленных в первые годы мировой войны. В бухте Копли-лахт к весту от Ревеля, тогда ее называли Цигелькопельской, в ковше завода у одной из достроечных стенок — так именуют причалы, куда ставят спущенные со стапелей коробки на время начинки, вооружения, испытаний и сдачи казне, — в оборудованных нарами трюмах большого сухогруза рейсовой линии Одесса — Петербург «Диана» размещались команды «Изяслава», «Автроила», «Гавриила» и «Константина». На «Диану» назначали дежурного офицера, по неписаному флотскому закону эти малоприятные обязанности спихивали на новеньких. Исаков чаще других дежурил на плавучей казарме, остальные офицеры к вечеру расходились по домам — они снимали квартиры в городе и старались поменьше толкаться среди матросов.

Вечером, в одно из первых дежурств Исакова на «Диане», старший комендор «Изяслава» Иван Капранов, близкий к большевикам, отечески разъяснил мичману, что ему не стоит укорачивать буянов, — невзначай обидят, а команда справится с

ними сама. Капранов стал одним из его опекунов на годы. Не ущемляя самолюбия и даже соблюдая субординацию, он вводил Исакова в «курс момента», чтобы тот по горячности и незрелости не нарвался на стычки с матросами из чужих экипажей.

Так же вежливо Капранов и большевик Злыднев, турбинный машинист, оставили однажды дежурного мичмана по «Диане» под арестом «при каюте часика на два», предварительно отключив в каюте телефон: на «Изяславе» назревал скандал, провоцируемый Валдайским, и вожаки революционных матросов предпочли в тот вечер сбросить в бухту дрессированного бульдога, а потом без шума спровадить его хозяина, но расправу над офицерами предотвратить.

Опять — «школа I и II ступени». Значит, мичману начинают доверять. Во всяком случае, к нему приглядываются те, кого готов перевешать Валдайский.

В те дни мичман мало чем отличался от матросов. Инструментом научился владеть еще на дорогах Кавказа и в гараже Технологического. Белоручкой не был и в двух кампаниях практики на морях Тихого океана. Поселился — единственный из офицеров — в одной из кают корабля, опутанного всевозможными шлангами, проводами, электрокабелем, а когда внезапно кабель замкнуло и в каюте случился пожар, не побежал звать нижние чины, сам нашел на посту сбрасывания мин топор, обмотал рукоять ветошью и перерубил проводку.

Каждое лыко шло в строку. Даже то, что мичман редко появлялся в офицерском блеске. Днями он не вылезал из «синего рабочего» — из комбинезона чертовой кожи; так удобнее лазать на брюхе возле турбин, проникать во все горловины и люки, изучая каждую щель. И всегда — с тетрадочкой, с карандашиком: ревизору и второму минному офицеру необходимо заполучить в тетрадочку схемы всех систем и устройств. Его, впрочем, все интересовало, независимо от практической пользы. Зато в кают-компании или на дежурстве Исаков появлялся подтянутый и выутюженный, не отрекаясь от своего мичманского чина и не подлаживаясь, как некоторые, считающие расхристанный вид признаком демократизма.

В одной из черновых записей о патриотизме — ложном и настоящем — Иван Степанович обдумывал сложность положения тех кадровых офицеров, которые считали своим моральным долгом летом 1917 года противостоять немцам в Моонзунде, фактически поддерживая в этом большевиков, хотя и не соглашаясь с их программой социальных реформ.

«Война с немцами успокаивала совесть, делаешь что-то для

своей родины — России, рискуя даже жизнью. Война, настоящая война, не в тылах, а на фронте, требует от человека многого. И физического и морального напряжения. Некоторых она даже одурманивает и держит все время в состоянии эйфории. Поэтому для многих офицеров участие в войне было *облегчением*, отвлечением от необходимости анализировать и решать сложные вопросы, как отношение к Временному правительству, к эсерам или меньшевикам с их программами, якобы «народными», но резко отвергаемыми представителями самого народа, одетого в серые шинели. Сознание, что ты выполняешь патриотический долг, спасло немало офицеров от самоубийства или временно спасало от циничного наплевания на все и вся, а также от необходимости выбрать какую-либо партию и активно включиться в политическую жизнь страны».

Мичман Исаков не сожалел об утраченной перспективе офицерской карьеры, не выжидал, не приспосабливался. Но ему казалось, будто он стоит — и можно стоять — от революции и борьбы партий в стороне. Он, как это всегда бывает с молодыми моряками, попадающими на свой первый — и желанный — корабль, полюбил «Изяслав» настолько, что считал его лучшим из всех миноносцев. Даже спустя почти полвека он помнил «Изяслав», держал перед собой в кабинете его крупно увеличенную фотографию и однажды, полемизируя с буржуазной прессой, написал: «В разгар революционных событий с верфей Ревеля вышли и приняли участие в боях с немецким флотом в 1917 г. «Изяслав» и «Автроил», имевшие 5-пушечный бортовой залп и только два торпедных аппарата. Если сейчас, сорок пять лет спустя, перебрать в памяти дестройеры и лидеры всех флотов мира, то станет ясным, что вытеснение торпедных труб артиллерийскими установками началось с их русского прототипа «Изяслав», который доблестно воевал во второй мировой войне под именем «Карл Маркс»».

Двадцать четыре часа в сутки молодой мичман отдавал «быстрейшему вводу в строй лучшего корабля», лез из кожи, «стараясь подтянуться к уровню знаний и авторитета старших и более опытных боевых товарищей» и не предполагая, что скоро он разойдется с ними во взглядах на судьбу страны, переоценит недавних героев. Ему казалось, будто, выполняя «профессиональный долг», можно не вникать, «во имя чего и в интересах кого» собираются использовать корабль: «Таким я был весной 1917 года».

Он, конечно, уже не мог остаться «вне политики». Корабль под брейд-вымпелом начальника дивизиона выходил в дозоры, потом на минные постановки, близились бои за Моонзунд,

Временное правительство, твердя о войне «до победного конца», готово было сдать Петроград, но расправиться с революцией. Мичман начинал разбираться, если не в программах политических партий, то в деятелях.

Однажды в Ревель в огромный сборочный цех верфи привезли на митинг «бабушку русской революции» Брешко-Брешковскую, окруженную свитой «котелков» и «гаврилок». Обрядили «бабушку» в пуховый платок, чтобы не продуло, нацепили на платок венчиком черную матросскую ленточку с надписью «Рюрик». Исаков писал, что в этом венчике «бабушка» стала похожа на покойницу. Ее подняли на верстак-«трибуну», усадили в кресло-«трон», и она произнесла речь — о земле, о воле, о войне «до победного» и о поддержке Антанты. Кто-то подковырнул бабушку: «А как же насчет социализма?» Бабушка сболтнула: «Социализм — это улита, которая едет, когда-то будет»…

Флот, избавляясь от влияния эсеров и меньшевиков, становился надежной опорой большевиков. Ленин писал тогда председателю областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии: «Кажется, единственное, что́ мы можем *вполне* иметь в своих руках и что́ играет *серьезную* военную роль, это финляндские войска и Балтийский флот».

В Гельсингфорсе работал Центробалт, в этом штабе революционных матросов были и делегаты «Изяслава». Через своих комиссаров Центробалт контролировал командование. И не зря. Корнилов клялся матросам в Кронштадте верности революции, призывал, как и «бабушка» с Керенским, к войне до победного конца, пугая германской угрозой Петрограду, а сам, став Главковерхом, сдал немцам Ригу, открывая дорогу на Петроград. И на флоте — корниловцы: четыре адмирала перед моонзундским сражением дезертировали. В такое предательство юный мичман не поверил бы, не окажись он в гуще событий.

На редчайших фотографиях моонзундского сражения есть пояснения Адмирала Флота Советского Союза Исакова к тому, что видел и пережил мичман Исаков. Вот мирные на вид пейзажи Аренсбургского рейда, они напоминают совсем немирные события. Хотя бы выход ночью на минную постановку к Петерскапелле после падения Риги. Мичман — минный офицер — обнаружил, что на сорока минах, взятых со складов в Ревеле, приржавели к резьбе защитные колпачки, силачи не могут их отвернуть. Мичман решил стронуть колпачки с места зубилом. Как офицер он мог приказать любому из матросов выполнить эту опасную работу. Но пошел на риск сам — сам виноват, что *до* операции не проверил мины. Офицеры смотрели на его старания скептически — подлаживается мичманок. Но Капранов одобрил.

И суровый Злыднев хмыкнул поощрительно. И Виктор Евгеньевич Эмме, новый старший офицер, поставленный при поддержке команды на место Валдайского, тоже одобрил его поступок, а Эмме никогда не подлаживался; когда-то и он на миноносце «Генерал Кондратенко» спас от взрыва мины других, но сам пострадал.

Или вот снимок «Изяслава» на рейде Куйвасту: «Грот-матча укорочена по решению Шевелева. На орудие № 1 еще не поставлен броневой щит… Вдали «Гражданин»…»

К другому снимку есть пояснение о броневых щитах, оправдавших себя в бою, и об инстинктивном признании новинки матросами, пояснение подробное, очевидно, необходимое историкам, — Иван Степанович никогда о такой пользе не забывал. А что касается «Гражданина» — тут Исаков не мог оставаться равнодушным, даже если силуэт «Гражданина» на фотографии едва заметен: там воюет его друг Бекман, воюет рядом, а повидаться нет возможности. Жив ли? Как относится к происходящему?.. Только в Гельсингфорсе Исаков узнал, что его друг, придя на «Цесаревич», сразу *определился* к матросам-большевикам. Сбылось пророчество Гаврюшки — «будешь, Алька, срубать старый режим». Именно таково было первое революционное поручение Бекману: изготовить макет и отлить литеры «Гражданин»…

Вот снимки с Кассарского плеса. Середина октября. Разгар германского наступления. Более трех сотен боевых единиц кайзеровского флота, среди них — десять новейших линкоров, линейный крейсер «Мольтке», десятки эсминцев, подводные лодки. Но «Слава», «Гражданин», «Баян», «Адмирал Макаров» и минная дивизия, покинутая ее начальником, держат по призыву Центробалта фронт, топят корабли противника, сбивают его гидросамолеты. Английские подлодки не вмешиваются, хотя шныряют тут же — их видели за кормой «Изяслава» и «Автроила». Оба эсминца ведут бой. Исаков управляет огнем кормовых пушек. «Впервые в жизни, — пишет под снимком Исаков, — все мы наблюдали дымзавесу, к которой прибегли немцы, прикрывая свой отход (не из труб, а из-под кормы, через специальный вывод, от маленького движка в румпельном отсеке, который выпускал белую, белесую завесу за кормой). Не все сразу поняли, откуда взялись мгла и туман (перед тем — ясно). Даже на мостике делалось предположение, что это пожар в корме немецкого эсминца, а от пожара дым. Мы собирались ликовать. Но в какой-то момент за косой показался из-за леса острова Эзель (идя с зюйда на норд малым ходом) трехтрубный крейсер и с первого же залпа дал перелет. Тогда мы поняли, что зарвались, и сперва —

поворот на зюйд (последовательный), а затем на ост (все вдруг)»…

Исторический снимок сделал с «Изяслава» Эмме. 17 октября был затоплен старый линкор «Слава». Когда-то в Моонзунде прорыли для него специальный канал на главном фарватере, так и названный канал «Слава». За экипажем «Славы» еще в 1905 году упрочилась репутация бунтарского. После расстрела июльской демонстрации 1917 года в Петрограде и большевистских выступлений на линкорах Керенский требовал ареста матросов-большевиков «Славы». Об этом, конечно, знал весь флот. И вот «Слава» вместе с «Гражданином» и другими кораблями революционной Балтики выдержала бои с флотом кайзера, а потом решили ее затопить в канале, чтобы не дать германским кораблям пройти к Финскому заливу. «Слава» пропустила по каналу все уходящие корабли, пропустила «Гражданина» и легла на грунт. Балтийские матросы не открыли фронт, не уклонились от боя, — так обещал съезд делегатов революционных моряков на яхте «Полярная звезда» в воззвании «К угнетенным всех стран».

«Изяслав» отошел с Кассарского плеса в недостроенный порт Рогокюль для осмотра повреждений.

Водолазы установили, что эсминец погнул винты. Надо идти на ремонт к операционной базе Лапвик у Гангута. Пересечь устье залива в одиночку, да еще имея малый ход, не просто — в море рыскают вражеские подводные лодки, надводные рейдеры, самолеты. Но все бледнело перед тем, что взволновало офицеров, — они ожидали собрания и расправы.

Во время недавнего боя замолкла одна из кормовых пушек. Возле орудия истуканом стоял заряжающий, прижав к груди унитарный патрон и не слыша ругани старшего наводчика. К пушке уже спешил комендор Капранов, но его опередил артиллерийский офицер «Изяслава»: офицер сильно ударил заряжающего в ухо, тот тут же пришел в себя — пушка возобновила огонь. Случай для накаленного времени чрезвычайный. О нем — собрание. Неужели после боя ради защиты революции — позорный самосуд?!

Земсков не углядел, как возросло за эти недели влияние немногочисленных на «Изяславе» большевиков. Не он, а большевики повели собрание. С юмором, но твердо, они убедили товарищей, что есть разница между мордобоем и тем, что произошло. Пропуск в стрельбе при бортовом залпе — чрезвычайное событие, кто-то был обязан вывести заряжающего из шока — бой есть бой. Лучше б, конечно, офицера опередил с «отеческим внушением» Капранов. Все даже посмеялись бы. Но что теперь рядить — если б да кабы. Постановили: считать случай

исчерпанным и перейти к делу серьезному — дисциплина в одиночном плавании в Лапвик.

Иван Степанович не зря назвал посвященный этому рассказ «Отеческое внушение». Штурман Сципион — тихий враг «матросни» и революции, — остужая впечатлительного ревизора, пугал его «коварством большевиков»: офицеры им нужны, чтобы дойти живыми до Лапвика. А там ждет расправа. Юный мичман не поверил ему. Он почувствовал в большевиках ту силу, которая способна управлять развитием революции. Надоели матросам и горлопаны-анархисты и двуличные эсеры, только болтающие о свободе: центробалтовцев сажают в «Кресты», а с монархистами-корниловцами — в союзе.

Но не только в настроениях команды мичман почувствовал перелом. Офицеры тоже — каждый по-своему — принимали решение. Одни, правда, еще выжидали, чем все это кончится. Другие, подобно штурману, тихо готовились дезертировать.

В Лапвике, а затем и в Сандвикском доке Гельсингфорса, куда «Изяслав» перешел на ремонт, лавиной обрушились события — и прошедшие, о которых в море не знали, и новые. Флот — в центре подготовки к восстанию, и только такой пропойца, как «человек, который проспал революцию» — сатирический персонаж рассказа Исакова, — мог этого не заметить.

Мичман, конечно, не знал и не мог знать о телеграмме, полученной председателем Центробалта Павлом Дыбенко на «Полярной звезде» из Питера: *«Высылай устав»,* таков был условный сигнал к выступлению армии и флота из Финляндии на штурм Зимнего; но он слышал в доке настойчивый призыв рабочих и матросов — «Вся власть Советам!»; он видел, что на линкорах большевики спешно создают десантные отряды и эти отряды ждут приказа не с «Кречета», а с той же «Полярной звезды»; он знал, что многие корабли внезапно ушли в Петроград, ушли и соратники по Моонзунду на «Забияке», «Самсоне», «Метком» и «Деятельном», а когда эти миноносцы вернулись, на них осталось меньше половины команд: матросы там, в Петрограде, у колыбели нового строя — Советской власти. Надо и ему твердо, по-мужски и по-военному, определить: с кем же он?..

Ушел, бросил дивизион Клаша — рухнул еще один маленький кумир юности. Следом сбежал и Анюта. Тихо и незаметно скрылся штурман Сципион. Выходит, нельзя верить ни одному офицеру, от каждого жди подлости? Но стало известно и другое. Командир эсминца «Туркменец-Ставропольский» Лев Галлер, в прошлом старший офицер «Славы», перешел к красным — позже Галлер, командир «Андрея Первозванного»,

получит орден Красного Знамени за участие в подавлении мятежа на Красной Горке. Ушел в матросские отряды под Нарву мичман Николай Озаровский, прозванный «летучим голландцем» за беспокойную романтичную натуру. Стал флаг-офицером красной бригады линкоров Алька Бекман. И Владимир Севастьянов на стороне большевиков, умный, открытый, веселый, овеянный славой экипажа эсминца «Гром», теперь командир самого большевистского из эсминцев — «Гавриила». Вот кто стал кумиром молодежи — по образу Севастьянова Исаков «старался строить свою жизнь».

После Октября команда избрала командиром «Изяслава» В. Е. Эмме — он, как писал Исаков, не носил красных бантов на груди, не заговаривал с матросами только для того, чтобы найти с ними общий язык: «он был начальником, которому после революции не пришлось ни в чем изменять свое отношение к матросам». Но никак не ожидал Исаков, что его самого матросы назовут старшим офицером, по-новому — старпомом. Не в том неожиданность, что он вскоре после Октября оказался на должности, которую в лучшем случае мог получить через десяток лет, — в те дни матрос Дыбенко стал первым наркомом по морским делам, но Дыбенко — большевик, революционер, а Исаков — плохо разбирающийся в политике мичман. Неожиданность — в доверии. Его, мальчишку, предпочли более опытным, словно знали, что «более опытные» сбегут, а он, мучаясь, страдая от обидного недоверия ко всем «бывшим», не уйдет никуда. Он уже не тот «романтик моря — вне политики», каким пришел на «Изяслав». Флот ему по-прежнему дорог, но флот — под флагом революции. Ей он готов служить и защищать ее в бою. Но ему еще надо выработать мировоззрение, разобраться в глубоких корнях даже невольных обид, наносимых ему сверхподозрительными из матросов, ставить себя выше этих обид, подчинять свои чувства и поступки только одному — раз и навсегда избранной цели. На это необходимо время.

«Товарищ мичман»

Человеку семидесятых годов трудно в полную силу почувствовать, как звучали после Октября и особенно после гражданской войны такие обыденные для нас понятия, как «офицер», «генерал», «адмирал». Часть офицеров царской России боролась в рядах Красной Армии против белогвардейцев, некоторые из них стали командармами, военными теоретиками. Но кличка «золотопогонник» — уничтожающе ругательная, а мета «бывший офицер» — политическое клеймо. Даже если этот бывший всего-навсего мичман. Не чин, конечно, ожесточал людей, а кастовая приверженность к свергнутому строю — офицерская каста защищала его с оружием в руках.

В Астрахани к концу гражданской войны один сверхбдительный матрос, занесенный, подобно Исакову, с Балтики на Каспий, решил, как тогда говорили, «прощупать контру» и «взять на испуг» командира из бывших офицеров. Вызвав Исакова на берег в свой кабинет, он сказал: «А! Старые знакомые! Помню, помню… лейтенант с «Петропавловска»…» Каждый балтиец знал про тягостный случай убийства четырех лейтенантов на «Петропавловске» в семнадцатом году при конвоировании. На плохо скрытую угрозу Исаков ответил резко и с вызовом: во-первых, он не лейтенант, он только мичман, точнее — бывший мичман, и останется им теперь до гроба; а во-вторых, не с «Петропавловска», а с «Изяслава» — из *минной* дивизии. В минной дивизии эсеры устроили контрреволюционный мятеж, когда в мае 1918 года стали на Неве напротив Обуховского завода. Но Исаков не счел нужным открещиваться от своей дивизии из-за кучки провокаторов типа Земскова. Он держал себя с достоинством человека, третий год воюющего за Советскую власть и не случайно присланного этой властью на Каспий в помощь XI армии Кирова и десантным отрядам Кожанова, кстати тоже бывшего мичмана…

Звание у Исакова в тот момент было неопределенное — *военмор*. «Военмор И. С. Исаков» — так странно была подписана двумя годами позже — в 1922 году — его первая научная публикация в «Морском сборнике». А в семнадцатом он вообще не имел никаких званий, кроме одного: *бывший* мичман.

Исаков не скрывал, что потеря мичманского чина, так пахнущего флотом и морем, отозвалась, по его выражению, «уколом в груди». И все же смог, заставил себя понять, что разжалован не он, а вся каста офицеров, разжалован весь породивший эту касту класс, ему чуждый и враждебный.

Эту враждебность острее, чем при отказе в Морском корпусе, он почувствовал вскоре после Октября, когда принял от большевиков должность старпома на «Изяславе». Бывший мичман совершил *политический* шаг, отныне для таких как Валдайский или Клаша, он по ту сторону баррикады. А матросы еще присматривались к нему — «еще поглядим», как поведет себя в трудную минуту не дворянин, не буржуй, но все же *бывший*. Такова логика революционной борьбы.

Борьба только начиналась. В Гельсингфорсе казалось, что зима будет тихая: станут льды — корабли в ремонте, финские рабочие, судя по всему, сами справляются со своей буржуазией; вся контрреволюция — на той стороне залива, под Нарвой и Псковом, рвется к Петрограду.

Исаков пошел как-то на гельсингфорскую почту и спросил: какие деньги можно перевести в Тифлис матери — николаевки, керенки или новые рубли? На почте объяснили: в Тифлис переводить деньги нельзя — там неизвестная власть с неизвестной валютой.

Это встревожило. В газетах что-то пишут о турецких войсках в Закавказье. Чем грозит нашествие турок, он знал по опыту отца. Мать, правда, не армянка, но кто защитит старую женщину, на какие средства она будет жить?

Командир дал ему на день-другой командировку в Петроград — согласовать с морским начальством какие-то исправления в артсистемах. В Питере виднее будет, как помочь матери.

После декрета о праве «Турецкой Армении» на самоопределение, в церкви на Невском открылось Армянское представительство. С наивной надеждой помчался туда бывший мичман и угодил в гнездо деляг типа тех расфранченных господ с тифлисских улиц, за которыми он вместе с другими мальчишками бегал в детстве, приплясывая и распевая: «По дороге в Очимчир едет много пассажир, между ними есть один иностранец-армянин!» Сорок лет спустя Иван Степанович изобразил этих ряженых из «полномочного представительства» во главе с бывшим начальником штаба войск Петроградского округа генералом Багратуни в рассказе «Дашнаки теряют своего флагмана». Генерал Багратуни предложил мичману должность «командующего флотом Великой Армении», деньги в валюте по прибытии в Эривань и чин адмирала в Трапезунде. Трапезунд дашнакам обещал Вудро Вильсон, американский президент. Мичман даже получил фирма́н на будущую должность. Он надеялся потешить фирма́ном друзей в кают-компании на «Изяславе», но когда вернулся в Гельсингфорс, уже было не до

веселья. Передышка кончилась.

На севере Финляндии в порту Вааза объявился в начале 1918 года новоявленный вождь финских националистов, до того — верный слуга Николая II, генерал царской свиты барон Карл Густав Эмиль Маннергейм. Из обученных в Берлине и Гамбурге стрелков 27-го прусского батальона егерей он создал ядро белой финской армии и объявил крестовый поход против финского пролетариата. Кайзер щедро снабжал егерей оружием. Возле Аландских островов в готовности стояла германская линейная эскадра Маурера с десантом на борту. Вскоре вся Финляндия стала полем не битвы, а жестокой расправы с рабочими и батраками, а Финский залив превратился в опасный для Петрограда участок фронта. Опаснейший, несмотря на суровую зиму и тяжелые льды.

Когда мичман Исаков сражался против германской эскадры в Моонзунде, его поразило, что английские подводники, союзные русскому флоту, присутствовали как сторонние наблюдатели. Королевский флот не желал мешать прорыву немцев к Петрограду. Когда Россия стала Советской республикой, тот же королевский флот, все страны Антанты, сохраняя на западе состояние войны с Германией, на востоке превратились в ее союзников. Они молча поддержали продвижение германской эскадры в Финский залив и высадку железной дивизии фон дер Гольца в Ганге, на юго-западной оконечности Финляндии; при их поощрении немцы захватили Ревель. Антанта начала морскую блокаду Советской России — пока руками кайзера, а потом и своими силами.

«Разве это не террор, когда всемирный флот блокирует голодную страну?» — писал в те годы Ленин.

По Брестскому договору Германия обязала Советскую республику либо вывести все корабли в русские порты, либо разоружить их. Но такое условие для Балтфлота было равнозначно смертному приговору: сосредоточенные в Гельсингфорсе, как в главной базе, сотни кораблей не могли зимой уйти на родину. На это и надеялись интервенты, белая гвардия России и финские егеря.

В марте правительство Свинхувуда заключило с Германией союзнический договор. Из Ревеля в Ловизу немцы перебросили ледоколами десант. В Финском заливе были захвачены контролирующие главный фарватер острова и батареи. Двинулась к столице дивизия фон дер Гольца. Егеря заняли Таммерфорс.

А от России Германия требовала нейтралитета, угрожая расторгнуть мирный договор, если флот, даже косвенно, вмешается в «гражданскую войну самих финнов». Командование

Балтфлота объявило, что все моряки, состоящие в финской Красной гвардии, считаются уволенными со службы. Почти одновременно из Питера поступил приказ Морского комитета № 102 о демобилизации.

В таких условиях Исаков начинал службу в еще не созданном Красном Флоте. Флот надо спасать. Офицеры бегут, уверенные, что без них «разболтанная матросня» не сможет увести в Кронштадт корабли. Эсеры уговаривают выходцев из деревень поспешить поездами в Россию, не то опоздают к разделу земли. А лучшая часть команд давно воюет на суше против контрреволюции. С кем же спасать флот?..

Старпом отвечает на корабле за все, но прежде всего за организацию службы и дисциплину. Но о какой дисциплине может идти речь, когда все уставы отменены, а новые не созданы. Да и само это слово «дисциплина» приводит матросов буквально в ярость, напоминая о произволе и жестокости Старшого с бульдогом, должность которого теперь занял Исаков. Надо готовиться к прорыву во льдах. Но с кем готовиться, как наладить боевую службу, если на «Изяславе» одна треть команды?..

На эсминце «Войсковой», правда, и того хуже — там осталось всего двенадцать человек из семидесяти пяти: восемь матросов и четыре офицера. Но они готовы идти в Кронштадт. На «Бурном» — четырнадцать человек. На «Метком» разобраны машины, штабные крысы с «Кречета» хотят разоружить «Меткий» и оставить противнику. Но механик и машинный старшина уговорили финнов-судоремонтников спешно собрать одну из машин. С одной машиной, но Меткий» уйдет в Кронштадт. На эсминец «Резвый» вернулся друг Исакова Николай Озаровский. Вот уж действительно «летучий голландец»: в Нарве в матросском отряде он прослышал про бедственное положение минной дивизии, сообразил, что в Гельсингфорсе каждый знающий моряк на вес золота, отпросился у Дыбенко и прикатил на свой миноносец…

И — самое удивительное: когда флоту приказали прорвать кольцо блокады и уйти из ледового плена в Кронштадт, кончилась на кораблях анархия. Матросы сами требовали строгого распорядка службы — *революционного* порядка.

Стратегическая операция Красного Балтийского флота вошла в историю как Ледовый поход. 12 марта 1918 года из Гельсингфорса вышел первый отряд. Четыре новых линкора и три крейсера пробивались за ледоколами «Ермак» и «Волынец» до Кронштадта пять суток: пять суток на то, чтобы пройти всего лишь сто восемьдесят миль. «Ермак» не смог сразу вернуться из Кронштадта за вторым отрядом, обстрелянный сначала батареей

с острова Лавенсаари, а потом, возле Гогланда, пушками ледокола «Тармо», захваченного белыми. «Ермаку» пришлось вторично выйти из Кронштадта — под охраной крейсера «Рюрик». На полпути он встретил второй отряд — крейсер, подводные лодки и линкор «Андрей Первозванный», они третьи сутки пробивались за портовыми ледоколами «Силач» и «Город Ревель»…

А к Гельсингфорсу приближались немцы и егеря. Кто-то разбросал в порту анонимную листовку. Она сулила денежную награду каждому, кто будет содействовать сдаче кораблей Германии. На «Полярную звезду» в Центробалт и на штабной «Кречет» пожаловали представители от местных банков — банки, оказывается, охотно купят русские корабли для финского правительства. Какого, красного?.. Нет, «для законного правительства Финляндии».

Началась подвижка льдов, опасная для хрупких корпусов кораблей минной и сторожевой дивизий. Но кроме «Ермака» почти не осталось ледоколов. «Волынец» тоже захвачен белыми, теперь он служит линейной эскадре Маурера, ее ждут не дождутся егеря и финские правители. Команда ледокольного буксира «Нарген» отказалась идти в Кронштадт — пришлось ее заменить военными моряками, ослабив и без того малолюдные корабли.

Немцы требовали распустить команды всех советских кораблей, снять с них мины, заряды, замки орудий, все сгрузить на одну баржу для передачи Германии как трофея, а на судах оставить только охрану — на «Изяславе», как и на других эсминцах, десять человек. И ждать эскадру Маурера.

Англичане поспешили вывести на рейд свои подводные лодки и демонстративно затопили их. Они хотели взорвать и военный транспорт «Обсидиан», наполовину разграбленный: на нем было имущество Балтфлота, оружие, боеприпасы, обмундирование. Небольшой десант спас «Обсидиан» от уничтожения.

Надо было торопиться. Артиллерийский транспорт «Рига» отправился было самостоятельно по каналу, пробитому «Андреем Первозванным» и еще не затянутому льдом, но вернулся, встретив нанесенные ветром торосы. Подготовленный к походу третий отряд был самым многочисленным — сто шестьдесят семь вымпелов. В пасмурный апрельский день «Изяслав», до предела загруженный ценными для республики оружием, продовольствием и имуществом, ушел из Южной гавани. В Гельсингфорсе остались десятки судов — одни без топлива, другие без хода, третьи без команд. С ними молодой комиссар — матрос Борис Жемчужин. В городе перестрелка, финские рабочие

отбивают натиск егерей. Помочь им невозможно: Жемчужин строго предупредил изяславцев — огня не открывать даже при обстреле с берега. А с берега, прямо со стенки, вдогонку «Изяславу» летели пули. Артиллеристы наводят орудия на берег — старпом вынужден сдерживать: нельзя! «Изяслав» — последний в колонне, но в гаванях остались наши. На юго-западе дымы: немецкая эскадра спешит к финской столице. У артиллеристов руки чешутся — в море на огонь надо бы отвечать огнем.

«Оглянешься — виден пробитый фарватер, по которому прошли все корабли третьего эшелона, — писал позже Иван Степанович. — Из-за того, что сзади никого нет, на душе муторно».

«Изяслав» шел медленно — не закончили сборку одной из турбин. После полудня позади возник догоняющий по чистому льду «Кречет». Фотография «Кречета», обгоняющего «Изяслав», осталась в архиве Ивана Степановича. На мостике — командир «Кречета» Владимир Николаевич Янкевич, потом он долго служил в Главсевморпути. С мостика видны другие корабли во льдах. На обороте, как всегда, пояснение: «На «Кречете» шел штаб флота… и комиссары флота. «Кречет», б. финско-шведский пакетбот, имел ледовый пояс и защиту винтов, почему обгонял всех и относительно легко маневрировал без ледокола».

Но «Кречет» пришел все же после «Изяслава»: вместе с «Ангарой», «Полярной звездой» и бывшей царской яхтой «Штандарт» он наскочил на мель у маяка в шхерах. Потом «Изяслава» догнал другой эсминец — вот что значит идти, не закончив ремонт. С эсминца сообщили, что на стенке Седрахамна, когда оттуда стреляли вслед «Изяславу», появился Старшой, по одежде — вылитый финский егерь, с белой повязкой на рукаве, ругался на чем свет стоит, не мог поверить, что «Изяслав» ушел: как же, мол, так, у него разобрана правая машина!.. Значит, Валдайский следил за «Изяславом». Все знал. Наверно, успел и Клашу с Анютой повидать, и Сципиона. Торопился, да сорвалось…

В Гельсингфорсе, когда наши ушли, егеря расстреляли Жемчужина. Возможно, и это работа Валдайского, все могло быть.

Узнав, что всплыл Старшой, хоть и без бульдога, изяславцы набросились на Земскова, бывшего председателя судкома. Эсеры же помогли начальнику дивизиона тихо спровадить Валдайского в порты Ботники, в объятия к финским егерям: «Пустили щуку снова в реку!»… Но Земсков и тут сумел отбрехаться — он теперь левый эсер и не отвечает за свои действия как правого эсера. «И хотя я больше никогда с этим

человеком не встречался, — писал Иван Степанович про Старшого с бульдогом, — но много раз в течение восемнадцатого, девятнадцатого и двадцатого годов вынужден был невольно вспоминать о нем и ему подобных, видя дело их рук на различных участках гражданской войны». Пожалуй, он мог это сказать и о Земскове — то правом, то левом эсере.

Если месяц стоил прожитого года, то небольшой по протяженности, но полный опасностей прорыв двухсот пятидесяти боевых кораблей в Кронштадт стоил иного кругосветного плавания. Ледовый поход превратил Исакова из «примкнувшего к революции бывшего мичмана» в ее сознательного участника. «Товарищ мичман», — называли его изяславцы.

Трудно сказать, оставил ли «товарищ мичман», придя в Петроград, былые надежды на дальние плавания. Отдав оружие и остаток команды частям Красной Армии, эсминец, как и вся минная дивизия, стал на ремонт, а потом в резерв — до лучших времен. На Черном море ради будущего пришлось и вовсе своими руками топить эскадру. На Балтике флот из ловушки в Гельсингфорсе попал в новую западню.

Жуткое зрелище открылось Исакову в Кронштадте и на Неве. Борт к борту торчали коробки недостроенных крейсеров и гигантов-дредноутов — не было ни сил, ни средств, ни необходимости их достраивать. У причалов скопились прославленные в сражениях корабли — с погашенными топками, с покинутыми кубриками. На них некому и негде было плавать. Море для флота в ту весну начиналось и кончалось меридианом Толбухина маяка. Пятый пункт Брестского договора поставил флот, по существу, на прикол. Германская эскадра расположилась в Бьёркезунде как у себя дома, выдвигая дозоры вплотную к постам острова Котлин. Стоило буксирчику выскочить на Большой или на Петергофский рейды, как тотчас к Чичерину летела визгливая нота с угрозой применения санкций за нарушение унизительного пятого пункта.

Но даже при таком отчаянном положении мир был необходим для жизни и победы республики. В политике, оказывается, своя тактика и стратегия. Не всегда легко ее понять, трудно примириться с такой трагедией, как самопотопление черноморской эскадры, но недаром в годы войн и революций люди стремительно взрослеют и быстро расширяют свое представление о жизни общества. Исаков убедился, что военное дело неотделимо от политики, а в политике, как в сражении, обязательны выдержка и дисциплина. Выдержка и дисциплина стали мерой преданности революции, тот, кто, не понимая этого,

впадал в ложнопатриотическую или псевдореволюционную истерику, становился для революции врагом.

Историки считают, что никогда еще Кронштадт и цепь его могучих фортов не играли такой роли в защите подступов к Петрограду, как в восемнадцатом и девятнадцатом годах. Полукольцо тяжелых корабельных орудий и дальнобойной береговой артиллерии — от северного берега Финского залива до южного — сливалось с полукольцом полевой артиллерии Красной Армии — от Ямбурга до Карелии. Ленин приказал тогда Балтфлоту, лишенному выхода за пределы Кронштадта, выставить мины там, где их никогда не выставляли, даже в устье Невы. Известный кораблестроитель академик Алексей Николаевич Крылов, офицер старого флота в довольно высоком чине, засел за расчеты минных полей, необходимых на случай внезапного прорыва кораблей интервентов. Ученый моряк, авторитет не только для бывшего черного гардемарина, но и для поколений моряков, оказался зорче тысяч царских офицеров, душителей Советской России; и не один Крылов — кораблестроитель Бубнов, штурман Сакеллари, знаменитые профессора того же Морского корпуса и еще многие образованные люди флота, отвергая попытки заговорщиков склонить их если не к открытой борьбе против большевиков, то хотя бы к эмиграции или саботажу, отдали в самое неустойчивое, критическое время знания, огромный опыт и талант обороне Петрограда и зарождению Красного Флота.

Когда корабли Антанты заменили на Балтике германскую эскадру, Балтфлот создал ударный кулак из боеспособных единиц разного класса. Сокращенно его называли ДОТ — Действующий отряд. Со временем гидрографы проложили для ДОТа в Финском заливе фарватер в обход захваченных противником островов, ДОТ потопил на подходах к Кронштадту и в Копорской губе английский эсминец и английскую подводную лодку Л-55, после гражданской войны поднятую и введенную в строй под нашим флагом. Часть других кораблей по указанию Ленина Балтфлот послал в озерные и речные флотилии — на Ладогу, на Онежское озеро, на Ильмень, на Волгу и Каму по каналам Мариинской системы, даже на Каспий. На каждой мало-мальски судоходной речке возникали военные флотилии. Столь необычный этап жизни нашего флота называют озерно-речным. За будничным названием скрывается не имеющая примера в прошлом романтичная пора. Ушедшие на сушу матросы вооружали полевыми пушками и пулеметами все, что попадалось под руку — шаланду, колесный пароход, буксир, баржу, даже катерок или шлюпку. Стоило появиться на реке эсминцу, переведенному,

допустим, с Балтики, как тут же к нему пристраивался рой плавающих и стреляющих «москитов». Казань, Симбирск, Самара, Вольск, Астрахань, даже Баку и Энзели видели озерно-речных моряков, они вместе с Красной Армией выбивали из России и Закавказья германо-турецких и английских интервентов и белую армию. И в этих боях Исаков участвовал старпомом или командиром. Он как-то упомянул, что «Деятельный» на Каспии был его пятым кораблем после выпуска из ОГК.

Когда идет война, не скажешь: «Я тут новенький», даже если командуешь кораблем месяц-другой. Сумей сразу же если не узнать, то угадать его повадки и возможности в разных режимах плавания и при разных эволюциях, его послушность рулю, машинам, воле командира при любых неожиданностях. И команду, настороженную, взвешивающую, чего ты стоишь и можно ли тебе довериться в бою, успей узнать до боя, каждого раскусить и оценить заранее.

Первым после «Изяслава» был большой артиллерийский транспорт «Рига». В Гельсингфорсе «Рига» застряла до лета, пока ее не выручило из плена Советское правительство. Командир «Риги», старый моряк торгового флота, не любил офицеров военного флота. Но Исакова себе в помощники он выбрал сам. Наверняка и капитан и команда знали, как вел себя в Ледовом походе старпом «Изяслава». Добрая встреча на «Риге» скрасила Исакову назначение на большое, но все же торговое судно. Оказалось, что «Рига» под флагом Красного Креста пойдет в первое заграничное плавание — в Гамбург за ранеными русскими военнопленными. Подготовка отняла немало времени. «Рига» стала к причалу у невской набережной позади памятника Крузенштерну. Исаков перед походом позволил себе впервые за последнее время отлучиться на берег. Он жил, как матрос срочной службы, всегда на корабле — ни квартиры на берегу, ни семьи, мать далеко, за семью фронтами и границами. Решил снова попытать счастье — не у дашнаков, конечно, а в семье старого товарища по реальному училищу — мужа княжны Эн, в надежде получить весточку о матери, а если повезет, то и денег ей переслать.

Возвращался ни с чем. Приготовленную посылочку — месячный паек — пустил в общий котел, сам сварил друзьям настоящий флотский обед. Так голодно было в Питере, что хозяйка дома помнила этот обед полвека спустя. Обласканный друзьями, но обеспокоенный, он спешил к сроку на «Ригу».

На Николаевском мосту Исакова внезапно остановил Князев, щупленький машинный электрик с судна: «Не ходите туда, товарищ помощник, там засада. Всех ваших берут»… «*Наших?* —

врастяжку повторил «товарищ помощник». — Каких же это наших? Мне бояться нечего. Вины за мной нет».

Исаков, конечно, не стал *пережидать*. Едва ступив на судно, он попал под арест. В кают-компанию чекисты собирали всех бывших офицеров. В другое помещение согнали медиков, набранных для этого необычного рейса. Всех подряд арестовывали, разумеется, зря. Но повод у чекистов для спешки был серьезный. Под личиной уполномоченных Красного Креста в экипаже находились некие именитые особы свергнутого режима. Они надумали использовать рейс «Риги» для побега.

Рейс отменили. Команду списали на берег. Бывших офицеров и весь штат медиков увезли в ЧК — «для выяснения». Исакова отпустили под поручительство матросов. «Пришлось наниматься на другой корабль», — писал он про эту печальную историю.

«Другим кораблем» оказалась вначале канонерская лодка, которой он командовал на Ильмене, а потом — солидный сторожевик «Кобчик». Исаков наблюдал за вооружением сторожевиков «Кобчика» и «Коршуна». Год он ходил на «Кобчике» помощником, а потом стал его командиром.

В морской службе Исакова «Кобчик» занял место не такое громкое, как «Изяслав» или «Деятельный», но нет записи или рассказа о тех днях, где он не сказал бы доброго слова об этом трудяге. Сторожевик, конечно же, не эсминец, его размеры и обязанности скромны. Но в тесноте и толчее, когда противник рядом, все видит, все просматривает, небольшие увертливые корабли становятся универсальными. Они и десанты высаживают, и разведчиков забрасывают к врагу в тыл, и охраняют выход и возвращение подводных лодок, гоняются за лодками противника, ставят минные банки, а если есть тралы — то и тралят, очищая проход большим кораблям; так было в Великую Отечественную войну, так было и в войну гражданскую. Не зря Исаков перед назначением на «Кобчик» полгода учился на курсах красных командиров траления — к концу войн тральное дело становится первостепенным.

«Кобчик» ему сразу понравился. Длинный двухмачтовый кораблик с задиристо задранным форштевнем и с сильным прожектором на специальной площадке на грот-мачте, с высоким мостиком над узкой палубой казался малым миноносцем; четыреста сорок тонн водоизмещения и две машины в тысячу с лишним лошадиных сил — бегать по Маркизовой луже и по Неве будет ходко, а в открытое море пока все равно ходу нет. Непривычно выглядят привальные брусья у бортов, широкие как у буксира, но это не буксир и не пароходик, мобилизованный в сторожевики, это — специально построенный военный

сторожевик, и вооружен пушками. Есть на корме даже сорокамиллиметровый автомат Виккерса — «пом-пом», как его прозвали. Когда англичане на авиаматке «Виндиктив» завезли в Бьёрке, в маневренную базу, поплавковые гидросамолеты «шорт», у «пом-пома» стало достаточно работы. «Шорты» с июля почти каждый день — утром и вечером — поливали из «льюисов» причалы в Кронштадте и кидали бомбы на стоянку кораблей ДОТ, «Кобчик», если находился в гавани, открывал по «шортам» огонь. Исаков стрелял из «пом-пома» вместе с комендором Капрановым, тем самым Иваном Капрановым, который держал мичмана под арестом при кауте, пока выпроваживали Старшого с бульдогом. Капранов не единственный с «Изяслава» попросился на «Кобчик» — любому командиру или старпому это лестно.

За месяцы боевых плаваний «Кобчик» намотал на винты тысячи миль, их хватило бы на доброе дальнее плавание. Но какие это были мили! Где жарко — там и «Кобчик»: прикрывает выход линкора, упреждая вместе с большими кораблями помощь британской эскадры с моря наступающему на Петроград Юденичу; обеспечивает «Гавриила» в походе против английских эсминцев, помогает «Азарду», выводит на фарватер «Пантеру» — у интервентов были все основания гневаться на этот кораблик, как и на сильные корабли ДОТа, за срыв четко спланированных, согласованных с Юденичем, с мятежниками Красной Горки и с петроградским контрреволюционным подпольем походов к Кронштадту и к Питеру.

Уже после гражданской войны Исаков, будучи на Черном море, узнал, что его «Кобчик» в ночном дозоре наскочил у банки Хайлода на камни, неогражденные вехами, оттуда штормовая волна увлекла его на глубину и затопила. Сторожевик служил чуть ли не флагманом пограничной флотилии ГПУ, на Балтике знали о его погонях за шхунами и катерами контрабандистов и шпионов, переправляемых в нашу страну из финских шхер и Прибалтики.

Иван Степанович сберег с «Кобчика» трофей. Куда бы ни бросала его морская служба, везде с ним был этот «кусок красного дерева с рваными краями, окрашенный с одной стороны шаровой краской» — только в 1956 году по просьбе Центрального музея Советской Армии он отдал доску вместе с другими «реликвийными вещами» для экспонирования. В письме музею сказано: это «часть обшивки английского торпедного катера СМВ № 62 ВД, уничтоженного из кормового 102-мм орудия ЭМ «Гавриил» на Малом рейде Кронштадта в ночь на 18 августа 1919 года».

Знаменитая ночь, горькая, но все же победная. Горькая

потому, что штабы базы и крепости прозевали налет и противнику удался обманный маневр — не без помощи скрытых врагов. Но ДОТ уцелел, он потерял только старую плавбазу подводников, а лодки ушли; из восьми же новеньких, из красного дерева и с авиамоторами, быстроходных торпедных катеров, доставленных скрытно в Финский залив для необъявленной морской войны против Советской России, вернулся в маневренную базу Бьёрке после налета неповрежденным только один…

«Кобчик» стоял в ту ночь в конце стенки Усть-Рогатки между «Андреем Первозванным» и «Петропавловском». Командир ночевал на берегу, боем командовал Исаков. Вместе с Капрановым стрелял по «шортам» над водой, принимая, как и все, катера за летающие лодки. Кто-то с «Петропавловска» кричал ему в мегафон: «Вы нас демаскируете, прекратить огонь!» Но он продолжал свое, прикрывая линкоры завесой огня. И был прав. Севастьянов, командир «Гавриила», дозорного у ворот гавани, одобрил его работу и прислал потом на «Кобчик» подарок — тот самый кусок красного дерева, обломок корпуса одного из трех катеров, потопленных «Гавриилом»…

А сорок лет спустя Исаков написал «Кронштадтскую побудку». Сурово и без пощады к самому себе описал ту ночь, даже «светящиеся жучки» — впервые увиденные трассирующие пули, и показал, как опасны в любых обстоятельствах фатализм и пассивность перед действительно сильным врагом и чего могут достичь храбрые, убежденные в своей правоте люди. Не забыл он и про урок политграмоты, полученный на следующий день, когда по пирсу вели пленных пиратов и он стоял в толпе матросов, разъяренных и пиратским налетом, и явным предательством в штабах базы и крепости — даже тревоги не объявили, когда на постах обнаружили катера…

«Пойдемте, товарищ мичман, сейчас *ваших* будут бить», — внезапно услышал он над ухом голос Капранова, тянущего своего командира за рукав бушлата к «Кобчику», Капранов почти силой водворил его в каюту — опять, вроде бы, под арест, но «на этот раз никакая обида не затуманивала сознание» — так писал сорок лет спустя Исаков. «Товарищ мичман» понимал, что повод у матросов для новой вспышки возмущения есть. Факты измены на каждом шагу. Мичману Моисееву доверили дивизион тральщиков, а он сбежал: добрался на «Якоре» до Толбухина маяка, будто на смену «Китобою», перешел на «Китобой», приказав «Якорю» вернуться в Кронштадт, а сам увел «Китобой» к Юденичу… И Кронштадт поджигали с четырех сторон, и заговоры, и налеты без объявления войны — это и есть террор

буржуазии всего мира против страны Октября!

Кончилась борьба с Юденичем и англичанами на Балтике. Как писали тогда, «лопнул Северо-Западный фронт». Исакова отправили на Каспий командовать эсминцем «Деятельный». Миноносец знакомый, балтийский, но в команде одни черноморцы. Командиров давно не выбирают, а назначают, но привычка не доверять каждому назначенному сверху сохранилась. Прислали молокососа в офицерской фуражечке.

Был случай, один мичман, тоже из черных гардемаринов, купил верблюда, чтобы ночью сбежать к белым. Но даже верблюд честнее бывшего офицера — вывез беглеца к красным. Мичмана, конечно, в расход… Не однокашник ли?

Да, однокашник. После трех лет боев слушать такое на корабле, куда ты назначен командовать и воевать, не сладко, даже если бежал твой однокашник. Даже если острота о честном верблюде принадлежит такой красивой и умной женщине, революционерке и журналистке, как Лариса Рейснер, — Исаков с удивлением и восхищением смотрел на нее в штабе флотилии и на флагманском корабле, что не помешало ему отказаться взять ее в боевой поход на «Деятельный», объяснив неуклюже: на военном корабле для плавающих и путешествующих мало удобств, на пароходе есть женские гальюны, а на эсминце нет… Но какое все это имеет отношение к его благонадежности?! Не Ллойд Джордж же его назначил и не Черчилль, а Реввоенсовет республики.

Обидой надо уметь управлять. Обида — мелочь. Перед тобой величайшая цель — выгнать англичан и белогвардейцев из страны. Истрепанный в боях корабль-полукалека давно нуждается в капитальном ремонте. Но когда его ремонтировать, если надо, подлатав силами команды, выталкивать из плавучего дока и раньше белых занимать 12-футовый рейд.

Еще гардемарином Исаков усвоил стратегическую и тактическую важность упреждения противника развертыванием своих сил. В Астрахани он сразу оценил, в *каком* состязании с врагом он обязан выиграть: не упредит наша флотилия противника, не выставит на рейде мины — корабли белых захватят весной рейд и заблокируют красных в устье Волги.

Надо до выхода в море навести в распустившейся за зиму команде уставной порядок без устава. Все начинать сначала? Ну что ж, надо — то и заново. Знал он за эти годы и хороших матросов, и плохих, и революционеров, и архиреволюционеров, издерганных борьбой, мнительных из-за измен, а то и просто анархиствующих. Главное, во всем оставаться самим собой. Команда ждет и его первого и его последующего шага. Излазил

весь эсминец, видел даже рыжих крыс, облезлых и с голыми хвостами, — неплохо, сноровка есть. Но как этот бывший мичман выведет из дока не знакомый и не послушный ему корабль, да еще при неисправной шпилевой машине, когда якорь надо выбирать вручную, как управится в неизвестных ему навигационных условиях, не растеряется ли в астраханской тесноте при неожиданных для него речных течениях, ветрах, совладает ли с особенностями «Деятельного» при маневре, как ошвартует корабль — замучает механиков переменой ходов или так навалится на стенку, что снова погонят в док? Без буксира, само собой, не обойдется.

Нет, не вызвал в помощь буксира. Все заранее рассчитал, запомнил. Вспомнил таких командиров-виртуозов, как Севастьянов с «Гавриила», вспомнил управление «Кобчиком» в Финском заливе, на Ладоге, Неве, вспомнил, как подходил к стенке Шлиссельбурга при течении вдвое сильнее здешнего, сравнил и прикинул, в чем тут разница, в чем сходство и на какие неожиданности можешь наткнуться — вывел под пристальным взглядом десятков опытных моряков корабль к новому месту стоянки красиво, точно и без суеты, не опозорив, а, пожалуй, возвысив своих подчиненных перед всем дивизионом. Теперь флотилия знает, что «Деятельным» командует не салажонок, а моряк. Правда, в офицерской фуражечке.

Тут словно с неба свалился щупленький машинный электрик с «Риги» Князев — тот, что предупреждал его на Николаевском мосту о засаде ЧК. И обрадовался Исакову, как Ваня Капранов: «Товарищ мичман, вот так встреча!..»

А ведь Князев — боец легендарного отряда Кожанова, на «Деятельном» ловят каждое его словечко. Значит, не в офицерской фуражечке дело, мичман, конечно, не из бар, из студентов. Сам комфлот, кажется, из студентов, то-то моря не знает…

Исаков вздумал сразу «закрутить гайки», приказал «по большому сбору» построить команду и по уставу развести на корабельные работы. «Устав Колчак увез!» — раздались злые реплики.

Неведомо, чем кончился бы конфликт, но его вызвали и срочно отправили, как минного специалиста, вместе с другими минерами на канлодку «Карамыш» — устанавливать заграждения на 12-футовом рейде. Повторилась история, подобная ревельской, когда Исаков зубилом сбивал с мин приржавевшие к резьбе колпачки. На всех предназначенных для упреждения противника минах временные заглушки были настолько утоплены в отверстия для запальных стаканов, что вывернуть их никто не мог, да еще

ушки заглушек спилены и аккуратно зачищено место, где полагалось быть ушку.

В Астрахани военмор Исаков уже избавился от политической слепоты. *«Кто-то обезоружил двести мин в Петрограде, тем самым помогая англичанам на Каспии»,* — записал командир «Деятельного» в дневнике. И добавил: «Эта война — одна из форм *классовой* борьбы».

Двое суток напролет минеры, в их числе Исаков, рискуя жизнью, выкручивали зубилом и молотком заглушки из боевых мин. Тут же на палубе отваливались подремать, потом снова принимались за работу. Заграждение установили в срок. Спустя сутки на нем взорвался вспомогательный крейсер белых «Князь Пожарский». Операция по упреждению развертывания удалась.

Свое возвращение с «Карамыша» на «Деятельный» Исаков назвал: «Самый счастливый день жизни». Его каюта оказалась прибранной, как и положено по уставу, хоть «устав увез Колчак». С этого дня его приказания исполнялись мгновенно, как на «Изяславе» в Ледовом походе. А когда у Энзели он принимал на борт парламентеров от англичан, матросы вели себя, как в старом флоте: «есть!», — на каждом шагу. И всегда: «Товарищ командир!»

В завершающей кампании гражданской войны он приобрел огромный опыт морехода, авторитет красного командира и даже дипломата.

К Баку он шел, как к родному городу. Там похоронен отец. Когда мать возила его из Тифлиса к отцу, он всегда боялся проспать станцию Аляты, после нее пятьдесят верст подряд видно море. Значит, и с кораблей просматривается эта дорога! Вот где надо высаживать десант…

Как моряку, ему было досадно, что Баку освободили без десанта. Нет, хорошо, что без выстрела вышибли противника из нефтяной столицы. С детства он запомнил пожар над фонтанирующей скважиной — долгий пожар и губительный.

На Бакинском рейде «Деятельный» подошел к пароходу белых принимать капитуляцию. Там нашлись и знакомые по старому флоту. Едва успев срезать погоны, они спрашивали: не расстреляют ли большевики?.. На берегу для добровольно сдающихся устроили сборный пункт. Исакова назначили председателем комиссии по отбору бывших офицеров флота на красные корабли. За пригодность и надежность каждого он отвечал головой, отбирал, полагаясь на совесть, чутье, и все равно выслушивал укоры: «потакаешь своим».

Какие там «свои»! Сломленные люди, называют себя патриотами, а сами сражались против своего народа в союзе с теми, для кого борьба с красными — удобный повод расчленить и

колонизировать огромную страну. Теперь одни лебезят и тянутся перед недавним черным гардемарином, другие отвечают сквозь зубы красному мичману. Он не испытывал ни злорадства, ни чувства мести — только презрение, жалость, удивление. Какая все же пропасть легла между его прошлым и настоящим…

Трудно в короткой беседе отличить фальшь от искренности, но из восьми отобранных для боевой службы «ценных, как сказано в его рапорте командующему, специалистов, разочаровавшихся в белом движении», семеро служили честно десятки лет, только один изменил слову и вернулся к белым.

Потом под Энзели он принимал капитуляцию англичан. Их, казалось, больше, чем поражение, чем посрамление британского флага перед красными, страшила потеря престижа перед собственными солдатами и матросами, особенно из колоний. Не перекинется ли революционная зараза отсюда, из России и с Кавказа, в Индию, а то и на другие земли всемогущей Британской империи?! «Все мы были воспитаны на представлении об Англии, как о стране передовой цивилизации, — записал в своем дневнике командир «Деятельного». — Особенно в старом российском флоте было развито увлечение всем английским. В результате биографию адмирала Нельсона знали лучше, чем жизнь и дела адмирала Ушакова, и Нельсон, а не Ушаков служил образцом для подражания… Нашему поколению на многое открыла глаза мировая война. Но окончательно свалились все маскировочные покровы с английских политиков и военных после Октябрьской революции».

Войны для всех кончаются в день заключения мира. Даже для побежденных. В гражданской войне мы не могли стать побежденными — нас как Советской республики попросту не стало бы. Побежденными оказались те, кого красные вышибли из пределов страны. Исаков по праву мог считать себя одним из победителей — к X годовщине РККА Реввоенсовет Морских сил Черного моря наградил его портсигаром с надписью, равной ордену: «Герою гражданской войны».

Войны в день победы заканчиваются для всех, кроме саперов и минеров флота. Исаков заслужил репутацию опытного специалиста траления и заграждения. Его вернули на Балтику.

Матросы «Деятельного» провожали его как боевого товарища. В Баку на регистрации его брака с Ольгой Васильевной Левитской свидетелями были делегаты экипажа, среди них и рядовой Владимир Филиппович Трибуц, будущий адмирал, командующий Балтфлотом. Исаков ценил, что матросы пришли на его свадьбу и что акт регистрации имел № 1 — первый в советском Азербайджане.

На Балтике знакомый комиссар спросил его:

— Пойдете командовать «Якорем», товарищ мичман?

— Пойду, — сразу ответил Исаков, понимая, чем вызван вопрос: на «Якоре» еще не забыли предательства мичмана Моисеева. Трудно будет Исакову, но не впервой, справится и на шестом в своем послужном списке корабле.

Прозвище «суп с клецками», приставшее к Финскому заливу в Великую Отечественную войну, возникло после гражданской. Работы пахарям моря и тогда хватало. Не только российский, германский и британский флоты начиняли минами залив, этим занималось и «морское управление» Юденича, и худосочный флот буржуазной Эстонии. «Якорь» тралил до ледостава, очищая от мин первый фарватер с капиталистического Запада на красный Восток.

Кончив траление, Исаков передал «Якорь» Ивану Григорьевичу Карпову, раньше — второму штурману «Полтавы», а сам принял должность старпома на эсминце «Победитель». Всего на три месяца: к концу года он уже на «Изяславе», возвращенном из резерва в строй. Еще не прошло и четырех лет после его назначения на «Изяслав» ревизором, а теперь он командир корабля. Вернулся не один, у трапа встретили старые друзья:

— Здравствуйте, товарищ командир!

— Здравствуйте, товарищи военморы!

Флагман

Маршал Жуков говорил, что каждый командарм должен уметь командовать полком. Должен через это пройти.

Каждый адмирал должен, очевидно, легко управляться с кораблем. В море — в любую погоду. И в гавани — в самой тесной. Значит, каждый адмирал должен уметь швартоваться. Или скажем так: каждый флагман. Было такое звание в Красном Флоте в ту эпоху, когда в Красной Армии существовало звание «командарм» — не должность, а воинский ранг.

Исаков стал флагманом сорока двух лет от роду — через два десятилетия после выпуска мичманом из ОГК. «Моя фортуна, о которой я мечтал с малых лет, — писал он незадолго до смерти, — сделала из меня моряка и довольно быстро продвигала по служебной лестнице. Однако казалось, что она мчалась быстрее, чем нужно, и, очевидно, боком, так как за каждый бросок вперед… мне приходилось расплачиваться слишком дорогой ценой».

Расплачивался с первого шага. Он, южанин, полюбил Балтику, не раз уходил на другие моря, но всегда возвращался к ней. Балтика стала ему и матерью и мачехой. Еще в гардемаринах пришлось перебороть себя и скрыть, как неуютна ему северная зима. Он учился так владеть собой, чтобы окружающие не замечали, как ему худо. На Тихом во время практики держал марку в самых неистовых штормах. В Ледовом походе десять суток, если не больше, не уходил с палубы, сильно простыл, но какой старпом, да еще молодой, позволит себе передышку. Все кругом простужены, все ослабли, все недосыпали, и было бы странно в такое необыкновенное время старпому жаловаться на насморк.

Служить старпомом не легко. Николай Герасимович Кузнецов, нарком и главнокомандующий ВМФ СССР до конца Великой Отечественной войны, писал, что «никто так не врастает в повседневную жизнь корабля, не чувствует ее пульса, как старпом». У него «почти нет свободного времени. Днем и ночью к нему заходят в каюту, ни у кого и мысли не возникает, что кончился рабочий день и старпому надо отдохнуть»… Но то — старпом в мирное время. Исаков прошел эту школу в жерновах гражданской войны. Разруха, голод, несусветная бедность, людей мало, юнцы, энтузиасты, готовы умереть за мировую революцию, но сплошь неграмотны. А обучать их некому, негде и некогда. Ни одному старпому в мире не приходилось, наверно, обучать матросов морскому порядку и навыкам в бою, да еще грамоте по

букварю, что стало в молодой республике революционным действием.

Бывает, человек на всю жизнь остается старпомом, даже возвысясь в чинах и должностях. Исаков взял от этой должности блестящую морскую выучку и культуру, отличающую человека, воспитанного в строгом распорядке дня и ночи по тем неписаным законам совместной жизни соплавателей, без которых не может существовать экипаж. Наверно, практика старпома развила и его способности организатора — в полную силу они проявились позже в штабах. И еще — выдержку при любых физических и моральных испытаниях.

На «Изяславе» он чаще других ходил в плавания. К сожалению, дальше Копорья и Лужской губы некуда было ходить.

Когда на флот пришло первое комсомольское пополнение, Ю. Ф. Ралль, известный моряк и педагог, в статье «Как поднять морскую подготовку в географических условиях Балтийского моря» писал, что обучить моряка-гражданина и моряка-специалиста теперь легче будет, но сложно выработать моряка, любящего водную стихию, если молодые привыкают к пресной воде Невы и Петергофского рейда. Одной теории и энтузиазма мало. Необходимо оторвать благодаря разным неблагоприятным условиям «прилипший к Маркизовой луже флот и внедрить сознание как внутри него, так и повсюду, что мы не являемся случайными гостями на волнах Балтики».

Исаков любил морскую стихию, для него управление кораблем — искусство. Мичмана на «Изяславе» к самостоятельному управлению не подпускали на версту, но вот он стал командиром «Изяслава», и в Кронштадте заговорили о нем, как о виртуозе.

Иван Григорьевич Карпов, сменивший Исакова на «Якоре», а потом командир тральщика «Ударник», рассказывал мне, как швартовался на «Изяславе» Исаков. И не где-нибудь, а в нашпигованных кораблями и мелкими посудинами гаванях Кронштадта. «Ударник» стоял у дока Сургина, эсминцы — возле Усть-Рогатки. Механик «Ударника», едва наступало время возвращения эсминцев с моря, тянул Карпова на стенку дока — оттуда хорошо видно, как заходят эсминцы к Усть-Рогатке. Один швартуется долго и нудно, пугается любого случайно выкатившегося катерка, другой мучает механиков переменой ходов, наваливается на стенку кормой, — зрители опытные, видят и долго помнят каждую ошибку.

Исаков вел с моря корабль к точно известной стоянке, зная, что двое соседей на местах и лишнего простора между ними нет. Оставлена узкая, но для умельца достаточная щель между двумя

такими же эсминцами, соединенными с кормы сходней с берегом, он должен без суеты, не задев чужого борта, не оскорбив ошибкой самолюбия своей команды, занять свое место, бросить на берег сходню и начать обычную жизнь у причала. Он выполнял это, как артист, недаром он сравнивал первую швартовку на «Деятельном» в Астрахани с дебютом новичка в зале, полном Шаляпиных и Карузо. К месту швартовки он подходил изящно и без лишних эволюций. Войдя в гавань, он на прямой против отведенного ему места машинами разворачивал корабль, нацелясь кормой на стенку, отдавал в точке, уже выверенной по ему известным береговым ориентирам, якорь и шел, потравливая якорь-цепь, задним ходом, причем ходом средним, а не малым; он влетал в щель между соседями и в мгновение, доступное только ему, только его интуиции и глазомеру, давал после «среднего назад» — «полный вперед», останавливая корабль как вкопанный на расстоянии достаточном, чтобы не уронить сходню в воду, а положить ее на берег устойчиво. Радуясь, как может радоваться удали мальчишка, но сдерживая себя, как умел потом десятилетиями сдерживать себя измученный ранами адмирал, командир «Изяслава» спускался с мостика, но шел не в каюту, а по сходне на берег. Куда-нибудь мимо зрителей, у которых только что дух захватывало от его цирковых эволюций.

Конечно, такая виртуозность основана на знании теории корабля, математическом расчете, долгой тренировке, анализе наблюдений за маневрами товарищей и тысяче иных элементов того, что именуется опытом. Но был тут и артистизм моряка «до последней капельки».

Когда в разгар зимы 1922 года Исакову предложили оставить на время «Изяслав» — зимой эсминцы в ремонте — и отправиться с подрывной партией минеров на ледоколе «Пурга» в командировку в Эстонию, он тут же забыл про морозы, сшибающие с ног зимние ветры, про все недуги на свете, помня только одно: есть возможность пройти до Балтики, побывать в Ревеле, теперь Таллине, для него закрытом.

Капитан Петроградского порта просил военных моряков срочно вызволить шедший к нам из Англии пароход «Эшвин», еще в декабре 1921 года затертый льдами между банкой Вигрунд и Кикскюльским рифом. «Пурга» вышла в Таллин за «Ермаком» и пароходом «Трансбалт» — тот самый транспорт «Рига», на котором не удалось Исакову сходить в Гамбург, вернули пароходству, став «Трансбалтом», он открывал рейсовую линию на Запад.

В шестидесятые годы Иван Степанович попросил своего друга, известного морякам журналиста и собирателя

удивительных корабельных историй Георгия Александровича Брегмана, свести его с ветеранами ледокольного флота, чтобы уточнить дневниковые записи об этом походе. Кроме работы в подрывной партии у банки Вигрунд, Исакову пришлось тогда вести в Таллине малоприятные переговоры с представителем британского адмиралтейства о проводке в Финский залив возвращаемых Англией русских ледоколов: так появился его рассказ ««Святогор» становится «Красиным»», посмертно напечатанный газетой «Водный транспорт». Но в двадцать втором году, возвратясь из очень трудной экспедиции, Исаков спешил описать другое, главное, — опыт работы подрывной партии во льдах. Статья с поясняющими таблицами была напечатана тем же летом в «Морском сборнике». Командир «Изяслава» так объяснял необходимость публикации своей первой научной работы: «Может случиться, что в условиях военного времени или по чисто коммерческим соображениям придется выводить корабли изо льда средствами подрывной партии. Такие случаи возможны, *если* не окажется ледоколов, если *глубина* не позволяет работать этими, обыкновенно глубоко сидящими судами, или если толщина льда и торосов окажется для них неодолимой».

«Если не окажется ледоколов»!.. Ледоколы остались старые, и тех несколько. Флот — и торговый, и военный — в упадке. Многие пароходы и корабли в Бизерте и в Маниле, эмигранты и международные дельцы распродают их на лом. А сколько судов на дне наших морей, заливов и бухт!

Поэтому спасение из льдов одного, только одного необходимого и, главное, действующего судна становилось событием.

Статью Исаков писал в постели — он всю жизнь не терпел лежать в госпитале без дела. На «Пурге» заболел воспалением легких, наверно не впервые, на этот раз тяжело. Медицинская комиссия сочла опасным продолжать службу на Балтике. Срочно на юг, в привычный с детства климат. Но на Черном море пока не на чем плавать. Флота нет, есть ничтожное число старых галош, именуемых «Морские силы Черного моря». Значит, на берег?! Слишком дорогая плата за зимнюю командировку в Эстонию.

Он тянул сколько мог. Еще кампанию плавал на «Изяславе». А к следующей зиме уехал на Черное море, назначенный в мокрый, но теплый Батум, впервые на береговую должность — начальником Южного района СНиС — Службы наблюдения и связи. Формально — скачок по служебной лестнице вверх, быстрый, но «боком». Он принял удар, не теряя надежды снова стать капитаном. А пока взялся со всей силой натуры за

организацию службы, которая всякому флоту необходима, но которой тогда не было.

Контр-адмирал В. П. Боголепов, в те годы начальник оперативного отдела штаба Морских сил Черного моря, проверял вскоре в Батуме работу СНиС и был поражен объемом проделанного за короткое время. Боголепов вспомнил: это же тот самый командир «Изяслава», статья которого недавно появилась в «Морском сборнике». Толковая статья: в не долгом заграничном походе автор смог не только многое увидеть, но и кратко рассказать, обобщить виденное. Не зря ему сопутствовала присланная с Балтики аттестация: «Из командиров — самый молодой, но вполне на месте. Очень энергичен и способен. Для выполнения ударных задач, как военного характера, так и работ, незаменим, работой заинтересовывается и выполняет поручения прекрасно». Такой человек нужен в штабе. Боголепов пригласил его в Севастополь своим заместителем. Исаков переехал с Ольгой Васильевной в маленькую комнатушку на Екатерининской улице в Севастополе и через некоторое время зарекомендовал себя в штабе «не столько старательностью, сколько знанием дела, инициативностью, точностью, культурой и своего рода изяществом работы». Такие характеристики следовали за Исаковым из года в год, даже когда случались неприятности. Работать равнодушно, быть *чиновником* он не мог.

В Севастополе осело «всякой твари по паре». Встречал он там знаменитостей старого флота. Бывший генерал Б. Л. Бутлер, инженер, ученый, строитель военно-морских баз, служил начальником инженеров крепости. Известный морской артиллерист Г. Н. Четверухин, бывший флагарт бригады линкоров на Балтике, командовал севастопольской артиллерией. Еще на Балтике о Четверухине рассказывали, как в день Октябрьского восстания к нему подошел член судового комитета «Полтавы» старшина комендоров Лудри и попросил отменить занятия и отпустить матросов на митинг по случаю свершившейся революции; Четверухин сердито ответил: «Никаких митингов и революций! У меня по плану артиллерийская тренировка!» Теперь большевик Лудри стал начальником Четверухина. Такие военспецы служили честно, сотрудничая с Советской властью с первых дней ее существования. Но вне службы они держались особняком, охраняя свой замкнутый мирок и от командиров-партийцев, и от бывшего мичмана, так стремительно выдвинутого вверх. Были в Севастополе и недавние врангелевцы — одни не пожелали бежать на чужбину, другие не поспели на переполненные транспорты, уходящие в Константинополь — эти тянули лямку, дожидаясь, когда падут

большевики. И, наконец, авантюристы типа известного в царском флоте порт-артурского вора генерала Г. — на удивление Исакову, тот оказался у самой кормушки в главном военном порту. Командиры из матросов смотрели на такой Ноев ковчег с недоверием, поминутно ожидая предательства.

Крупный инженер-фортификатор старый большевик Исай Маркович Цалькович, старшекурсник одной из первых академий РККА, рассказывал мне, как колюче знакомился он с Исаковым, придя во время академической практики в оперативный отдел: высокий стройный красавец, чистюля, офицерская выправка, офицерские строевые замашки — прямо-таки сошедший с рабочей или красноармейской сцены персонаж контрика или саботажника «голубой крови». И вдруг — все не так: этот оператор работает не от звонка до звонка, а не щадя себя — так работали только *участники* революции; и нет у него обычного для офицеров флота высокомерия, охотно и без тени превосходства он объясняет новичку из армейцев специфику морской жизни и флотские порядки, не подавляет непонятными терминами. А главное, понимает: всего важнее для республики — оборона.

У командиров гражданской войны это вошло в плоть и кровь. С мостика виден только локальный участок моря, но, воюя против белых, молодой командир стремился наперекор нормам и регламентам знать свою задачу шире, пусть не в масштабе планеты, так в объеме политики всей республики. И как оператор он должен работать с размахом — для обороны республики.

Поначалу его идеи были поверхностны. Принес Боголепову предложение закрывать Севастополь с моря дымом. Наших сил на море почти нет. У черноморских стран Малой Антанты значительный флот, резервы безработных белогвардейцев и поддержка капиталистических держав. «Севастопольская побудка» еще свежа в памяти. Чем защитить Севастополь от внезапного обстрела с моря? Дальнобойные батареи разорил Врангель — сняли с позиций тяжелые орудия, вывезли на крымские перешейки, теперь краснофлотцы на себе волокут их назад. Но это еще не защита. Вот и возник у беспокойного оператора «план задымления Севастополя с помощью линий якорных дымовых буев при входе в бухту». Очевидно, повлияли статьи о дымовых завесах в Моонзунде — новинку немцев видел сам, но в статьях она разбиралась уже как исторический опыт.

Боголепов отверг предложение помощника. Но для себя отметил: пытлив, чувствует слабые места обороны, такого надо поддержать и умело направить. Он втянул Исакова в только что созданное морское военно-научное общество, а на летних учениях предложил назначить его — и с успехом — начальником штаба

«синей стороны».

На первом же собрании военно-научного общества Исаков сделал доклад о практике плаваний соединений кораблей в иностранных флотах — по самым последним данным зарубежной морской прессы. Сжато рассказывая, в частности, о нашумевшем в мире происшествии во флоте США, когда семь эсминцев в кильватерном строю выкатились в тумане на прибрежные камни и были вскоре разбиты штормами, Исаков так профессионально разобрал ошибки американских штурманов, словно сам находился там — то на головном эсминце, то на идущих следом. Он анализировал события, по оценке Боголепова, «толково по содержанию и блестяще по форме». Докладчик свободно владел географией мирового океана и даже лоцией далеких морей, за каждой фразой — труд исследователя.

Исакова стали назначать начальником походного штаба во время плаваний из Севастополя в Батум — эти осенние плавания называли «походы за мандаринами». А потом он ходил в Стамбул как начальник походного штаба эскадры. Каждый поход — пища уму. Следы — в дневниках и на листках блокнота с фирменным штампом, честолюбиво используемых для писем жене. Еще бы не гордиться, когда можешь написать близкому человеку на бланке «Начальник походного штаба Морских сил Черного моря»!

После одного такого похода газета «Красный Черноморец» напечатала статью под сенсационной шапкой *«Эскадра благополучно дошла до Батума и возвратилась обратно. Все механизмы работали исправно»*. Восторг газеты возмутил было Исакова. «Подумаешь, достижение, — записал он сгоряча. — Смешно хвастаться, что дошли!» Тем более, что «эскадра» состояла из старого крейсера, древней канонерки, двух угольных миноносцев, неуклюжего минного заградителя и тому подобной разношерстной посуды. Но остыв, он приписал: «Нет, не смешно. Прежде всего — первые. Поход и посещение портов вылились в демонстрацию любви народа к флоту. Пролетарии Новороссийска вышли со знаменами. Они помнили обстрел «Бреслау» в четырнадцатом. Они помнили гибель ЧФ. Они помнили заход американцев. Теперь они увидели советские корабли, советский флаг. В Туапсе с гор спустились шапсуги и двое старейшин поднесли комфлоту старинный кинжал, как символ того, что защиту своих берегов они вверяют Советской власти».

После Великой Отечественной войны добавлено: «Если б не было этих походов, не было б походов ВОВ».

И еще комментарий к строке *«механизмы работали исправно»:*

«Дело в том, — пояснил Иван Степанович, очевидно, готовясь к какой-то теме, — что буквально за несколько дней перед этим

весь мир облетело сообщение, что английский линкор прошел от Плимута до Австралии и обратно… В английском сообщении не было сказано, что механизмы работали исправно. Только позже мы узнали, что на линкоре в кочегарке был пожар, горела нефть»…

И все же, преуспевая в штабе, Исаков ждал случая уйти из штаба. Уйти на корабль. Год в оперотделе сулил ему *продвижение*. Но он, не чуждый честолюбия, не собирался *делать* карьеру. Обидно в тридцать лет уступить болезням. Мало плавал. Хоть небольшой корабль, но корабль он должен вести. Лучше эсминец — эта любовь навсегда.

Когда на верфях в Николаеве стали достраивать корабли, заложенные еще до революции, Исаков получил эсминец «Корфу», позже названный «Петровский» — в честь старого большевика Григория Ивановича Петровского, в то время председателя Всеукраинского ЦИКа. «Петровского» он достраивал там, где в XIX веке Нахимов достраивал свою «Силистрию». Его радовала возможность, следуя обычаю лучших моряков России, еще на заводе, при начинке корпуса, вносить в стареющий проект поправки, подсказанные временем и собственной практикой.

Михаил Афанасьевич Степанов, комиссар «Петровского», с которым в шестидесятые годы меня познакомил Исаков как с давним другом и крестным при вступлении в партию, сказал однажды, что более дотошного, а главное — знающего, чего он хочет, приемщика в цехах завода не видели давно. Разве что читали подобное про Павла Степановича Нахимова. Оценке комиссара созвучна и служебная аттестация: «Работоспособности колоссальной, всякую порученную ему работу выполняет с исключительной добросовестностью и знанием дела. Внес много ценных указаний по улучшению боевых качеств миноносцев. Среди комсостава и команды пользуется большим авторитетом, уважением и симпатией».

Подумать только: и аттестация двадцатых годов и отзыв комиссара относятся к человеку, которого еще в Батуме, в Севастополе, а пуще — в Николаеве донимали приступы изнурительной малярии. Как мог, он старался скрыть болезнь от окружающих, но Ольга Васильевна знала, что, идя в завод, ее Жано — так в те годы он подписывал письма — глотает хину.

Степанов после нескольких дней службы на «Корфу» — «Петровском» заметил, что командир болен, но умеет недомогание преодолевать. На ходовые испытания Исаков вышел, тайком глотая хину. Ошвартовался в заводском ковше с шиком, как в Астрахани или в Кронштадте, каждый салажонок на корабле влюбился в командира после такой швартовки. А Ольга

Васильевна прочла вскоре признание: «После 38° я перестаю быть человеком».

Под военно-морским флагом Исаков повел эсминец в Севастополь. Поднялся на мостик в Николаеве, вышел на рейд, прилег в рубке на койку, снова поднялся у Тендры, и так до гудящего бакана у Инкерманских створов — о его муках знали листки записей для жены. На первом листке — о шторме: командира тревожит, как перенесут шторм молодые, их много в команде. Дальше — порция самоиронии, пародирующая переводную маринистику: «Это не история, которая начинается словами «…когда лорд Гаук…» и над которой плачешь. Но — капитан управлял с помощью пилюль. Правда, не привезенных с Востока, а всего лишь от доктора Норова»… Потом шутки о горечи этих пилюль от корабельного лек-пома, фельдшера. И строка: «Терплю. Командую из койки. Доктора гадают…» А на последнем листке из госпиталя, куда свезли его и где ожил, извинение перед женой за скулеж: «Вчера написал много ерунды. Рассматривай как историю болезни».

Было бы худо, оставил бы листки при себе. Так всегда.

Через неделю снова в море: «Первый раз кувыркался на этом шипе. Шторм такой, что перехлестывало через мостик. А ты на нем была и, наверное, помнишь, какой он высокий. Первая же волна окатила с головы до пят. Уйти было нельзя. Три часа стоял мокрый и думал, как бы переодеться и принять хину. Но когда попал вниз, заснул, не успев принять и переодеться. По-видимому, плазмодии к таким кренам не приучены, потому все окончилось благополучно. С прискорбием заметил, что меня начало мутить. В ригу не ездил, но был близок к тому. Хотя, по существу, это ерунда, но капитану к лицу не иметь этой слабости. По самочувствию вижу, что все это последствия перенесенных болестей»…

И все же радость: «Я — капитан, Олька!»

Письма к жене, его спутнице и собеседнице почти полвека, — это его дневник-исповедь, его мысли, волнения, советы прочесть книгу, открытую и для себя и для нее, сюжеты юморесок и диалоги с мудро-лукавыми первобытными старцами с гор, зарисовки нравов на батумской или сухумской набережной, откровения о надеждах на дальние плавания, об огорчениях стычкой с равнодушным к делу тупицей или циником, и внезапный лиричный пейзаж ночного моря — восторг от возвращения на мостик и предчувствие неизбежной разлуки с ним.

Уйти пришлось раньше, чем ожидал.

Приходили на Балтику с официальным визитом итальянские

эскадренные миноносцы «Тигре» и «Леоне». Теперь взаимные визиты вежливости — дело привычное. В двадцатые годы каждый приход иностранного судна к нам и каждый поход нашего военного корабля за рубеж — событие, прорыв блокады. Ответный визит в Италию тоже прорыв политической блокады. В поход назначили два лучших на Черном море эсминца, первые в боевой и политической подготовке — так сказано в истории флота: «Петровский» под командой Исакова и «Незаможник» — со дна моря подняли и на верфях восстановили с помощью крестьян-незаможников Украины эсминец «Занте». Впервые после Октября предстояло пройти проливы и показать наш флаг в морях Мраморном, Средиземном, в Неаполе. Такой поход надо провести с блеском, это важно для престижа страны и для всего мирового рабочего движения. Но Исакову опять не повезло: когда все было подготовлено, буквально перед выходом в море, командира снесли на берег с температурой сорок…

Фортуна не подняла, а опять швырнула Исакова на новую ступень «слишком быстро и боком» — через госпиталь в штаб БОЧМа: любили у нас в те времена такие сокращения-головоломки, начальника морских сил официально называли Наморси, вот и БОЧМ — береговая оборона Черного моря, огромного пространства от турецкой границы до румынской. С тех пор — на годы — штабная полоса морской жизни Исакова: полгода в БОЧМе, потом в Штаморси Черного моря, Севастополь, Москва, Ленинград, Кронштадт, снова Москва — так до начальника Главного морского штаба страны. Он недели не сидел на месте. Всегда стремился в море. Но на мостик поднимался уже не командир, а высший начальник, правда всегда помнящий, что командиру мешать нельзя.

Когда-то на Каспии Исаков пережил тяжелую ночь по вине начальника, не умеющего грамотно командовать. В походе, в операционной зоне у берегов, еще занятых англичанами, командир «Деятельного» получил странный приказ комфлота нагнать не снижающего хода флагмана, принять комиссара-курьера с важным пакетом, доставить к командиру десантных отрядов Кожанову на транспорт «Курск» — место «Курска» не указано — и оттуда вернуть посланного к командующему.

Что такое подход корабля к кораблю на полном ходу, Исаков помнил по гардемаринской практике. В Охотском море, не ночью — днем, к «Орлу» буквально прилип миноносец — борт к борту; командир миноносца, не посмев лезть с советами к командиру крейсера, не мог оторваться, пока командир «Орла», капитан I ранга Винокуров, храбрый на мордобой, но тупой и ленивый в маневре, не догадался сам остановить машины

кораблей. Миноносец потерял срезанные крейсером ванты и шлюпбалки. А Винокуров удалился в салон, не отважась объяснить гардемаринам характер и причину своей ошибки. Но то происходило в другую эпоху. Винокуров сам на себе поставил крест, сбежав на «Орле» из Владивостока в Японию, как сообщила телеграмма из Токио, с пятью сотнями белых офицеров. А юноши, возмущенного мордобоем на мостике, но не знающего, как поступить, когда властью владеющий старший чин бьет беззащитного нижнего чина, того юноши, в бою не робеющего, но перед начальством бессильного, тоже нет. Революция уничтожила само клеймо прокаженного класса «нижний чин». «Мы — не рабы. Рабы — не мы» — это появилось в первом же букваре Советской республики, насущном хлебе и порохе тех опоясанных пулеметными лентами матросов в черных бушлатах, которых краском Исаков обучал грамоте в паузах между боями. Он и сам учился той же грамоте — «Мы — не рабы, рабы — не мы» — у таких, как Дыбенко на Балтике, Панцержанский на Ладоге, у Кирова, у Орджоникидзе в боях на Каспии. Революция учила его не робеть и не сгибаться перед должностью, а сознательно выполнять приказы, соизмерять поступки и действия с ее интересами.

Комфлот — популярная в то время личность. Не в том беда, что он никогда не командовал даже катером, мужества у него недостает советоваться хотя бы с командиром флагманского корабля — тот, конечно, понимает ошибку, но не смеет ее оспорить.

«Хотя у самого тряслись поджилки», Исаков вывел эсминец из походного строя, прибавил оборотов, нагнал флагмана и, «сознательно игнорируя присутствие начальства на мостике», как он отметил в дневнике, громко произнес в мегафон речь к собрату по беде — такому же, как и он, командиру эсминца: «Андрей Андреевич! Если хочешь, чтобы у тебя уцелели стойки и шлюпбалки, прошу уменьшить ход до малого, точно следить за оборотами машин и держать строго по прямой, чтобы не каталась корма». Речь эту, разумеется, услышала вся флотилия — в ту же ночь или к утру. Начальство проглотило дерзость командира, благоразумно не вмешиваясь в его действия. А командир прижал «Деятельный» при двойных кранцах и под небольшим углом к середине борта флагмана, но не всем бортом, а только скулой, принял курьера с пакетом и отошел, не прочертив по корпусу флагмана штевнем даже царапинки. Маневр был искусный. Но, главное, Исаков и дело сделал, и не уронил достоинства моряка-командира, высказав комфлоту *открыто* все, что думал про его неграмотный приказ. Такой поступок отвечал духу времени.

Гражданское мужество, пожалуй, быстрее развивалось у людей в революционной атмосфере.

Еще работая в штабе БОЧМа, Исаков писал Ольге Васильевне, что его, возможно, скоро выгонят, но вот недавно, отстаивая свое мнение, он почувствовал в себе развитую интуицию в оперативных вопросах и тактические способности. Писал осторожно, не зная, что недруги не решатся выгнать его, что скоро его пошлют на год в Ленинград, на курсы усовершенствования высшего начсостава в Военно-морскую академию, а лет через пять в переполненных аудиториях той же академии его лекции по стратегии и оперативному искусству станут событием и надолго заменят еще не написанные учебники.

Споры тогда возникали на каждом шагу — все изучали, открывали и создавали заново. Морские газеты и журналы писали о минувшей мировой войне, о Ютландском бое, моонзундских сражениях эскадр, минной войне, авиации, подводных лодках, радиосвязи и радиоразведке, о том, каким быть красному командиру, каковы нравственные нормы взаимоотношений людей новой эпохи, — всего понемногу. Иногда слышались отголоски бузотерства анархиствующих братишек, памятных еще по «Изяславу». Один литератор, знаемый по опусу «Крылатый эрос», всерьез доказывал, что обращение на «вы» антидемократично, оно разобщает командиров и рядовых, значит, нужна срочная реформа: перевести весь личный состав флота на «ты» — и баста!.. Другие требовали ликвидировать кают-компанию комсостава, как отрыжку монархического режима. Пришлось Наморси Балтики М. В. Викторову защищать кают-компанию, как традиционное место отдыха командиров.

Возродился и старый спор — «каким быть флоту». Не трагические уроки Цусимы и Порт-Артура его возбудили, а острая нужда разоренной и обескровленной двумя войнами и двумя революциями страны в защите своих морей и границ. «Флоту быть!» — объявил еще IX Всероссийский съезд Советов. Но когда и какой строить флот, если страна с мукой восстает из пепла? Были сторонники немедленного строительства сильных эскадр линейных кораблей и вашингтонских крейсеров с дальним радиусом действия. Были ревнители только подводного флота и авиации. Многих гражданская война и опыт озерно-речных боев сделали поклонниками легких сил и москитного флота. Эти яростно клеймили своих оппонентов проводниками теорий буржуазного запада.

В Военно-морской академии, как рассказал ее слушатель того времени Николай Герасимович Кузнецов, выступил после страстных схваток ораторов Наморси страны Ромуальд Адамович

Муклевич. Он разделил спорящих на «сторонников проливов» и «сторонников заливов». Одни, не считаясь не только с экономикой страны, но и с ее международной позицией, предлагают строить только крупный флот, как бы возрождая стремления царского правительства овладеть проливами для выхода в Средиземное море; другие, сторонники малого флота, так приросли к Финскому заливу, что все планы подчиняют обороне ближайших к Кронштадту берегов…

Естественно, штабной командир так или иначе был втянут в эти споры. Глубокая и разносторонняя эрудиция Исакова в отечественной и зарубежной военной истории, склонность вникать в тенденции развития морских сил и морских доктрин возможных противников позволяли ему трезво оценивать настоящее и будущее. А должность обязывала предвидеть возможный ход войны, по крайней мере на Черном море.

Много позже в «Слове разведчикам КБФ», переданном к двадцатилетию победы начальнику морской разведки Балтики в военное время полковнику Н. С. Фрумкину, Иван Степанович писал: «В любом трактате о штабной работе, после изложения основных задач и назначения штаба, утверждается, что при этом он должен оставаться в тени, быть малозаметным, безликим, так как самостоятельно штаб существовать не может. Он только орган управления, обеспечивающий командование. Отсюда требование особой скромности, собранности, организованности, привычки к конспирации и безотказности в работе в любых условиях обстановки, помимо общих требований, предъявляемых к офицеру любой специальности. Но внутри штаба из всех его управлений и отделов те же требования, но возведенные в высшую степень, предъявляются к разведчикам».

К себе, как к штабному работнику, Исаков предъявлял требования, «возведенные в высшую степень». Штаб сразу стал для него учреждением научным, основанным на познании, анализе и глубоко продуманных обобщениях. Это отвечало его живому и беспокойному уму. На Балтике в конце тридцатых годов и перед самой Великой Отечественной войной из рук в руки передавали памятную записку Исакова «Советы старого штабиста», написанную им при назначении начальником штаба флота и повлиявшую на многих командиров в то сложное время. Исаков осуждал тех, кого в штабе «заедает текучка». Каждый штабист обязан найти время для постоянной работы над отдельными научными проблемами; закончив рабочий день, надо проверять и спрашивать себя: а что я сегодня сделал, что нового сделал сегодня для войны?.. Так запомнил и излагал «Советы старого штабиста» на Ученом совете Военно-морской академии

начальник одного из факультетов контр-адмирал Чистосердов в сорок пятом году, когда Ивану Степановичу присуждали звание профессора и степень доктора военно-морских наук.

К военной науке Исакова вела штабная практика. Еще в БОЧМе он понял, что надо пересмотреть организацию обороны побережья. В годы, когда он работал начальником оперативного отдела штаба, шла техническая реконструкция кораблей, была принята Советом Труда и Обороны пятилетняя судостроительная программа, на Черном море достроили крейсер, несколько эсминцев, вводили в строй корабли, поднятые со дна моря, пришел отряд Галлера с Балтики, в нем модернизированный линкор «Севастополь». Но сил для защиты баз не хватало.

От царской России досталось в наследие пренебрежение к береговой обороне. В старом флоте берегом, приморскими крепостями и даже кронштадтскими фортами занималось сухопутное ведомство, морякам — море. По опыту военной истории Исаков знал, что нападающая сторона чаще берет базы не с моря, а с суши. Так уже случалось с Севастополем и в Крымскую, и в гражданскую войны, и грош ему цена, как оператору штаба, если он не сможет предвидеть, предусмотреть того, что называют повторением горьких уроков прошлого. Служебные поездки и походы помогали изучать берег не хуже, чем корабли. Из каждой поездки он привозил новые требования к фортификаторам и артиллеристам. То обнаружил в море точку, с которой линкор типа «Куин Элизабет» может поразить нашу мощную береговую батарею в главной базе. То нашел в устьях кавказских рек, знакомых ему с детства, не защищенные от десанта места. То почуял пренебрежение к защите баз с тыла и затеял необычную инспекционную поездку: верхом на конях группа командиров проникла с тыла, никем не замеченная, на КП и в орудийные дворики дальнобойной батареи, а вахтенные в это время наблюдали — по инструкции — только за морем… Он заранее знал результат инспекции, но, чтобы разом сломать эту инструкцию, вовлек в поездку большое начальство и достиг своего.

От частностей он настойчиво шел к обобщению, к коренным проблемам, и вскоре пришел час ему испытать себя, свое мужество командира и гражданина.

В истории нашего флота известна комиссия Немитца, созданная в начале первой пятилетки Реввоенсоветом страны для критического анализа береговой обороны Черного и Азовского морей. Александр Васильевич Немитц, в прошлом царский адмирал, человек сложный и противоречивый, был безусловно честным и знающим командиром и безупречно служил в Красном

Флоте, как настоящий патриот. Ему в очень острое для страны время правительство доверило дело, которое должно было повлиять и на будущие военные события на юге. Комиссия была смешанная: и моряки, и армейцы из соседних округов, и авиаторы, и артиллеристы — словом, авторитеты из всех родов войск. Исакова назначили начальником штаба, — может быть, потому, что и в округах его знали как человека широкого кругозора, грамотного и в сухопутных делах и не ограниченного ведомственными шорами, но, наверно, и потому, что он уже проявил себя как штабист, склонный к научному анализу, и как командир, умеющий слушать других, быстро решать и высказывать, не колеблясь, *определенное* мнение, а для дела государственного это всегда ценно.

За два месяца плаваний на специально выделенном даже при тогдашней бедности корабле, поездок на автомашинах, пеших походов в глубь материка через самшитовые и кизиловые рощи, заросли бамбука и одичавшие леса комиссия буквально исследовала побережье, устья рек, даже ручьев, от Риони до Днестра, все бухты, порты, базы, Керченский пролив, перешейки, полуострова и острова, лиманы, пляжи, косы; когда вернулись в Севастополь, Исакову досталось освоить, обдумать, обобщить и четко оформить для доклада правительству не только собранный огромный материал, не только критику изъянов, но и предложения, точные и обоснованные, что жизненно необходимо сделать на случай войны, сделать срочно, чтобы обезопасить страну от случайностей.

А денег у страны мало. Надо строить и корабли, и базы. То, что предлагала сделать комиссия, особенно в Керчи и Севастополе, требовало перераспределения средств, выделенных на развитие флота. Начальство на Черном море — против. Флагманы в Москве против: сначала — флот, потом — базы.

Впервые в жизни Исаков попал на Реввоенсовет страны, где комиссия отстаивала свои выводы в присутствии высших руководителей обороны государства. Он не только один из авторов доклада, он к тому же флотский командир, и ему надо выступать наперекор мнению морского командования — непосредственного и высшего. Вероятно, и сравнивать нельзя его самочувствие с волнением при опасной швартовке, куда там: самый младший в зале, да еще и беспартийный, всего лишь начальник черноморского оперотдела, ему и слово дал Ворошилов последнему. Не дерзость ли настаивать на том, что отвергают признанные флагманы? Не много ли на себя берет?.. Нет, он такой же гражданин в своем отечестве, как и все. Он больше чем убежден в правоте выводов, они продуманы,

выношены годами, выверены еще до того, как Реввоенсовет доверил ему это дело. От него ждут *его* мнения, а не лавирования мнением под чужое мнение. Если он не способен честно выразить свое мнение, он не может работать в штабе.

Выйдя к огромной, им же составленной карте, он твердо сказал, что все документы разрабатывал сам и убежден в них. Предлагаемые меры считает неотложными, особенно при складывающейся международной обстановке. Что касается конфликта — «корабли или базы», его не может быть. Флот надо строить, на это уйдет десятилетие. Берег надо защищать сейчас и всегда, чтобы не оставить корабли без баз.

«Ну, все, на этом кончился для флота Исаков», — подумал его давний товарищ по Черному морю Цалькович, тоже член комиссии. Очевидно, опасение возникло не у одного Цальковича. К счастью, друзья ошиблись. Опять — хоть и боком, новая ступень: Борис Михайлович Шапошников, крупнейший генштабист и будущий маршал, угадал в смелом черноморском операторе главное — видит глубже и дальше, чем дозволено рамками ведомства или должностной границей. Он пригласил Исакова в штаб РККА, в Оперативное управление, начальником которого был Владимир Кириакович Триандафиллов.

В объемистом томе «Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917–1940)», изданном в 1965 году, имя Исакова соседствует с именами лучших теоретиков наших вооруженных сил, в том числе и с именем погибшего в авиационной катастрофе Триандафиллова. Исаков стал в Оперативном управлении штаба его сотрудником и учеником.

Теоретический рост Исакова шел стремительно: автор исследований, опубликованных Гидрографическим управлением и Научно-техническим комитетом; статьи на военно-морские и военно-географические темы в Большой советской энциклопедии и в первых томах Военной энциклопедии, возобновления которой он добивался до конца жизни: статья «Десантная операция» — предвестница курса лекций, прочитанных позже в Военно-морской академии. Наркомат обороны издал их в 1934 году отдельной книгой как учебник для командиров флота. Но все писалось ночью, урывками. Главное — работа в морском отделе штаба: частые выезды на моря и срочная разработка государственного задания. Триандафиллов включил Исакова в подготовку программы строительства флота, рассчитанной на индустрию первых пятилеток. В программе был и его, им выношенный новый эсминец.

В одной из служебных автобиографий Иван Степанович писал

в разделе «Партийные дела»: «Впервые подал заявление о приеме кандидатом в члены ВКП(б) в первичную организацию Оперупра Генштаба в 1931 году. К концу года прошел через бюро, но ввиду отъезда в длительную командировку на ДВ дело приостановилось. Все документы переслали в ВМ Академию, где меня застало постановление ЦК о временном прекращении приема в партию».

Сама командировка на Дальний Восток была большим партийным поручением. Его послали с комиссией Я. Гамарника, на четыре месяца. Международное положение страны обострялось. После военного конфликта на КВЖД в Москву приезжал с Амура комиссар Степанов, он рассказывал, как амурцы громили сунгарийскую флотилию противника.

Но вот Япония захватила Маньчжурию. Под ударом советское Приморье, японские штабы давно вынашивают план отторжения Дальнего Востока от СССР. Правительство решило укрепить оборону на Тихом океане, создать там военный флот. Исакова посылают туда — провести, как на Черном и Азовском, рекогносцировку берегов, подготовить базирование флота и создание судостроительного завода.

Снова — походы, поездки, изучение берегов, бухт, возможных стоянок. Но если Черноморское побережье после Финского залива казалось беспредельным, то моря и берега Тихого океана было трудно даже мыслью объять. Тут и четырех месяцев не хватит. От Арктики до субтропических параллелей Посьета дикие и необжитые земли. Береговые укрепления заброшены еще с русско-японской войны. Край требует для своего освоения и укрепления десятилетий труда сотен тысяч людей. Исаков знал Дальний Восток не только по гардемаринской практике, но и по обширной военно-исторической литературе. В Москве он увлекся архивными документами о русско-японской войне, материалами следственной комиссии и рассекреченными после революции фондами.

В этой поездке на Дальний Восток Исаков пришел к одной из самых значительных для себя тем — о Циндао. Небольшой в масштабе первой мировой войны эпизод — взятие германской крепости Циндао, контролирующей Желтое море, — привлек его острой актуальностью. Размах операции в Циндао невелик: действовали не армии, а полки, не флоты, а одна эскадра и отдельные корабли, не воздушные соединения, а одиночные самолеты. Что же актуально в этой полузабытой операции? Он почуял в ней проекцию на современность, пищу для стратегических обобщений и оперативных открытий.

Столкнулись два противника — Япония и Германия, оба

сильные и оба потенциально опасные для Советской страны. Островная держава стремится на континент, но одновременно боится потерять свой флот, скованная соперничеством в океане с Великобританией и США. Она бережет флот, но не жалеет для агрессии людей. На Порт-Артур напала внезапно, не объявляя войны; на Циндао, наоборот, предупреждая о нападении, это было выгодно во взаимоотношениях с союзниками. Порт-Артур подтвердил ходячую формулу: «морские крепости берутся с суши». Циндао как будто тоже подтверждает эту формулу, хотя при новых средствах борьбы и в иных условиях все может быть по-другому. Но японцы будут действовать именно так — стараться брать приморские крепости и укрепленные районы с суши. Очевидно, на Дальнем Востоке нет такого пункта, захват которого гарантировал бы успех на всем театре. Значит, следует ждать атак нескольких пунктов. Так операция времен первой мировой войны стала поучительной и для тридцатых годов. Япония напала на Циндао в момент, когда Германия была скована на главных фронтах в Европе. Разве не может снова возникнуть такая ситуация, только в ином сочетании противных сторон и с иными, более современными силами, особенно в условиях, когда Советской стране противник угрожает и с Запада и с Востока? Тема увлекла Исакова на годы, он сумел вложить в нее столько оригинальных мыслей, сделать такие прогнозы и открытия, что его работу вспоминали в штабах и во время Пирл-Харбора и позже.

В марте 1932 года Исаков вернулся в Москву, а в апреле началось создание флота на Тихом океане.

Поездка на Дальний Восток произвела сильное впечатление. Долгосрочная программа строительства и развертывания морских сил начала действовать, но нет базы военно-морской науки, нет учебников, наставлений, разработанного опыта минувшей войны, обобщения главных особенностей современного развития на море; морской отдел штаба РККА не может удовлетворить растущий флот, а кадров для самостоятельного морского штаба еще мало; нельзя серьезно работать в штабе без глубоких научных исследований. Эти аргументы Исаков выдвигал, добиваясь, чтобы его отпустили в Ленинград, в академию — преподавать и заниматься наукой. «Никаких учебников или пособий по курсу стратегии не существовало, — писал он тогда. — Приходилось учиться самому и постепенно создавать конспекты для слушателей. Но через год я был внезапно привлечен к первой проводке кораблей по только что построенному Беломорско-Балтийскому каналу для формирования Северного флота».

Не так уж внезапно. После комиссии Немитца, работы над

планом в штабе РККА и командировки на Тихий океан не было в последнее перед войною десятилетие решающего направления, куда не бросали бы Исакова. В академии за год работы на кафедре стратегии и оперативного искусства он успел прочесть не только курс лекций по десантным операциям, но и оригинальный курс о боевых действиях подводных лодок с выводами-открытиями и долгосрочными прогнозами, подтвержденными практикой второй мировой войны; этот курс стал основой первого тома научного труда «Операции подводных лодок», написанного Исаковым в соавторстве с А. П. Александровым и В. А. Белли. Продолжая готовить книгу «Операции японцев против Циндао», Исаков опубликовал работу «Беломорско-Балтийская водная магистраль» — за полгода до «внезапного назначения» начальником штаба экспедиции особого назначения — ЭОН-1. Исаков писал, что Беломорканал, помимо исторического и народнохозяйственного значения, устраняет стратегическую разобщенность морских театров, позволяя военным кораблям переходить из Балтики на Север.

В апреле 1933 года Ивана Григорьевича Карпова, занятого тогда перестройкой царской яхты «Штандарт» в минный заградитель «Марти», вызвал командующий Балтийским флотом Галлер и сообщил, что, оставаясь командиром минзага, он поступает в распоряжение комиссии Исакова.

Карпов нашел Исакова в Адмиралтействе.

Объяснив ему цель экспедиции, Исаков отправил его обследовать трассу канала.

Это был новый Исаков, такого Карпов, дружный с командиром «Кобчика» с гражданской войны, не знал: деятельный, разносторонний — всем сотрудникам экспедиции давал ясные задания, результаты требовал в срок, сам организовал в Кронштадте демонтаж эсминцев «Урицкий» и «Куйбышев», сторожевиков новой серии «Ураган» и подводных лодок, сам приводил их в боевую готовность на Белом море.

Карпов прислал мне уникальную фотографию, снятую одним из работников Беломорканала на реке Карелке в устье Свири. «Негатив оказался у меня, — писал Иван Григорьевич. — Я о нем позабыл или попросту утерял. Негатив плохой, любительский. Недавно я его «поднял», хотел сделать сюрприз И. С., не успел. Посылаю снимок Вам. На Карелке стоял деревянный док, у которого один борт, как половинки ворот на петлях, открывался. В притопленный док входил эсминец. Нос не вмещался, он «висел» за пределами дока. Ворота закрывали, вернее, прислоняли к доку, и щели конопатили. Из дока с помощью водолазов выгружали камни. Откачивалась вода. Док всплывал,

поднимая миноносец на «своей груди». Буксиры тащили док с эсминцем. Вот Исаков и стоит на батопорте, наблюдая за подготовкой дока».

Два других снимка сохранились в архиве Ивана Степановича. Они озаглавлены: «Прохождение свирских порогов». Один относится к ЭОН-2, после успеха первой Исаков возглавил вторую проводку, справился с ней в ту же навигацию, за что правительство наградило его орденом Красной Звезды; на мостике «Грозы» стоят Исаков и командир сторожевика Визель. Второй снимок сделан на пороге «Сиговец». С последнего в цуге буксиров судна тянутся тросы на док с поднятым эсминцем. Следует пояснение: «Редчайшая буксировка: т. наз. «упряжка цугом» или цепочкой — 7 буксиров. Слева «Шола» с Шмаковым (старший лоцман) — носится вдоль каравана и командует голосом. Коренной — «Восток» с Иванищевым (лоцман), как самый сильный. № 9 и 10 буксиры — поддерживают док с бортов, чтобы не «каталась» корма. Впереди буксир — «указатель» фарватера — разгоняет (останавливает) встречных. Всего — 11 буксиров».

Проводки кораблей на Север кончились глубокой осенью. Исаков побывал в Архангельске, в Соломбале, в Мурманске, деревянном городке, так зажатом сопками, что думалось — никогда ему не вырасти в мировой порт и не подняться тут, негде и некуда, каменным домам. Но Арктика уже жила будущим, создан Главсевморпуть, в одну навигацию прошел Арктику ледокол «Сибиряков», чего тщетно добивался для своего «Ермака» Макаров. Скоро и Северная флотилия станет Северным флотом. Когда освоят Северный морской путь, исчезнет стратегическая разобщенность и с Тихим океаном — пойдут туда и оттуда боевые корабли через Арктику.

В академию Исаков возвращался окрыленный, переполненный новыми темами, замыслами, планами и немного встревоженный. Он с увлечением поработал в двух экспедициях. Помощники вернулись в Ленинград к своим кораблям, некоторых оставили в Заполярье. Хорошие подобрались сотрудники, отличные моряки и веселые спутники. Дружеская атмосфера, без которой немыслимы подобные походы, не помешала строжайшей дисциплине. Карпов, колючая умница и фанатик корабельной службы, сумел так все наладить, что Ворошилов посулил ему награду от Реввоенсовета — золотые часы. Заслужил Иван Григорьевич, ему бы и орден — за гражданскую войну. Ни одного осложнения в походах. Исключая, пожалуй, инцидента на мостике, — чего доброго, разнесут теперь по флоту молву «о дерзости Исакова».

Смолчать нельзя было, но и сказать наркому мог потише, чтобы исключить возможность пересудов. Впрочем, на корабле, да еще при таких обстоятельствах, скрыть что-либо невозможно.

Каждый капитан на своей шкуре испытал, как трудно вести судно, если на борту, да еще на мостике, начальство. Даже свое, морское, *компетентное*. А уж гражданское или армейское — беда. В любом случае за курс и судьбу корабля отвечает сам командир. Только не всякий решится пропустить советы свыше мимо ушей. Исаков заметил, что командир неспокоен. На мостике корабля известнейшие в стране люди. Стоят тихо, в стороне, переговариваются вполголоса. Рядом с Исаковым в морской форме нарком — он же и по сухопутным и по морским делам нарком. Краснофлотцы смотрят на него с восторгом. Исаков и сам смотрит на него, как юноша на человека из легенды, хотя видит его не впервые — Ворошилов напомнил при встрече: «А, помню, помню, упрямый черноморский оператор!» И все же — законы флота строги. Еще в Моонзунде Исаков усвоил: в походе даже посторонний глаз обязан наблюдать за морем. Тут, правда, не бой, но и шутки отвлекают людей от дела. А когда от шуток нарком перешел к советам командиру, Исаков не стерпел и попросил все советы передавать через него.

Нарком внимательно взглянул на Исакова и промолчал. Все замерли. Только один голос раздался в тишине, спокойный голос члена правительства, стоявшего сзади: «Правильно говорит товарищ, не надо нам мешать капитану».

Такое моряки не забывают. Наверно, уже разнесли по Кронштадту. Самое неприятное — пересуды: «Исакова снимут?.. Исакова накажут?..»

В академии Исакова ждал приказ: от должности старшего преподавателя кафедры стратегии и оперативного искусства освободить. Назначить начальником штаба Краснознаменного Балтийского флота.

Снова он на кораблях неласковой для него Балтики. Да, на кораблях, в штабе и в море. Его первое требование и к себе, и к другим: не засиживаться на берегу, плавать, пока залив не скуют льды, не отступать перед штормами, искать непогоду, учиться одолевать непогоду и плавать, плавать, плавать.

Начальником штаба КБФ Исаков в тридцатые годы был дважды — до конца 1935 года и снова в тридцать седьмом году.

Контр-адмирал В. И. Рутковский высказался однажды в Ленинграде в научной среде о качествах Исакова — штабиста и оператора. Отметив, что Иван Степанович внедрил высокий стиль и методику штабной работы во все большие и малые штабы нашего флота, сам стал «первым оператором ВМФ и воспитал

плеяду молодых операторов», он заявил: на флоте признан и принят *исаковский* стиль работы оператора. Это значит: «Во-первых, все должно быть предусмотрено оператором; во-вторых, все могут ошибаться, исключая оператора». Исаков следовал именно этому стилю и умел за него отвечать.

В 1935 году во время осенних учений случилась катастрофа. Наперерез линкору «Марат» должна была выйти подводная лодка «Б-3», поднырнуть под него и атаковать с другого борта. Командир линкора, вняв *некомпетентному* возгласу высшего военачальника, внезапно изменил курс. Лодка, всплывая, оказалась под винтами линкора и погибла.

На разборе Исаков заявил, что виновным считает прежде всего себя, — он разрабатывал план учения и не предусмотрел все *возможные* случаи. А возможность такого случая он мог предполагать по личному опыту, зная, что на флагманском корабле пойдет начальство и вмешательства в управление кораблем следовало ожидать.

Исаков понес суровое наказание. Но на флоте оценили его поведение. В нем видели человека, который правильно понял свою честь высокого командира и не прикрылся чужой спиной. Добавлю: Исаков действительно считал себя ответственным, держась принципа, что оператор должен предусмотреть все и ошибаться могут все, кроме оператора.

После полутора лет преподавания в академии Исаков вернулся в штаб. Он остался верен тем же принципам.

Генерал-лейтенант Сергей Иванович Кабанов, в сорок первом году командующий легендарной обороной Гангута, летом тридцать седьмого года командовал соединением крупнокалиберной железнодорожной артиллерии флота. В жаркий день в столовой соединения случилась беда. Зарезали корову, изготовили тысячу котлет, котлеты в жару испортились, и произошло массовое отравление. Переполох, нашествие следователей. Зловещее обвинение — диверсия…

К вечеру звонит Кабанову начальник штаба флота Исаков: «Почему не докладываете, Сергей Иванович?» — «Потому что отстранен от должности», — отвечает Кабанов со свойственной ему резкостью и прямотой. «Кем?» — «Следственными органами флота». — «За что?» — «За диверсию с котлетами». — «Ваше мнение?» — «Мое мнение такое: первые котлеты прошли благополучно, последние две сотни завоняли. Диверсии нет. Есть халатность». — «Хорошо. Немедленно возвращайтесь к исполнению обязанностей. Передайте следователям мое приказание прекратить следствие и вернуться в Кронштадт. Используйте свои дисциплинарные права и накажите виновников

происшедшего по своему усмотрению».

Тем же летом Исакова в звании флагмана II ранга назначили командовать КБФ. Его флаг поднят над линкором «Марат».

Два десятилетия службы революции позади. За Исаковым устойчивый авторитет крупного морского теоретика и сильного организатора. Изданная впервые в 1936 году с предисловием И. М. Лудри его книга о Циндао выходит подряд — вторым и третьим изданием. Она поражает и радует остротой аналитического зрения автора. Еще до Халхин-Гола и Хасана она не только предостерегает моряков о японской угрозе Дальнему Востоку, но и учит, в первую очередь тихоокеанцев, распознавать стратегию и тактику японской экспансии на материк. Ясен шаблон этой экспансии: блокада флота с моря; переброска экспедиционного корпуса и высадка там, где берег не защищен; перегрызание коммуникаций и осада с суши; борьба за высоты и последовательные атаки после подавления артиллерии осажденных. Но всякий шаблон может претерпеть изменения при развитии новых средств войны. Вся книга — исследование шаблона и опровержение шаблона. Она учит не только на опыте победителя, но и на уроках побежденной стороны. Исаков напоминает об успешном сопротивлении немцев десятикратно превосходящим их в численности японцам и, разрушая миф о непобедимости самураев, рожденный Порт-Артуром или разгромом в Азии противника, стоящего значительно ниже в политическом и культурном развитии, приходит к важному для грядущего выводу: «Это раз и навсегда решает вопрос о целесообразности обороны локальных пунктов, если оборона их организована и моральная стойкость бойцов на высоте».

В канун тяжелейших сражений каждая работа Исакова-ученого полна волнения Исакова-гражданина и Исакова-командира за судьбу страны. Бьют в цель его исследовательские очерки о германском генеральном морском штабе, его прогнозы об использовании подводных лодок; БУМС-37 — боевой устав морских сил, разработанный в соавторстве с Владимиром Александровичем Алекиным, специалистом в морской тактике; устав жил на флоте до победы над фашизмом, как и написанное группой Исакова наставление по ведению боевых операций.

Став комфлотом, Исаков созывает командиров соединений и четко формулирует требования к боевой подготовке в условиях фашистской угрозы. Он осуждает пять грехов: обучение в тихую и ясную погоду; игнорирование тренировок ночью; использование привычных объектов, укороченных дистанций высот, целей; учения вблизи берега, пренебрежение маскировкой и прочими мерами скрытности. Обучать надо в шторм и туманы, в шхерах и

на просторах моря, ночью и днем, в обстановке, максимально близкой к боевой.

Именно этим отличались учения, проводимые новым командующим. Только для непосвященного «красная» и «синяя» стороны абстрактны. Моряк знает, кого конкретно он условно изображает, каковы тактико-технические данные боевых единиц противника, что нового в его арсенале, он учится противостоять сильному врагу.

Были осенние маневры 1937 года. Разыгрался шторм в 10–12 баллов. Где-то в районе Гогланда, как запомнилось командиру «Марти» Карпову, Исаков всех вернул в Кронштадт. Курс на вест в открытую Балтику продолжает «Свирь» под флагом командующего. За ним учебный корабль «Комсомолец» и минзаг «Марти».

Трое суток Карпов поминутно видел работающие винты «Комсомольца» — то оголенные, то снова погружающиеся в воду. Обогнув остров Готланд, подошли близко к маяку Висби. Можно укрыться, переждать?… Нет, только вперед. «Вот это характер!» — подумал Карпов о своем флагмане. Который уже день по верхней палубе невозможно ходить. Двое суток матросы не могут найти Машку, корабельную медведицу: только на подходах к Кронштадту ее обнаружили на рострах, застряла между цистернами. У гюйсштока смыло спасательный круг, прихваченный каболкой — растительным тросом. Карпов не рискнул послать матроса на нос забрать круг. Смоет человека. Черт с ним, с кругом…

Когда вернулись, был, как положено, разбор. Флагман доволен — корабли будут плавать и в шторм. Оценки деловые. Похвалили людей за выучку, за точное место в строю, за безаварийность. Взял слово один из обучающих. У всех нашел плохое, всем перебрал косточки. Отвел душу — вспомнил и про потерянный круг.

Флагман улыбнулся, руками развел, оспаривать или защищать не стал — все и так понятно. В следующем походе надо круг крепить надежнее…

И снова поход — двухдневное учение с подводными лодками. Поздняя осень, шторма. Сигнальщики ищут силуэты чужих кораблей. Они знают многие силуэты. Сейчас на Балтике фашистский флот.

В сейфах пакеты под сургучом: вскрыть по коду-сигналу. Код на каждом пакете свой. Много у окруженной враждебным миром страны вариантов опасности. Но флагман ощущает главную угрозу — фашисты. Он уже воевал против германских милитаристов. Нынешние — опаснее.

Флагман опять в походе.

Четвертая война

Война для Исакова не была и не могла быть неожиданной. Интуиция военачальника, знание и понимание хода событий подсказывали ему: нападение близко.

30 июня сорок первого года он писал Ольге Васильевне из Таллина: «Не преувеличивай военно-морских ужасов вокруг нас… Это моя четвертая война. Я до уныния благоразумен. Каждый случай поспать и поесть использую. Конечно, эта война не то, что я испытывал (что меня испытывало) до сих пор. Но я надеюсь, что мы победим. Предвижу это совершенно ясно. Как ясно предвидел эту войну… Только не изводись. Работай, стиснув зубы, и жди общего и нашего счастья. Целую. Ив.»

Он был уже адмиралом, первым заместителем наркома ВМФ СССР и начальником Главного морского штаба, и в Таллин, на самое опасное морское направление, выехал на автомашине «форд-8» утром второго дня войны.

Заместителем наркома Исаков стал в начале тридцать восьмого года, когда был создан этот комиссариат. Он занялся вооружением и кораблестроением по той программе, которую и он разрабатывал. В феврале тридцать девятого года флагмана флота II ранга Исакова послали в США. Ехал через Париж, там — «смокинговое великолепие для меня готово». Подхватил опасный для своих легких грипп, терпел до Шербура, но и в Шербуре не удалось отлежаться: на «Лузитании» треть пассажиров в первый же день плавания свалилась «кормить рыб», не мог он слечь, когда «британские марсофлоты исподтишка наблюдали за диковинным советским адмиралом». Когда свалились все, слег и он — в бреду и с температурой: «сто по Фаренгейту». Кусок жизни от Шербура до Нью-Йорка он назвал «Семь суток без берега», шторм на сутки задержал в океане. «К Новому Свету подошел, обсыпанный болячками не только на губах, но и на ноздрях, но в твердом уме и памяти».

Впервые в жизни он пересек океан. Где-то в душе глушил досаду: не на мостике и не на военном корабле. И усмехнулся мальчишеской фантазии — корабли еще будут, океанские корабли. Но сейчас он торопится увидеть, изучить, как строят корабли американцы, он — глава правительственной комиссии специалистов по судостроению. И если б он мог, он полетел бы, как вскоре его друг Владимир Коккинаки, над океаном, пожертвовав и Парижем, и смокингами, и даже двумя десятками милых писем жене. По его письмам видно, как тревожила его близость войны и ее неминуемый поворот на Восток.

Вернулся — вступил в партию, кандидатом приняли еще на Балтике, в штабе флота. Один из рекомендателей — все тот же Степанов, его черноморский комиссар. Отношение к вступлению в партию он выразил в одном из писем жене с фронта. Гордей Иванович Левченко, адмирал, сообщил ему в июле 1941 года, что Ольга Васильевна принята парторганизацией Академии наук кандидатом в члены ВКП(б) и, как многие женщины Москвы, во время бомбежек тушит на крышах зажигалки. Исаков писал жене: «Слыхал от Гордея о твоем большом и решающем шаге в жизни. Собственно, это новая жизнь, дорогушка — в партии. Горжусь тобой…»

После поездки в США Исаков получает новое задание — вести в Таллине и Риге переговоры с буржуазными Эстонией и Латвией об аренде военно-морских баз на Балтике. Третий раз — в бывший Ревель, где начинал морскую службу и где не был с 1922 года.

Кабанов, тогда комбриг, его ближайший помощник в этой командировке, подробно рассказал в книге «На дальних подступах» о поездке в специальном вагоне с Исаковым в Эстонию, о штабе на колесах в тупичке таллинского вокзала, о напряженной атмосфере того времени в Прибалтике и устройстве передовых баз флота там, куда уже подступала вторая мировая война. «Мы надеялись на отсрочку, так и оценивали столь неожиданный пакт с фашистской Германией, — писал Кабанов. — Год отсрочки или пять — никто этого не знал. Но война будет, это понимал каждый военный человек. Так называемая «Балтийская Антанта» — Эстония, Латвия и Литва, связанные военным договором, — вела игру и с англичанами, и с немцами. До подписания пакта в нашей печати мелькали сообщения о проникновении фашистской военщины в Эстонию, о зависимости этой страны от германского капитала. На командных пунктах артиллерии висели, как я уже говорил, силуэты английских крейсеров — англичане ведь дважды (в Крымскую войну и после Октября) ходили войной в Финский залив. Впрочем, если быть точным, в душе у каждого… жило убеждение, что, несмотря на пакт, воевать будем против фашистов».

Когда-то в Астрахани, на 12-футовом рейде, Исаков осуществлял — и с успехом — стратегическое развертывание против белых, решающее для последнего на Каспии сражения за Советскую республику. Здесь, на Балтике, в масштабе, несравнимом с Астраханью, тоже надо было *упредить* будущего противника стратегическим развертыванием флота, зажатого с восемнадцатого года с помощью германских же милитаристов в восточной части Финского залива. Исаков, хорошо зная Балтику и

оперативные задачи флота в случае войны на ней, активно участвовал в этом стратегическом развертывании. Он руководил передислокацией КБФ в Таллин, Палдиски, Либаву, Виндаву и к архипелагу, где еще в юности получил боевое крещение. Будущему строителю береговой обороны Балтийского района и командующему БОБРа генералу Кабанову он дал прочесть одну из лучших книг о Моонзундском архипелаге, боях за него в семнадцатом году и его значении для владения Балтикой — эту книгу Косинского, довольно редкую, изданную в двадцатые годы Военно-морской академией, Исаков захватил с собой в вагон. Как всегда, Иван Степанович практическое решение важной задачи старался прочно связать с военной наукой и этому учил других командиров. Недаром Кабанов, суровый, героический и скупой на похвалы человек, с глубоким уважением говорил о совместной работе с Исаковым, о его лекциях, об удивительном умении, ставя задачу, лаконично и точно раскрыть перед командиром ее оперативно-стратегический смысл.

Флот вышел на оперативный простор — давняя надежда каждого балтийца и насущная необходимость перед фашистским нападением. Кто знает, как сложилась бы для Балтики и для Ленинграда война, не займи флот этих стратегических позиций.

Но с севера Кронштадт и Ленинград находились в пределах досягаемости огня «линии Маннергейма». Исаков, как и все поколение людей революции, не забыл блокаду Кронштадта с моря, набеги из операционной базы германской эскадры в Бьёркезунде, не забыл и «Кронштадтскую побудку», устроенную англичанами из тех же вод, — повторение чревато катастрофой.

Когда начался вооруженный конфликт с Финляндией, Исакова послали в Кронштадт — координировать с фронтом действия КБФ. Свою третью войну он провел не только в Кронштадте, в кабинете на командном пункте. В декабре 1939 года, когда эскадра вышла в Бьёркезунд, чтобы нанести удар по береговым батареям противника и поддержать огнем фланг армии, Исаков был в бою на мостике «Марата». В те дни он получил орден Красного Знамени.

Подступала четвертая война, та, которую он «так ясно предвидел». В декабре 1940 года на сборе командующих флотами и флотилиями Исаков прочел острый доклад-анализ — по свежим следам первого года мировой войны: взаимодействие армии и флота; операции на коммуникациях; особенности морского боя; значение различных видов морского оружия; организационные принципы современных операций. Какое унылое словечко XX века — «доклад». Но ведь каждое выступление адмирала Исакова, как и каждая его статья, становилось событием. Даже его

предисловия к книгам не были обычными предисловиями. Любопытен отзыв адмирала Юрия Александровича Пантелеева о предисловии к переизданному в 1956 году переводу материалов комиссии по изучению результатов стратегических бомбардировок авиации США:

«…Русскому переводу книги «Кампании войны на Тихом океане» предшествует обстоятельное предисловие, написанное профессором Адмиралом Флота Советского Союза И. С. Исаковым. Предисловие по существу является самостоятельным исследованием, исторической монографией… В предисловии, объяснены причины войны и показана предвзятость в описании результатов боевых действий флота США. Оно не только помогает читателю разобраться в книге, искусственно усложненной авторами отчета, но и побуждает его глубоко задуматься над многими важными вопросами. В предисловии разъясняется недопустимость поверхностной оценки иностранных источников для научного исторического исследования, а также некритического разбора действий наших армий и флотов во время Великой Отечественной войны. Предисловие является своего рода наставлением к тому, как следует изучать и пользоваться иностранными книгами, посвященными исследованию опыта второй мировой войны…»

Так все годы работал Исаков-ученый, не теряя связи с Военно-морской академией, не только как ее то начальник, то куратор, но и как исследователь, лектор, педагог.

Флот, как известно, встретил войну в состоянии повышенной готовности, о чем ярко и точно рассказал в книге «Накануне» первый из флагманов того времени Н. Г. Кузнецов. Немалая в том заслуга и адмирала Исакова, и таких адмиралов — военачальников и командующих флотами перед войной и до ее конца, как Алафузов, Галлер, Головко, Трибуц, Октябрьский, Юмашев. Много страниц посвятил Исакову бывший нарком, нет смысла и возможности их пересказывать, его книги надо прочесть. Доброе слово об Иване Степановиче сказал маршал Г. К. Жуков, уполномоченный ГКО в блокадном Ленинграде Д. В. Павлов, маршал И. Х. Баграмян, генерал армии И. В. Тюленев, соратники и свидетели его самоотверженного воинского труда.

Не было сложного направления на войне, где не проявил бы свой талант и волю адмирал Исаков, и рассказывать обо всем значило бы написать книгу о воюющих против фашизма флотах. В душах многих людей остался глубокий след от встреч с ним и совместной работы на войне. Контр-адмирал Рутковский сказал однажды, что Исаков в самое тяжелое время, даже когда сдавали

Севастополь, заражал всех уверенностью, он не произносил пустых слов и заклинаний, а убедительно доказывал неизбежность краха фашистской машины.

5 июля сорок первого года, возвратясь в Таллин из трудной поездки в Палдиски, он писал Ольге Васильевне: «Страшно читать сухие сводки. Сколько крови от Мурманска до Дуная. Помяни мое слово, что говорил тебе раньше: за все это придется рассчитываться немцам и в конце концов это будет самый несчастный народ к концу войны. До тех пор, пока не избавится от фашистов».

19 июля — из Ленинграда, куда по приказу Москвы переехал на автомашине за одну ночь: «28 дней войны, и какой! Сколько уже перенесено, пережито. С ненавистью и злорадством слушаю, узнаю и сам вижу признаки начала выдыхания, утомления немцев. Конечно, у него еще силы есть, но при колоссальном расходе моральных, физических и материальных сил восполнение не поспевает. Уже многие идут пешком. Уже много пушек тянут лошади. Вид у пленных — самый жалкий. Где наглость пленных на Западе? Еще узнает история, с какой катастрофической быстротой будет отступать и разлагаться эта машина…»

И тут же лирические строки, всегда подкрепляющие его жизнелюбие и оптимизм: «Еще раз убедился, как мы хамим с природой. Гнусный ритуал мирного времени заставляет всех спать в такие часы суток, когда творится кругом неописуемое. Проснешься в машине в 3 утра и, несмотря на одурелое утомление, протираешь глаза на такие восходы, что невозможно создать фантазией. Очевидно, Гюстав Доре по ночам не спал. Но то, что делается в небесах этого года, не по силам и Доре. Где день, где ночь, впрочем, разграничить трудно. Иногда только записи в книжке спасают от путаницы. Ты, наверное, знаешь, что я временно в Ленинграде. Как прочно судьба связала меня с этим городом, сколько он дал мне, и сколько я ему отдал. Где буду завтра, когда увижу тебя — не знаю… Я думаю, что в таких случаях лучшая помощь друг другу — это помощь всем, это лучшая работа, до конца, до победы».

В конце июля — снова в Таллин, на торпедном катере — до Кунды. Там остался только катер МО и командир маневренной базы без войска — немцы на подходе; командир базы сам принял у торпедного катера швартовы и отдал заместителю наркома свой катер, чтобы тот добрался до Таллина. В Таллине — добрые вести с полуострова Ханко: Гангут борется, улучшает свои позиции, занимая десантами острова в шхерах; и столица Эстонии готовится к обороне, идут бои в Моонзунде; «Изяслав» — ныне «Карл Маркс» — потопил германскую подводную лодку…

Выполнив задание Ставки, Исаков мчится в Ленинград — берегом, машиной, по последней ниточке дороги, почти оседланной фашистами, — они уже рвутся к побережью между мысом Юминда и Кундой. Под Кингисеппом — встреча с генералом Денисевичем; генерал, известный флоту десантник, останавливает на дорогах отходящие части, формирует на месте оборону и команды — строить укрепления.

Все в огне, в движении. И вот на дороге, буквально на перекрестке под Ленинградом, мимолетная встреча с другом.

Владимир Коккинаки — кумир моего поколения, его высотные, дальние и скоростные полеты-рекорды в предвоенное время были у всех на устах. С Исаковым он познакомился и подружился в тридцатые годы, показывая на одном из подмосковных аэродромов руководителям обороны страны новый тип торпедоносца; в Исакове он нашел человека, понимающего, *предвидящего* использование техники в будущей войне; в Нью-Йорке после трудного перелета он сразу разглядел в толпе встречающих на аэродроме Исакова, хотя в штатском макинтоше и шляпе тот не выделялся среди американцев. И вот — перекресток дорог под Ленинградом, уже фронтовым городом. Исаков прорвался из Таллина, а Коккинаки — из Копорья, там к аэродрому шли немецкие танки; Коккинаки спешил на Моонзундский архипелаг, где по приказу Ставки обеспечивал полеты полка Евгения Преображенского на бомбежку Берлина — его самого в полет не пускали. Разговор на перекрестке Коккинаки назвал «пятиминуткой». «Ты куда?» — спросил его Иван Степанович. «На Запад, на Моонзунд. А ты?» — «На Восток».

— «Как у тебя дела?» Коккинаки знал, что Иван Степанович прислан Ставкой в Смольный членом Военного Совета и заместителем Ворошилова — потом Жукова и других командующих — для координации действий флотов и флотилий с фронтом. «Туго», — сказал Исаков, именно «туго», а не «плохо». «Совсем?» — «Нет. По-моему, уплотняется стена, которую не разобьют». Пять минут — и разошлись. Чтобы снова встретиться на самых различных фронтах: адмирала перебрасывали с фронта на фронт так же стремительно, как и неистового летчика.

Стену вокруг Ленинграда уплотнял и адмирал Исаков — в самые опасные для города месяцы. Его место — Смольный. Но — только в паузах между поездками, походами, полетами. Его касается все на дальних и ближних водных рубежах: и оборудование самой ближней восточной позиции под командой адмирала Ралля, и расстановка кораблей по диспозиции обороны ленинградского взморья и устья Невы, и артиллерийская защита

города по требованию армий на сухопутном обводе — именно огонь кораблей остановил фашистов на Пулковских высотах и сорвал все штурмы с ходу.

«Три раза пытался тебе писать с оказией и три раза не смог, — на клочке бумаги где-то второпях пишет он в конце августа жене, — такая работа. Писать о ней нельзя и незачем. Писать о ненависти к врагу некогда, читай в газетах, в письмах непосредственно пострадавших. Писать о моей вере в победу — ты о ней знаешь. От приезжающих знаю, что ты в пекле бываешь худшем, чем я. С гордостью показываю приказ о твоем бесстрашии. Будь сильна. Все, что могу сказать — работаю так, как работал всегда + как надо работать в военное время, или, вернее, сколько меня хватает. Здоров. Силы есть. Иногда удивляюсь — откуда. Если мечтаю, то о том, когда можно будет работать по восстановлению разрушенного и работать вместе…»

Откуда только являлись силы у людей всех возрастов в невероятно тяжелом сорок первом? В Ручьях важное строительство под угрозой захвата — Исаков знает: нельзя там ничего оставить немцам, — он спешит к Афанасьеву, начальнику строительства, с которым поднимал в 1933 году корабли по ступеням Повенчанской лестницы Беломорканала, и помогает ему предотвратить беду. С Боголеповым, своим «крестным» в штабе Черного моря, готовит по приказу Жукова на Ладожской флотилии отчаянные десанты — только бы остановить, задержать продвижение. После пожара на Бадаевских продовольственных складах создает базу в Осиновце для будущей кормилицы Ленинграда — «дороги жизни». Он и в Кронштадт поспевает в день зловещего «звездного налета», когда крепость бомбили больше двух сотен самолетов и «Марат» под бомбами потерял нос; а вечером, после налета, спешит в Ленинград, в Смольный, но попадает туда только глубокой ночью — быстроходный катер в опаснейшем месте выскакивает на мель и адмирал со своими спутниками, изготовив личное оружие, ждет другого судна…

В Смольном не до сна — очередь неотложных встреч, дел, переговоров. Приходит перед рассветом Карпов, он только что оттуда, с запада, форсировал минные поля, спасал тонущих с госпитального судна «Сибирь», его нельзя не выслушать, надо принять. Но время, время… «Надеюсь, не чаи будем распивать…» Не будь Карпов умницей — обиделся бы смертельно. Но кто в ту ночь и в ту осень не понимал, как дорога́ минута. Время такое — война берет за горло, торопятся оба: за пять минут надо успеть сказать только то, чего Исаков ни от кого другого не услышит. Карпову утром в поход, а Исакову — в Москву, на самолете туда и обратно через линию фронта — всего на шесть часов, из них

тридцать минут для семьи.

Так изо дня в день — самолет, катер, канонерка, машина, даже дрезина и паровоз, чтобы выбраться из разбомбленного состава к цели, не теряя минуты.

Снова воевал под Шлиссельбургом. Теперь не командир «Кобчика», а представитель Ставки и член Военного Совета фронта, как потом под Краснодаром, в Керчи, на Тамани, в Новороссийске и в Закавказье. Невскую Дубровку и Шлиссельбург еще помнят вдовы, сироты и выжившие: пекло. Из одного маячного домика Исаков ушел за час до уничтожения всего живого. В другом месте — на батарее — захватила бомбежка. Контужен, слух на левое ухо потерян навсегда — потом острил, что может не слушать пустомель, заткнув только одно ухо… И все же легко отделался: под свистящей бомбой молоденький адъютант Коля Петров втолкнул в землянку. Жаль, оставил его в Туапсе, когда год спустя помчался на перевал Гойтх…

Стал ли после Шлиссельбурга осторожнее? Нет, не стал, хотя и уверял Ольгу Васильевну, что «благоразумен до уныния». Какое там благоразумие — Смольный тоже под прицелом. Даже все дворцы и музеи Ленинграда были нанесены на карту бомбежки как цель — я сам видел такую карту в фашистском журнале под наглым названием «Бомбен ауф Ленинград» и опубликовал ее в «Красной звезде» как иллюстрацию к своей корреспонденции…

В шестьдесят шестом году, 6 апреля, узнав, что я собираюсь в Ленинград, Иван Степанович позвонил мне и попросил об услуге, без которой он, прикованный к постели, не мог обойтись. Рассказанное им я записал дословно.

— В сорок первом году я был в Ленинграде заместителем Ворошилова, — как всегда неторопливо сказал Исаков. — Но об этом периоде ничего не написал до сих пор. Сейчас пытаюсь, лежа в постели, кое-что написать, в частности, один рассказ о бомбежке Смольного. Это такой случай, хотя и лично пережитый, что читатели без документального подтверждения могут и не поверить — свидетелей почти нет. Но есть бумага, древняя, историческая, ее бы найти и сфотографировать, тогда поверят всему. Я говорю о плане здания Смольного, хранящемся у коменданта. Он, правда, может проявить неожиданную бдительность и не показать этого плана, тогда можно и обойти коменданта — такой же план должен быть и у архитекторов или в Академии художеств.

Дело было то ли в июле, то ли в сентябре, скорее в сентябре, когда немцы стали зарываться в землю вокруг Ленинграда — рыть траншеи, окопы и блиндажи, переходя к осаде. Они совершали воздушные налеты — налет за налетом. Да, вы это

помните. Но после вашего ухода на Гангут стали бомбить сильнее. Бомбили и Смольный. Мой кабинет был в Смольном, и туда ко мне пришел однажды в час воздушной тревоги Николай Николаевич Воронов, маршал артиллерии позже. Надо вам сказать, что я в убежище не ходил, хотя тогда у меня были обе ноги, — ногу, как вы знаете, я потерял только в сорок втором. Толки об этом возникли различные. Одни считали это бравадой. Другие — признаком фатализма. Третьи — безумной храбростью. На самом деле я, южанин, всегда с трудом переносил северный климат, хотя много лет плавал именно на Балтике. Легкие и дыхание давно были не в порядке, и я не выносил спертого воздуха убежищ. Потому и оставался в кабинете — почти в одиночестве во всем здании.

Так вот, Николай Николаевич Воронов зашел ко мне в момент, когда сирены уже возвестили сигнал тревоги и все убрались под землю. Воронов, облокотясь на подоконник, смотрел в пустынный двор Смольного, когда упала крупная бомба — то ли 500 килограммов, то ли тонна. Его отбросило воздушной волной ко мне на стол, и он столкнул и разбил лампу — мы потом долго над этим смеялись, потому что кроме воронки посреди пути к воротам слева, если смотреть из окна, никаких ощутимых последствий этой бомбежки не было. Не считая разбитой лампы. А бомбили именно Смольный, бомбили прицельно, — я всегда утверждал, что маскировать Смольный бессмысленно, он же построен на самой излучине реки и его место точно известно.

Да. Но после гибели лампы произошло нечто странное. Дом, весь дом, весь знаменитый Смольный, закачался как монолит — мы оба ясно это ощутили. И если мой гость мог отнести это на счет поразившей его воздушной волны, то я ошибиться в этом не мог. Дом раскачивался как монолит, ничего не трещало, не сыпалось, качка сходила на нет по затухающей и прекратилась.

Как только был дан отбой, я прошел по зданию, осмотрел его, вышел во двор — нигде не было никаких повреждений, трещин, осыпавшейся штукатурки, никаких следов сотрясения. Но дом же качался?! Я вызвал коменданта и приказал ему тщательно осмотреть здание. Он вскоре вернулся.

«Есть ли какие повреждения?» — спросил я коменданта. «Нет». — «Чем объяснить, что дом качался?» — «Не могу сказать. Яма с водой громадная». — «Ну, тогда тащите сюда план здания».

Комендант принес старинный план здания и фундамента в разрезе. Я развернул план и все понял. Фундамент стоял на ро́стверке. А ро́стверк — на тысячах свай, забитых в изгиб излучины реки. Вертикальный разрез выглядел так, словно под

ростверком находились тысячи колонн, — вот почему Смольный ходил ходуном, когда сильная взрывная волна закачала его: бомба попала в зыбкое место и взорвалась на глубине. Укрепленная трясина.

Жданов и Ворошилов отнеслись к предположению скептически. Они были в убежище под семью метрами бетона и там ничего не заметили. Жданов приказал засыпать воронку и, кажется, даже распорядился устроить там клумбу. А мне потом было не до исследований — я занялся эвакуацией Кировского завода через Ладогу.

Теперь, — закончил Исаков этот устный рассказ-экспромт, — хотелось бы снова посмотреть на чертеж свайной подушки под Смольным. Для современных строителей, особенно на случай войны, эта история может быть поучительной, да и для историков она представляет интерес, не говоря уж о читателях…

В конце октября, когда фашисты выдохлись и перешли к осаде, Исакова отозвали в Ставку. Он летел из осажденного Ленинграда в осажденную Москву с полковником Преображенским, бомбившим Берлин: есть сила, если бомбим Берлин!.. Три чайки с убирающимися шасси прикрывали до Новой Ладоги от мессеров.

В Москве — фронтовая жизнь. Улицы в сугробах и баррикадах. Ольга Васильевна в Куйбышеве — учреждения эвакуированы. Остались штабы — ночью метрополитен отдан штабам. Ольга Васильевна надумала пойти работать на оборонный завод. Иван Степанович тотчас пишет резко и прямо: «Олька! Слушай — это наспех, но с раздумием. Брось затею с заводом, неверно…» Он считает, что каждому надо работать по специальности. «Мне понятно, что может увлечь, захватить и поглотить с головой работа, которую можно измерить нормами. Но работница от станка «со своим війском» и пайком научного работника Академии, жены замнаркома — звучит настолько фальшиво, что неясно, что вас побудило»…

Через месяц самолет перебрасывает его в Тбилиси, в помощь Закавказскому военному округу и Черноморскому флоту в разработке десанта в Керчь. Ему и карты в руки — знает театр наизусть с тех пор, когда воевал в Реввоенсовете за укрепление обороны баз и берега. Жизнь, увы, показала его правоту.

Но опять срочный вызов в Ставку: после Пирл-Харбора обострилась угроза на Тихом океане. Япония выжидала финала под Москвой — Москва выстояла, немцев погнали, но угроза Дальнему Востоку осталась. Ставке известно, что разгром американцев в Пирл-Харборе подтвердил давние оперативно-стратегические прогнозы Исакова. В третий раз он едет на Тихий

океан. Верховный главнокомандующий сказал ему перед командировкой: «Вы уже немного повоевали, так поезжайте и посмотрите, чтобы нам не устроили Пирл-Харбора»… На Тихом помотался по морям и бухтам, поработал, как на действующем флоте. И снова — срочно в Ставку.

«Опять поезд. Опять Забайкалье, — пишет он с пути в Куйбышев. — Совершенно неожиданно. Но в то же время привычно. Как из Ч. М., как из Балтики. Жадного к жизни армянина опять судьба гонит в гущу событий. С некоторым сожалением недоделанной работы (а сделал много и неплохо), сейчас без всякого сожаления еду навстречу — в который раз. И доволен. В этой великой битве оставаться в стороне мучительно. Ленинградом до 24 октября откупиться нельзя. Сидение в Москве не удовлетворяет ум и мутит совесть. Не знаю, увижу ли тебя перед отъездом. Очевидно, в Москве буду 1/2 дня или день? Успею ли с тобой поговорить хоть по тлф?.. Одно знаю и радуюсь — только он мог меня назначить. Остается оправдать»…

На сложнейшем Юго-Западном направлении, где и Керчь, и Тамань, и Краснодар, и Армавир — в него заскочил, когда все уже ушли, — Новороссийск, где ползал с командиром базы Г. Н. Холостяковым по Адамовича балке под минометным огнем, Исаков, заместитель командующего Северо-Кавказским направлением С. М. Буденного и член Военного Совета, познал громадный размах оборонительных сражений против фашистской лавины, рвущейся к господству над тремя морями — Каспием, Черным и Азовским.

«Я — вроде летучего голландца. Мечусь из угла в угол — от прозы Лермонтова через Мурку, Чугаева, до изумительно прозрачной воды, где ты плавала с бывшим героем через плавни до Витькиной родины, — спутница его долголетних военных скитаний отлично поймет эту зашифрованную приметами географию. — Здоров, как никогда. Какой аллах бережет меня и от язвы, и от мора, и от ФАБ, и от ЗАБ, — в войну каждый, особенно дружинница ПВО, понимал, что речь тут о бомбах фугасных и зажигательных. — Делаю что могу. Тяжело, но морально я чувствую себя хорошо, т. к. никто не мешает, а Семен Михайлович помогает (как и я ему), и работаем исключительно дружно».

Когда пал героический Севастополь, пишет горькие строки о гибели ходившего туда на «Ташкенте» писателя Евгения Петрова, с которым познакомился зимой в Москве у Эренбурга. «Ко всем прочим горестям прибавилась еще одна. Евг. Петров напросился со мной — в последний краткий мой прилет в Москву. Я вообще с ним подружился. Взял с опаской, зная, *что́* он стоит для всех. Был

моим гостем. Ходил в море, попал в тяжелую переделку, погибал, спасся. Затем попал со мной в автоэксидент. Отделался царапиной. Написал замечательную вещь, попил «ОС», проговорил с Семеном Михайловичем до утра и, вылетев с материалами, еще не просушенными после купания в соленой воде, — погиб в разбившемся дугласе. Здесь много смертей, ко всему привыкаешь, но его смерть почему-то меня сильно расстроила. Он был полон энергии, планов и готовности вернуться к нам через пять дней. Мир потерял писателя, страна патриота, а я — начинавшуюся настоящую мужскую дружбу с замечательным человеком. Мечтал показать тебе и знал, что ты его полюбишь. …боюсь, что до тебя в искаженном виде дойдет история с автокрушением. Так никому не верь. Пассажиры отделались испугом, а у меня немного поцарапало рожу. Сейчас все зажило… Пишу потому, что любители сенсаций уже преувеличили…»

Но о немецких танках, прорвавшихся к Тереку и обстрелявших машину Исакова на пути из станицы Новокубанской, — ни звука: зачем тревожить, если такое может повториться в любой час.

Северо-Кавказское направление перестало существовать. Создан Закавказский фронт. В личное дело замнаркома Исакова идут подряд три адресованные ему документа: о его назначении заместителем командующего Закавказским фронтом и членом Военного совета, при этом его обязанность — координировать действия Черноморского флота и Каспийской флотилии с войсками фронта; о переводе морской группы в Тбилиси и об оперативном подчинении Черноморского флота командованию Закавказского фронта.

Советское Информбюро еще не упоминало ни Туапсе, ни Туапсинского направления, хотя немцы уже рвались через перевалы к морю. Но ежедневно — и не случайно — наряду со Сталинградом звучали: «Юго-восточнее Новороссийска» и «Район Моздока». Достаточно было взгляда на карту, чтобы оценить угрожающий смысл этого: натиск на Кавказ, прорыв к бакинской нефти, к Ирану и на берег Черного моря.

Мы знали, что сводки всегда отстают от действительности, коли наступает противник, и догоняют, а то, случалось, и опережают, коли наступают наши, — так уж заведено всюду на войне. Но в зоне действия этих сводок, которая недавно считалась глубочайшим тылом, и даже в ту пору — курортным тылом, там не только знали — ощущали истину. Над морем и берегом непрерывно — воздушные бои. В Гудауте из уст в уста передают о столкновении пастухов-горцев с экипажем подбитого юнкерса.

Старый мой знакомый полковник Бокучава, начальник сухумской милиции, высокий и худой, как тамада на набережной перед «Рицей» в ожидании редкого теперь застолья, доверительно сообщил, что милиция уходит на перевал для борьбы против фашистских егерей, штурмующих Сванетию, и он сам был в бою, чему свидетельство свеженький орден Красного Знамени на кителе. А по дорогам через Гагру — два встречных потока: туда, на Туапсе, — колонны студебеккеров с войсками, оттуда — раненые, большей частью пешком, они усеяли склоны прибрежных круч кроваво-бурыми марлевыми повязками. Война выхлестнула и на этот берег. И все знали: хоть и нет его в сводках, но оно уже существует — Туапсинское направление. Весь район Туапсе: город, причалы, склады, сараи у пирсов, в которых обитали экипажи катеров в ожидании приказа на выход в конвой, — всё круглосуточно под бомбежкой. Полоса бомбежки расползается, но туго — вдоль берега, и густеет в глубь материка — в горы, вдоль железной и шоссейной дорог — к перевалам, к Индюку, к Шаумяну, к Гойтху.

Там, в горах, на переднем крае, где решалась судьба Кавказа, был тяжело ранен адмирал Исаков — теперь там школа его имени и музей.

О ранении он писал мне лаконично позже — ни он, ни Ольга Васильевна не любили об этом вспоминать: «Ранен авиабомбой на перевале Гойтх, когда в октябре 1942 г. немцы его преодолели — уже катились к Туапсе. Комфронта Тюленев И. В. помчался сам затыкать прорыв. Я перебрасывал на тральщиках армянскую дивизию из Поти в Туапсе. Но видя остроту момента, что к перевалу брошена морпехота, что ведет огонь 180 м/м ж-дор. батарея ЧФ (ирония судьбы — она была «противодесантной», защищая Туапсе с моря), я счел невозможным остаться на берегу и помчался за комфронта. В момент налета Ю-87 (с сиренами) в ущелье, видя, что все не знают, что делать, стал укладывать начальство в кюветы и кусты. Замешкался и остался открытым — один. Один и пострадал — разможжением бедра. Кругом «отход»! Еле успели вывести на грузовике. На операционный стол попал через 2 суток, когда началась гангрена. Еле отходили. Живу во второй раз…»

Двое суток мотали с места на место, то в медсанбат, то в полевой госпиталь, то к дрезине, разбитой немцами, к счастью, до погрузки на нее раненого, то на другой дрезине до Туапсе — там встречал адмирала молоденький адъютант Коля Петров, казнящий себя за то, что подчинился и не поехал на Гойтх следом. Он проводил адмирала в Сочи. В госпитале раненого встретил дивизионный комиссар Кулаков, член Военного Совета

флота. Еще ночью он вызвал из Батуми главного хирурга; тот долетел до Сухуми самолетом, пересел там на торпедный катер и к утру должен был быть на месте. Кулаков в нервном ожидании сидел в палате. Раненый, казалось, задремал.

«И вдруг в полной тишине слышу тихий, но внятный шепот: «Шыпыть, а нэ бэрэ, шыпыть, а нэ бэрэ…» — «Иван Степанович, что вы говорите?» Приоткрыв глаза, Исаков лукаво ответил: «Знаете, Николай Михайлович, это казаки так говорили после одной-двух бутылок, когда им вместо водки давали шампанское»».

Светало. Кулаков вышел на крыльцо, он вглядывался в пустынные подходы к Сочи с моря.

На пределе видимости вспыхнул белый бурун катера. В порт помчалась автомашина. Раненый уже был в операционной, когда появился главный хирург и решил его судьбу.

«Сохраните мне голову!»

Едва услышав эти слова, хирург бросился из операционной и доложил члену Военного совета, что единственный шанс спасти Исакову жизнь — немедленно ампутировать ногу. «Делайте!..»

Началась борьба за его жизнь, за его *вторую* жизнь. Каждый из бюллетеней, передаваемых правительству, начинался фразой: «Состояние тяжелое» и кончался: «Сознание ясное», хотя перед этим сообщалось о беспамятстве, периодическом бреде. Даже когда пульс исчез и внезапно упала сердечная деятельность, в конце бюллетеня следовало: «Сознание ясное». Молоденький адъютант записал все сказанное адмиралом, и в бреду, и при пробуждении, даже обрывки слов и фраз, — все об одном: как служить, как воевать без ноги…

И вот прилетела «Ок», с нею профессора Андреев, Джанелидзе, Мясников. В Ставку пошла депеша: «Состояние Исакова чрезвычайно тяжелое. Резкое ослабление сердечной деятельности. Пульс временами не прощупывается. Общая адинамия. Температура 37,2. Имеются явления газового сепсиса. Конечность ампутирована предельно высоко. Состояние раны удовлетворительное. Сознание сохранено. Исход для жизни решает количество запасных сил»…

Тогда и пришла в его адрес депеша Ставки, поднявшая его дух: *«Мужайтесь…»* Могла ли она помочь ему собрать остаток сил?

В. Вересаев, писатель и врач, вспомнив слова одного хирурга о силе страстного желания матерей и жен спасти безнадежных больных на пороге смерти, заметил, что иногда он начинает верить в прану йогов, в то, что люди способны избыток своей жизненной силы — праны — переливать в других людей. Он

рассказал о двух сестрах милосердия в госпитале в первую мировую войну, — они были полны такой любви к людям и такого запаса жизненных сил, что на их дежурстве почти никто не умирал. Однажды Вересаев подошел к больному газовой гангреной после экзартикуляции тазобедренного сустава и сказал: «Через десять минут умрет. Покройте его». Уж достаточно был опытен. Но при больном была одна из упомянутых сестер. И он начал теплеть и ожил. Многое еще нам неизвестно в организме человека.

Строки Вересаева из «Записей для себя» Исаков прочел спустя восемь лет после ранения. Он отчеркнул их красным карандашом и вырезал — может быть, как ответ на вопрос, мучительный и для него.

И еще одна война

Она началась для него 4 октября 1942 года и продолжалась ровно четверть века. Часы, дни, месяцы, годы и десятилетия невыносимых страданий, преодоления мук и героического труда.

В «Хронике Великой Отечественной войны» Черноморского флота от 16 октября 1942 года записано: «В 0 ч. 35 м. базовый тральщик БТЩ-412 с тяжело раненным заместителем народного комиссара ВМФ адмиралом Исаковым на борту в охранении двух катеров вышел из Сочи и в 6.00 прибыл в Сухуми. Оттуда адмирал Исаков на специальном поезде выбыл в Тбилиси».

Его еще нельзя было перевозить — шли девятые сутки после ампутации. Но противник, очевидно, узнал, что в Сочи, в санатории Наркомзема, лежит раненый военачальник, — участились полеты разведчиков именно над этим районом. Следовало ожидать налета. Пришел приказ эвакуировать.

От причала в Сухумском порту до специального вагона раненого несли осторожно и за ним следовала пешая процессия — член Военного Совета и командиры. Впереди и позади вагона прицепили платформы с зенитками, поезд тронулся. «Остановите, остановите», — вскоре потребовал Исаков — так ему стало больно. Поезд остановили, дали передышку и снова поехали — так медленно, как позволял график военного времени, когда еще в разгаре была битва за Кавказ и за Сталинград. Но ему стало хуже. Тогда профессор Джанелидзе, бог флотской хирургии, приказал налить Исакову стакан коньяка. Он выпил, боли утихли. Поезд помчался в Тбилиси.

Три месяца продолжался сильнейший сепсис. Вечером температура подскакивала за сорок, утром падала ниже тридцати шести, изнурял проливной пот. Профессор Петров понимал: от этого человека не надо ничего скрывать, надо подготовить его к горькой правде. Иван Степанович сам читал приговор себе в глазах врачей. Они хотят, но не могут ему помочь. Но он должен жить, война еще только на переломе. Он знал все, что происходит на фронтах и флотах — Черноморском и Каспийском, за них считал себя в ответе. Ольга Васильевна с трудом сдерживала посетителей, умоляя не оставаться у него больше пяти минут — «тигра лютая» называл ее Коккинаки, получивший разрешение Ставки прилететь в Тбилиси и навестить дорогого человека. Они успели переговорить коротко, как на перекрестке фронтовых дорог: «Что у тебя?» — «Ой трудно… Но моряк не должен показывать»… И опять он собрал все силы и стал выздоравливать.

«Ок» была рядом неотлучно, как и все четверть века последующей борьбы за жизнь…

Зимой Исаков, не покидая палаты, начал работать, и может быть, в этом было его спасение. А в мае сорок третьего года, отбросив изготовленный для него, но неудобный при такой ампутации протез, он вернулся на костылях в Москву. Он писал генералу Тюленеву осенью: «Сегодня исполнился год со дня моего ранения, когда я выпал из тележки. Конечно, я предпочел бы быть на двух ногах и работать с тобой или на другом фронте, но даже то, что я сейчас могу работать в Москве и как-то приносить пользу общему делу разгрома врага, — и то хорошо. Могло бы это кончиться небольшим памятником в Сочи или в Тбилиси. Поэтому я доволен и признателен тем, кто отодвинул немного устройство памятника, и хорошо понимаю, что кроме Петрова или Джанелидзе много обязан тебе… Первое время я очень тосковал без ответственной работы. Быть на положении почетного зама тяжело, а в военное время особенно. Но к моему удовлетворению, неожиданно получил назначение в правительственную комиссию (по совместительству), работа исключительно интересная и ответственная… Сейчас под моим водительством печатают (впервые) и будут выходить сборники по опыту войны (морские). Зная твой интерес к флоту, буду посылать тебе».

Снова один за другим в морских журналах и отдельными изданиями появляются его труды-исследования опыта второй мировой войны — «Авантюризм германской морской стратегии», «Рейд на Дьеп», а потом и «Военно-морской флот в Отечественной войне», выпущенный большими тиражами в Госполитиздате и в Военно-морском издательстве в 1944 и 1945 годах. Одновременно он поглощен капитальным трудом о «Приморских крепостях» — старая его тема подкреплена свежим опытом второй мировой войны.

Объем сделанного им в последние годы войны огромен. Научные труды по-прежнему сочетаются с разносторонней военной и государственной деятельностью. В сорок четвертом году ему присваивается высшее воинское звание — адмирал флота. Правительство вводит его в комиссию, готовящую условия капитуляции Германии, — победа близка.

Легенда сопутствовала ему на каждом шагу. Я еще служил во флоте, когда услышал трогательную историю про черноморского матроса, будто явившегося на роликовой тележке к адмиралу флота в Главный штаб. Там, под Туапсе, он был ранен в обе ноги, оперирован в том же госпитале, что и адмирал, за ними ухаживала одна и та же красавица сестра, грузинка, ставшая

женой матроса; конечно же его пропустили в штаб без пропуска, и адмирал принял его, как друга. А когда вышел проводить, то все офицеры застывали «смирно» на широкой лестнице Главного штаба и отдавали честь двум ветеранам войны — адмиралу на костылях и матросу на роликовой тележке…

В этой легенде истиной было то, что к Исакову обращались многие инвалиды войны и соратники со времен революции, и никому не было отказа, особенно если человек в беде. Истина еще в том, что, помогая, он деликатно щадил самолюбие просителя. Я прочел немало писем, где, посылая деньги, он объяснял, что детей у него нет, думали усыновить ребенка, да беда не позволила, вот он и делится излишками с теми, кто ему необыкновенно дорог.

Ходила легенда, связанная с его отказом вторично занять пост начальника Главного морского штаба, — надо ездить на флоты, а у него только одна нога. Будто ему было сказано, что лучше с одной ногой и светлой головой, чем с двумя ногами, но без головы. Он действительно был на этой должности десять месяцев, работал по восемнадцать часов в сутки, пока в 1946 году его не свалила мучительная боль. Работать в кабинете и не бывать в море он не мог, он знал, чего требует жизнь от высшего штабиста, и не желал скидок. Еще до войны он щепетильно относился к совмещению должностей в Москве, в наркомате, с должностью начальника академии в Ленинграде. Фиктивности он не терпел. А после ранения и возвращения в строй он отказывался от таких льгот, которые, по его убеждению, противоречили интересам дела. В одном из рапортов он просил освободить его от большой должности, потому что право работать дома часть недели сковывает оперативную деятельность министерства и несовместимо с государственными задачами — не каждый, к сожалению, способен на открытое признание своей физической непригодности для иного поста.

Четверть века его второй жизни удивительно выявили его многосторонний дар. Но главное — в полную меру открылся талант его характера. Да, талант характера, вобравшего огромный запас жизненной энергии и ясных воззрений на мир и обязанности человека перед обществом за годы двух революций, четырех войн и последней, самой мучительной и долгой, но и самой радостной войны с самим собой, с недугами, с природой, кажется, не уступающей ему ни пяди пораженного организма. Воли, одной воли человеку мало в этой войне, если нет внутренней насыщенности убеждениями, знаниями, культурой и потенциальных способностей ума. Необходимость выбора стояла перед ним не раз, совесть, опыт, интуиция не раз подсказывали

ему верный курс. Теперь, в зрелом возрасте и на взлете фортуны, решала выбор возможность самоотдачи.

Как честно и с максимальной самоотдачей использовать остаток жизни? Ради чего существовать? Что он, вопреки недугам, способен сделать в полную силу? Он член-корреспондент Академии наук СССР, увенчан лаврами, орденами, Золотой Звездой Героя, маршальской звездой, но не в его правилах занимать место, где другой, более сильный и свежий талант может дать больше. Он щедро советовал, отдавал накопленный опыт другим, не терпя скопидомства и собирательства, щедро одаривал редкими находками каждого, кто не праздно, но глубоко вникал в историю или подхватывал идею, им выношенную, но теперь для него непосильную.

Так он написал в соавторстве с офицером Леонидом Еремеевым книгу «Транспортная деятельность подводных лодок», задуманную, вопреки господствовавшим взглядам, еще до войны и, по его убеждению, остро необходимую в наше время. Так он передал другим завершение всемирно признанного «Морского атласа» — им задуманный, им организованный труд — и сильный коллектив, пущенный в славное плавание — до последнего тома. Так он заметил и поддержал таллинского инженера Корсунского, любителя истории кораблей, не только открывшего ему судьбу «Изяслава», погибшего в Локсе в сорок первом под именем «Карл Маркс», но и вовлекшего всех выживших изяславцев в благородную борьбу за очищение от наветов доброго имени приморских жителей Локсы, спасших из огня последний экипаж эсминца.

Так он раздавал людям — по выбору! — книги, реликвии, сюжеты, свои замыслы, ничуть не заботясь об авторстве и приоритете, больше озабоченный продолжением начатого или найденного, — он понимал ограниченность срока жизни.

К нему пришел однажды Михаил Ромм, человек темпераментного ума и честной души, для разговора о будущем фильме «Адмирал Ушаков». Иван Степанович был в штатском, на костылях. Постепенно, слушая Исакова, режиссер обо всем прочем забыл. Он видел ироничные и очень умные глаза, чуть-чуть грустные; если собеседник, рассказывая, становился серьезным, «то только для того, чтобы стать серьезным». Ирония, улыбка были в каждом его рассказе непременно. Об Ушакове, о Нельсоне, о короле Фердинанде, Вильяме Питте или о Гамильтоне Исаков рассказывал, как о личных знакомых. Он настолько все это знал, что у слушателя не возникало даже мысли, откуда он это знает.

Став консультантом картины, он написал для съемочной

группы уникальное сочинение — «Морская служба XVIII века», описав все, что надо знать актерам и постановщикам: обязанности матроса на корабле того времени, обязанности командира, все, вплоть до походки, заряжения оружия. По его чертежам построили макет корабля XVIII века, верх водрузили на стальную баржу. Она болталась с высокими деревянными надстройками в одесском порту. Люди с волнением следили, как по крутому неудобному трапу поднимается на нее адмирал флота — на костылях. Режиссер позабыл, что у этого человека нет ноги, что ему ежедневно делают какие-то инъекции, что он мучительно болен и его жена временами спит около его кровати на полу, чтобы не оставлять его ни на секунду. И вот однажды в съемочной группе просматривали материал. В темноте зала Ромм не видел Исакова. Но когда внезапно зажегся свет, он увидел, что Исаков сидит пепельно-серый, с бесцветными губами и пот течет с его лба. Но едва тот почувствовал, что режиссер на него смотрит, он спросил: «Больше материала нет? Кажется, мы еще должны зайти к директору студии? Пойдемте».

В госпиталях — а Иван Степанович часто попадал в госпитали на повторные, но бесплодные операции — он не расставался с карандашом и бумагой. Утром ли, ночью ли, — а ночи были бессонные, хотя часто он притворялся спящим, чтобы избавиться от уколов или чтобы угодить экспериментаторам лечения электросном, — он записывал беспокоящие его мысли, адресуя их Ольге Васильевне, полвека он так ее любил, что никому не простил бы малейшей обиды, нанесенной ей.

23 мая 1954 года он записал: «Воскресенье, утро. Все-таки неисправим. Размечтался — сколько сделано во время отпуска, а сколько после. И это не патологическое. Потребность: без осуществления замыслов — неоправданно, ради чего все переносил? ради чего остался живой?.. Надо обязательно успеть сделать много полезного для народа, для государства… и тем самым для себя и тебя. Только надо вытравлять остатки тщеславия от своей полезности. Надо успеть помочь другим».

И вот он пришел к решению — писать рассказы. Чтобы принести наибольшую пользу молодым и флоту. Так он и объяснял в письмах, отвечая на вопросы друзей: почему он, человек такой большой и сложной биографии, к тому же искусно владеющий пером, не пишет мемуаров? Доктор технических наук, профессор И. Г. Ханович, известный специалист по кораблестроению, в воспоминаниях, опубликованных в «Вестнике архивов Армении», привел такие слова Исакова: «О мемуарах. Вы правы. Но у меня есть такие нарушения из-за культи и невромы, что рискую не получить причитающегося мне гонорара от

издательства… В этих условиях браться за 2–3-летнюю работу — нецелесообразно. Заведомо идти на неоконченную повесть. Остаюсь при убеждении, что надо писать от частного. По кирпичику. А крупноблочное и секционное по возможности. И учтите — этих возможностей почти нет, так как в строю и в Академии наук».

Его литературные дебюты горячо поддержали Александр Твардовский и Константин Симонов. «Новый мир» ввел его в литературу, рассказы печатали все ежемесячники. Он писал мне однажды: «Научные начал писать в 1924 г. Новелетто и фацеции только с 1959 г… Рассказы читают, знаю по получаемым письмам (даже от отставного майора из Бугуруслана — «только теперь понял, что делал флот в В. О. войну»). Это — высшая награда».

Избранный им жанр писательского труда требовал частого обращения к архивам, в библиотеки, на это не было ни времени, ни сил. Его выручали Ольга Васильевна — она работала в Академии наук — и ее заместительница, большой друг их дома, Анна Павловна Епифанова, обе библиографы. Иван Степанович называл их «мои библио-графини».

В шестьдесят третьем году Иван Степанович был принят в Союз писателей. Выходили сборники его рассказов, его блестящие эссе о Евгении Петрове, литературные портреты заслуженных моряков, имена которых он считал своим долгом вернуть поколению. О «крупноблочном» он не забывал. В его черновых записях есть и планы автобиографии и даже предполагаемое заглавие: «Записки мичмана Исакова, скорректированные адмиралом флота Советского Союза Исаковым». В одном из писем, за два месяца до кончины, летом 1967 года, Иван Степанович перечислял рассказы, «брызги», «досуги старого адмирала» и биографические работы, готовые на восемьдесят, девяносто и девяносто пять процентов, и спрашивал совета у друзей, на чем сосредоточить сейчас внимание. Некоторые рукописи удалось найти и опубликовать, но многое еще надо найти.

Ну а как же с обещанием назвать его именем эсминец?

Иван Степанович не зря написал саркастический рассказ «Крестины кораблей». Он пришел к убеждению, что давать кораблю имя здравствующего человека недопустимо. Незадолго до смерти Исаков встретился с Николаем Герасимовичем Кузнецовым «как пенсионер с пенсионером». Поехали на Ленинские горы, у парапета смотровой площадки он заговорил, что детей у него нет, никого не останется, так будет ли назван его именем корабль?..

Человек есть человек. От собеседника это не зависело, но

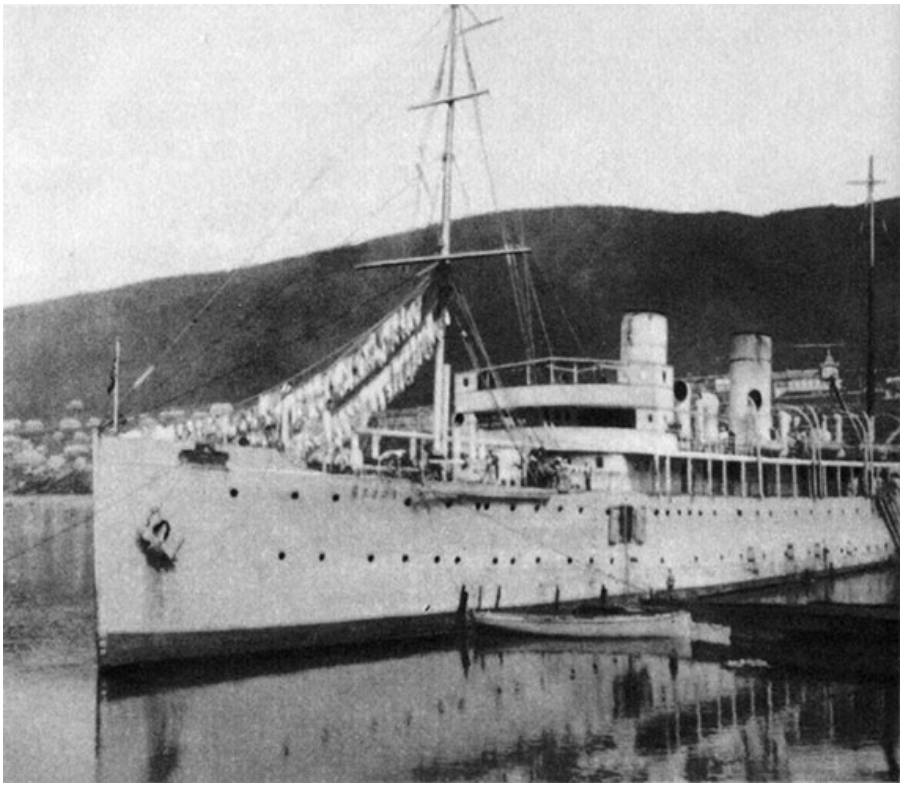
Исакову хотелось, чтобы его имя сохранил флот.

Флот, у колыбели которого он провел молодость, сохранил его имя. Недавно в хронике мелькнуло: к берегам Кубы прибыл корабль «Адмирал Исаков».

Доброго и долгого ему плавания.

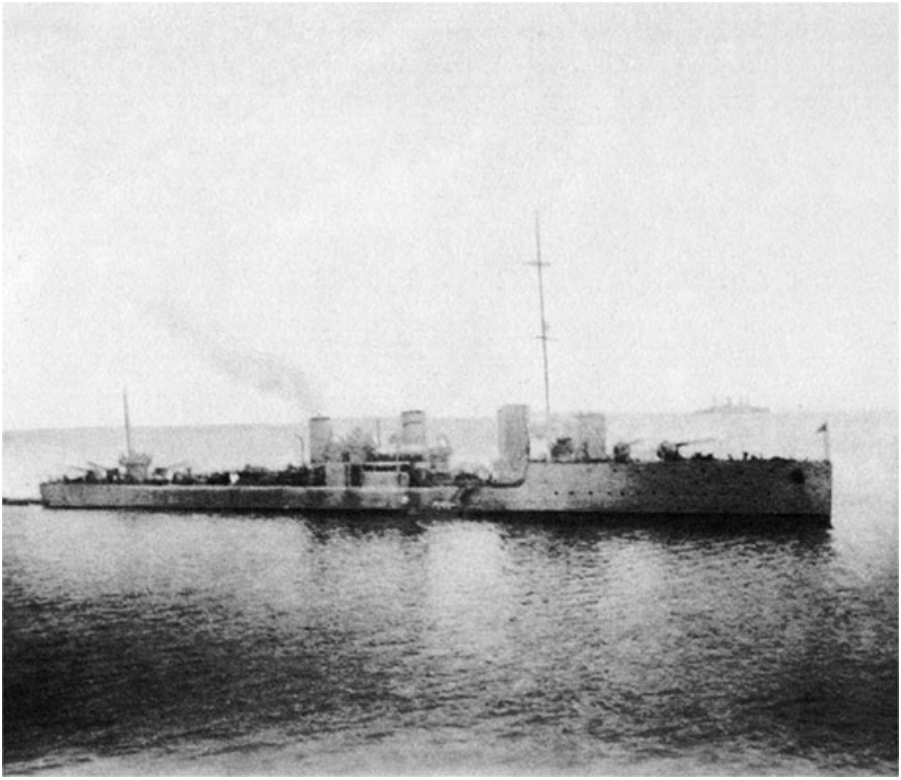
Иллюстрации

Адмирал флота Советского Союза И. С. Исаков.



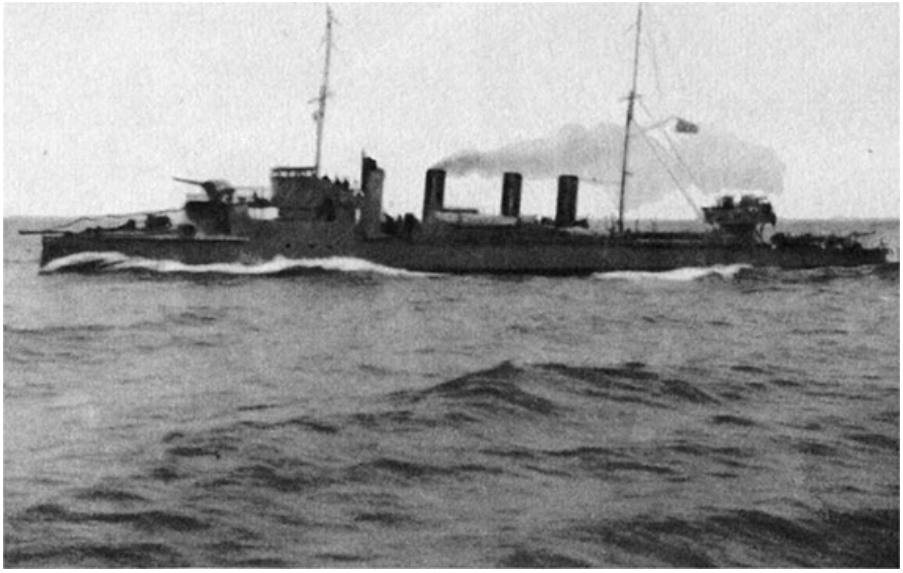
Петропавловск-на-Камчатке. Авачинская губа. 1915 год. Гардемарины на практике на учебном корабле «Орел».

Иван Исаков, унтер-офицер ОГК. 1916 год.



Лето 1917 года. «Изяслав» на рейде Куйваасту. Вдали линкор «Гражданин».

Мичман Иван Исаков на «Изяславе» во время Моонзундского сражения осенью 1917 года.



Эсминец «Деятельный» в 1920 году на Каспии.

Начальник штаба ЭОН-1 И. С. Исаков на батопорте при подготовке дока с эсминцами к проводке по Беломор-каналу. 1933 год.

«Упряжка цугом» — проводка кораблей ЭОН-2. 1933 год.

Друзья И. С. Исакова по революции, гражданской войне и строительству советского военно-морского флота: (слева направо) 1 ряд — Л. Вербицкий, И. Кудзелько, В. Цыганков; 2 ряд — Н. Воронин, А. Крастин, М. Степанов. 1960 год.

Начальник штаба КБФ флагман И. С. Исаков в походе на Балтике. 1935 год.

Командующий КБФ И. С. Исаков и начальник отдела боевой подготовки штаба флота В. Ф. Трибуц в походе на Балтике. 1937 год.

Май 1939 года. Атлантический океан. На мостике парохода «Иль-де-Франс» на обратном пути из США в Европу (справа налево): флагман флота 2-го ранга И. С. Исаков, капитан судна Грандери, летчик Герой Советского Союза В. К. Коккинаки.

На учениях Черноморского флота в канун Великой Отечественной войны: начальник Главного морского штаба адмирал И. С. Исаков, член Военного совета ЧФ дивизионный комиссар Н. М. Кулаков и дивизионный комиссар В. А. Лебедев.

И. С. Исаков с женой О. В. Исаковой. 1940 год.

М. И. Калинин вручает Адмиралу флота И. С. Исакову правительственную награду. Справа от Исакова Н. Г. Кузнецов и Л. М. Галлер.

И. С. Исаков на VI Пагуошской конференции «Разоружение и международная безопасность» перед чтением своего доклада. 1960 год.

И. С. Исаков за рабочим столом на даче в Красково под Москвой.

В Большом зале Центрального Дома литераторов в Москве 11 декабря 1969 года писатель К. С. Симонов ведет вечер памяти Ивана Степановича Исакова.

25 коп.

ПОЛИТИЗДАТ · 1974

На последней странице обложки изображен корабль ВМФ СССР «Адмирал Исаков».